

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ

ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ N5(161)

МОСКВА 2025

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2025. № 5 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев; д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг; академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач; д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков; д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков; академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; к.э.н. Н.П. Недзвецкая; д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула); д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов; д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина; д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев; д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция); д.ф.н., проф. Н.Б. Шуваловский, зам. гл. редактора; д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешопок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phill.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/ljh/jhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2025

Содержание

Университеты и гуманитарность (Главный редактор)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
«Экономика» как иллюзия и экономика как реальность (невразумительное эссе).....	13
<i>А.В. Марков, О.А. Штайн</i>	
Лед, реки и ритмы: непереводимость хозяйства в свете тайдалектики.....	22
<i>Р.К. Асманов, М.М. Кучуков</i>	
Эмоции и страсти как фактор и ресурс экономической динамики.....	32
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.В. Бирюков</i>	
Собственность как исходная основа понимания логики эволюции экономических систем	59
<i>М.Л. Альпидовская, А.М. Корнилов</i>	
Асимметрия информации в условиях финансализации и цифровизации экономического роста	74
<i>В.П. Суйц, С.Н. Сапронов</i>	
Пролегомены к природе учета данных	98
<i>А.В. Орлов</i>	
Основные подходы и механизм повышения эффективности промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики <i>in vitro</i>	108
<i>Я.Д. Яковлев</i>	
М.И. Туган-Барановский: взгляд на кооперацию и ее роль в социальной борьбе.....	133
<i>О.Б. Лемешонок</i>	
Развитие концепции человеческого капитала в процессе трансформации хозяйственных отношений	145
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Синтез искусств: Кандинский, Шенберг и Скрябин.....	163
<i>В.Н. Прончатов, А.М. Горбачев</i>	
Метод Декарта как инструмент научного познания	177

<i>A.P. Геворкян</i>	
Преодоление материализма. Попытка переосмысления социализма на идеалистических основаниях в русской философии первой половины XX века	196
<i>A.I. Бобков</i>	
Социально-феноменологический конструктивизм и философия археоавангарда в исследовании этнорелигиозной идентичности человека.....	222
Раздел IV. Актуальная социология	
<i>P.YO. Соков</i>	
Система информационной безопасности и цифровой грамотности в России и регионах: истоки, состояние, перспективы.....	243
<i>E.N. Братищева, В.Н. Иванова</i>	
Инновационный менеджмент и социальные отношения в сфере массовой культуры	266
<i>Г.Р. Наумова</i>	
Гуманитарные науки на переломе.....	282
Научная жизнь	
Анонсы — 2025	294
Наши авторы	295

Contents

Universities and Humanities (<i>Chief Editor</i>).....	7
--	---

Part I. Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

«Economy» as an Illusion and Economy as Reality (An Incomprehensible Essay)	13
<i>A.V. Markov, O.A. Shtayn</i>	
Ice, Rivers, and Rhythms: The Untranslatability of Economy Through Tialectics.....	22
<i>R.K. Asmanov, M.M. Kuchukov</i>	
Emotions and Passions as a Factor and Resource Economic Dynamics	32

Part II. Economic Theory

V.V. Biryukov

Property as the Initial Basis of Understanding the Logic of the Evolution of Economic Systems	59
--	----

M.L. Alpidovskaya, A.M. Kornilov

Information Asymmetry in the Context of Financialization and Digitalization of Economic Growth	74
---	----

V.P. Suyts, S.N. Sapronov

Prolegomena to the Nature of Data Accounting	98
--	----

A.V. Orlov

Main Approaches and Mechanism for Increasing the Efficiency of Industrial Policy in the Industry of Reagents for in vitro Diagnostics.....	108
--	-----

Ya.D. Yakovlev

M.I. Tugan-Baranovsky: Perspective on Cooperation and its Role in the Social Struggle	133
--	-----

O.B. Lemeshonok

Development of the Human Capital Concept in the Process of Economic Relations Transformation	145
---	-----

Part III. Actual Philosophy

N.N. Rostova

Synthesis of the Arts: Kandinsky, Schoenberg and Scriabin	163
---	-----

V.N. Pronchatov, A.M. Gorbachev

Descartes' Method as a Instrument of Scientific Knowledge	177
---	-----

<i>A.R. Gevorgyan</i>	
Overcoming Materialism. An Attempt to Rethink Socialism on Idealistic Grounds in Russian Philosophy of the First Half of the Twentieth Century.....	196
<i>A.I. Bobkov</i>	
Social Phenomenological Constructivism and Archaeoavangarde Philosophy in the Study of Ethno-Religious Human Identity	222

Part IV. Actual Sociology

<i>R.Y. Skokov</i>	
Information Security and Digital Literacy System in Russia and the Regions: Origins, Status, Prospects	243
<i>E.N. Bratscheva, V.N. Ivanova</i>	
Innovative Management and Social Relations in the Field of Mass Culture.....	266
<i>G.R. Naumova</i>	
Humanities at the Change	282

Scientific Life

Anounce — 2025	294
Our Authors	298

Университеты и гуманитарность

Да, Московский университет был задуман М.В. Ломоносовым и основан в 1855 г. как очаг подготовки профессионалов по ряду актуальных фундаментальных отраслей математического, естественного и гуманитарного знания, и таковым очагом в основе оставался всегда, даже в турбулентные революционные времена, и остается таким до сих пор. При этом подготовка учащихся включала для всех питомцев университета усвоение разнообразной гуманитарной, пусть в основе европопросвещенческой (немало и масонской по инициации) гуманитарной культуры с примесью какое-то время внешне христианской, а затем, уже в послереволюционный период с 1917—1918 гг., вполне атеистической, в основном марксистской, а фактически представляющей всего лишь подновленный вариант все того же вдохновленного масонством европопросвещенства.

Нам, нынешним ученикам, выпускникам и старателям Московского университета, ставшего в 1939 г. Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова (с известным на весь мир брендом МГУ имени М.В. Ломоносова или попросту МГУ) не без основания представляется, что речь идет о сугубо российском университете, однако ежели по местоположению и национально-государственной принадлежности сей университет и российский, какое-то время советский, то по сути-то он все такой же — европопросвещенческий, может, ныне и евроамериканопостпросвещенческий, но все-таки вовсе не постмасонский, несмотря на возрождение при университете христианского храма и не слишком заметного, но как-то присутствующего в МГУ, православного богословия.

Зачем говорю об этом и именно так? Во-первых, потому, что это есть и именно так, а во-вторых, с заботой о гуманитарной составляющей, ныне резко ослабленной и немало переделанной в соответствии с влезшим в страну Постмодерном (и постПросвещением), а также в соответствии с безудержной постмодерновой вестернизацией страны с немалой утратой страной не только советской, но и сугубо российской (русской) идентичности, да еще и в угоду наплывшего в сферу образования и науки, в особенности, гуманитарной, включая

еще и культуру, совершенно сатанического пошиба вульгаризма, отчего-то и зачем-то не замечаемого, если не поддерживаемого, РФ-администратизмом.

Не будет великим преувеличением сказать, что ученая мысль, во всяком случае, смысловая гуманитарная мысль, ныне окутана неким подобием вроде бы невидимой, но зато очень хорошо ощущаемой самими учеными, колючей проволоки с закрепленными на ней в виде вполне уже зрячих и хорошо слышимых сторожевых бубенцов, извещающих о беспардонно придуманных и трескуче тренькающих нормах, ограничениях и правилах, совершенно при этом не учного, а непосредственно административного характера, что загнало гуманитарную мысль фактически в никем не объявленный, но очень эффективный для обессмысливания, если не полной отмены, смысловой гуманитарной мысли, проксиадминистративный концлагерь.

Свободная творческая смысловая гуманитарная мысль если ныне не отменена насовсем, то уж весьма надежно запечатана, причем, обратим внимание, не каким-нибудь «вечным учением» вроде того же советского времени марксизма, а всего лишь административным и даже вроде бы при этом научно-обоснованным, конечно же, придуманным там — на все еще для многих соотечественников гуманитарно благословленном Западе — порядком. Ловко, ничего не скажешь!

На одном из недавних заседаний Ученого совета экономического факультета МГУ рассматривался вопрос о проекте программы развития факультета до 2030 г. К моему, не особенно, правда, поразившему меня удивлению в проекте не только не нашлось места для, как я там же на Совете выразился, «гуманитарной составляющей», но даже само слово «гуманитарный» напрочь отсутствовало, а в перечне преподаваемых на факультете гуманитарных дисциплин, представленном на том же заседании Совета, числились философия, история, социология и право, но не было ни традиционной для факультета политической экономии, ни новой философии и методологии экономики, хотя соответствующие этим дисциплинам кафедры на факультете есть, аккурат под теми же наименованиями.

Председатель Совета, отдаю ему должное, поддержал меня по сему поводу, высказавшись, что сия составляющая должна найти свое

место в программе, а в ответ на его обращение к членам Совета рассмотреть в рабочем порядке проект и высказать свои замечания и предложения, я представил ему следующий, могущий быть включенным в программу, текст:

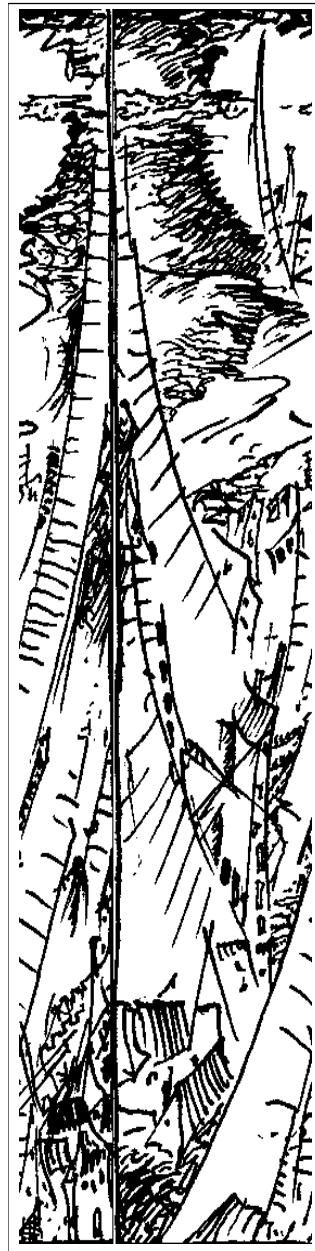
«Сознавая непреходящее значение гуманитарного образования и воспитания экономистов высшего университетского уровня, представляется необходимым усилить гуманитарный аспект в подготовке обучающихся путем внедрения обновленных, расширенных и достаточно объемных курсов политической экономии и философии и методологии экономики с элементами философии хозяйства с созданием по этим курсам новых, фундаментальных, современного звучания и содержания учебников и вспомогательных учебных пособий».

Мои собственные иллюзии насчет не то что создания новых курсов, учебников и пособий по вышеназванному гуманитарному направлению, вполне и традиционно университетскому, но хотя бы какого-то «самодеятельного» (авторского) их преподавания, давненько уже отпали: коллеги по преимуществу довольствуются колониальной «экономической теорией» или уже давно потерпевшей, по признанию самих ведущих в мире и немало на отечественном по-прище эконометриков, сокрушительное фиаско так называемой «эконометрикой», а то и другое мало или совсем не имеют никакого внушающего доверие отношения к реальной экономике, которая, заметим, давно уже и не «экономика» как таковая (правда, это уже отдельный вопрос), а воспринять *свое — отечественное*, родившееся прямо в Московском университете, дающее бой царствующей экономической науке, а фактически уже и псевдонауке, как и всему реальному «экономическому», совершенно *иное* толкование, никак не желают, «бежа» как от огня мало что от философии хозяйства, но даже и от уже сделанного мною в 1990-е гг. во спасение все той же политэкономии трехтомного учебника «Теория хозяйства» (1995—1997), как раз и протрактовавшего более или менее по-современному политэкономию и сдержанно введшему во вполне фундаментальный учебник философско-хозяйственную составляющую, как и предвидевшему там же увлечение техноцифрономикой, то бишь, по моему определению, «постэкономикой-техномикой».

Что ж, у меня нет иллюзий, я вполне убежден, что без серьезных *внутристрановых перемен* в перпендикулярную сторону от тотальной постмодерновой вестернизации страны, нации, образования и культуры, как и в сторону от азартно-безрассудного увлечения «искусственным интеллектом» и той же восторженно-безудержной тяги к цифромании, никаких особых перемен в высшем университетском, в том числе и МГУ-шном, образовании, как и в самой сфере ученой гуманитарности, не произойдет, однако молчать об этой острой проблеме служащему Родине и смысловой гуманитарной мысли никак не пристало, да еще и кое-чего создавшему *такого*, что у многих коллег по цеху не то что зуб неймет, а и челюсти напрочь сводит.

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**«Экономика» как иллюзия и экономика как реальность
(невразумительное эссе)***

Аннотация. В самом названии статьи все о ее содержании в общем-то сказано, остается лишь сие невразумительное эссе прочитать, хоть далеко и не всем дипломированным теоретикам-идеологам-преподавателям «экономики» это захочется делать.

Ключевые слова: экономика, экономическая наука, экономизм, «экономика» как иллюзия, экономика как реальность, политическая экономия, философия хозяйства, экономическая статистика, экономические показатели, экономический иллюзионизм, трансцендентность экономики.

Abstract. The title of the article itself says everything about its content so all that remains is to read this incomprehensible essay, although not all certified theoreticians-ideologists-teachers of «economics» will want to do this.

Keywords: economics, economic science, economism, «economics» as an illusion, economics as reality, political economy, philosophy of economy, economic statistics, economic indicators, economic illusionism, transcendence of economics.

УДК 330
ББК 65в

Не знаю, как правильно в филологическом аспекте назвать словечко, вовсю употребляемое с каким-то уверенно предполагаемым и вроде бы вполне ясным смыслом, им, этим словечком, как будто бы что-то из реального точненько отображающим, а на самом деле отображающим более всего самого себя со стоящим за ним либо предположительным, либо явно иллюзорным, либо совсем уж

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. «Экономика» как иллюзия и экономика как реальность (невразумительное эссе) // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 13—21. DOI: 10.5281/zenodo.17340765.

иным смыслом, а то и бессмыслием, но ныне, по-модному, я определил бы такое словечко, еще и претендующее на слово-понятие, как прокси-логос с предположительно стоящим за ним либо прокси-, либо фальш-, либо же попросту иносмыслом, а зачастую со всеми этими смысловыми ипостасями воедино.

Исходя из названия излагаемого здесь текста, речь у нас идет о кажущемся совершенно понятным и незыблемым по смыслу слово-понятии, принятом и широко употребимом что в тривиальной обыденности, что во внешне изысканном пропагандизме, что в высоколобой учености, а именно о слово-понятии «экономика». Кто бы в этом сомневался, кроме, разумеется, автора сего текста, правда, еще и бывшего многие годы правоверным экономистом, а затем ушедшем от право-де-верного теоретического экономизма в лоно им же открытой философии хозяйства, наконец, не выдержавшего и написавшего книгу под весьма нестандартным и прямо-таки претенциозным названием «Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма)» (2018) [1].

Помимо сей весьма обстоятельной и, на мой взгляд, весьма доказательной книги, мне доводилось и доводится с завидной регулярностью высказываться по этому поводу что на научных сходках, в том числе и мною самим организуемых с участием близкого мне круга коллег, что писать об этом в текущих публикациях, однако приходится констатировать, что я остаюсь, или почти остаюсь, пусть и не в гордом, но все-таки в одиночестве: воспитанные университетами ученые-экономисты остаются при своем... хотел было сказать, мнении... однако никакого насчет сего вопроса особого мнения я не знаю, причем ладно бы от коллег, но и, знаете ли, что и от давно почивших в бозе просвещенных классиков той же политэкономии с ее загадочной «экономией» и еще более загадочным предикатом «политическая», что и от вполне себе здравствующих адептов либо марксистской политэкономии, либо так называемой, как бы и «моднющей», «экономической теории», либо сторонников ныне особенно ставшей привлекательной своим родством с гессеновской «игрой в бисер» математически заумной «эконометрики».

Везде речь идет вроде бы об «экономике», однако сама экономика как реальность так и не удосужилась хотя бы предметного (не говорю уж о ее реальном бытии) объяснения: что же это такое —

экономика? Не получаю я также и ответа на свой по простоте душевной «глупый» вопрос: «*Что же есть экономического в экономике?*».

Иной раз кем-нибудь из коллег вспоминается Аристотель со своей «оeconomia», что есть управление... избежим тут пока слова «хозяйство»... и либо скажем замысловато — делопроизводством, либо лишь выразимся по-прямому: это есть самое обыкновенное «домоводство», ну и с его же — Аристотеля — «хрематистикой» как купле-продажном (лучше бы сказать, продажно-купленническом), с деньгами и ценами феномене. Что ж, вспоминать об Аристотелевых сентенциях, конечно, можно, но кто и где употреблял некогда и употребляет сейчас слово «хрематистика», а кто и где употребляет слово «домоводство» применительно к каким-нибудь фабрикам и заводам, ГЭС'ам и АЭС'ам, даже и к агрофирмам, не говоря о тех же науке, образовании, медицине, искусстве, как и, разумеется, о досточтимой экономической науке?

Ничего не поделать, хоть Аристотель и ввел понятие «оeconomia», но к этому понятию, кроме собственно домашнего хозяйства, ничего не сведешь, но к такой вот «экономике» не сведешь ни автозавода как такового, ни металлургического комбината, ни той же текстильной фабрики — в общем, ничего из производственного, да и из потребительного тоже, мало того, и из распределительно-обменного тоже, пока не введешь в ментальный оборот не что иное, как... Аристотелю «хрематистику», да вот сие словечко как-то не прижилось в словесно-понятийном обороте, зато прижилась «экономика», а это напогляд не что иное, как... *денежки*, а вместе с ними и... *цены*, проявляющие себя и в реальном купле-продажном (продажно-купленническом) обороте благ-товаров или товаров-благ, тут уж все одно, однако не в материальном вовсе обороте, а во вполне себе... *идеальном*, даже будучи представленными реальным золотом с его реальными весовыми количествами и державными на себе печатями с портретами властителей.

Есть он, этот идеальный феномен, как «оцененные деньги» и «оцененные цены», причем не с точным математическим расчетом того и другого, а с, прошу зарубить себе хоть в уме, хоть на носу, хоть на лбу, хоть на ушах, расчетом, хоть по-своему и математическим, но изрядно, как раз настолько, чтобы не быть понятым наукой, *трансцендентным* (пишу с разрядкой в иллюзорной надежде,

что, может, наконец-то это и дойдет хотя бы до кого-то из еще не намертво закореневших экономистов).

Может, деньги — и один из товаров-благ (или благ-товаров), но ведь товар-то этот осознанно-бессознательно (не без «наобум» и не без сакрального «с потолка») *оценен* в роли денег, что происходит аналогично и со всеми вообще ценами, тоже сознательно-бессознательно оцененными, однако уже в достаточно трансцендентно оцененных деньгах, и тогда выходит, что ни особый товар, становящийся деньгами, ни любой другой купле-продажный товар, да и вообще какая-нибудь вещь, получает свою цену (*оценивается*) *не от себя*, хотя и с некоторым себя учетом, а от человеческой головы, способной учесть все, в том числе просто так неучитываемое, причем делать это не точно математически, даже не приблизительно математически, а *трансцендентно математически*, и никакой ученый ум сей расчет не осуществит *никогда* — ни за банкира, ни за купца, ни за продавца, ни за покупателя, слышите — *никогда!*

Неужели кто-то еще на Земле и под небесами думает, что деньги имеют какую-то внешнюю от них ценность и ей-де соответствуют, что те же цены на товары как-то соответствуют-де никак непосредственно вообще не учитываемым затратам труда либо пресловутой полезности или же соотношению спроса и предложения на мифическом «рынке»... э-эх!.. несвятая простота!, ничего этого нет, и быть не может, а есть данное человеку Богом сознание, сопровождаемое необходимым ему для собственной реализации бессознанием (сознание — не машина, да и та имеет свои параметры качения и отклонений, а что говорить о неопределенном, весьма стихийном и спонтанном сознании-бессознании). Так вот это самое сознание-бессознание всё и решает, прямо там, в головах, а может, и еще где, хоть в том же желудке, где *все* экономическое не только реализуется, но и удерживается, можно сказать, экзистенцирует.

Тогда что же это такое — «экономика»? Тут надо ввести более широкое, вовсе не Аристотелево понятие, как раз и отражающее всю реальность, в которую входит и экономика, а именно — *хозяйство* (без всяких кавычек), без паники представляющее русскому человеку *все жизнеотправление человека* в единении с природой, Землей, космосом, всей Вселенной, ну, а реальной экономике достается немалая доля в этом жизнеотправлении, как раз та, которая опосредуется

наличием, движением и действием денег и цен, включая все денежное и все оцениваемое, а на сущностном уровне — наличие, движение и действие во все тех же головах и организмах человеческих особой *идеальной субстанции* — *стоимости*, как раз той самой субстанции, представленной на феноменальном уровне *идеальными деньгами и идеальными ценами*, однако, повторяю, не покидающими сферы сознания-бессознания, то бишь голов человеческих и, возможно, и еще чего в человеческих организмах, отчего не одна лишь стоимость с деньгами и ценами сидит в головах и организмах человеческих, но там таится и *вся экономика!* Никакой экономики вне голов и организмов человеческих попросту не существует!

Итак, *иная* у нас выходит экономика, *иное* получается и о ней представление!

А как же быть с такими понятиями-показателями, как *экономический продукт, экономический рост, экономический доход, экономический кризис, та же экономическая инфляция?*

Первые три попросту являются приблизительными вообще и весьма неопределенными в силу своего синтезного стоимостного выражения, да еще и в колеблющихся по покупательной и валютно-обменной способностям (текущей ценности) деньгах и мятущихся вверх-вниз ценах, не чем иным, как либо в ограниченных, либо в преувеличенных величинах выраженными *хозяйственными* в экономическом (стоимостном, денежном) обличье понятиями-показателями, а вот что они фактически показывают, если кому и известно, то разве лишь самому диаволу, да и то вряд ли во всей полноте.

Широко известна шуточно-сатирическая максима: «Есть ложь, есть большая ложь, а есть статистика», да вот сия максима вовсе не лишена объективных, как и субъективных оснований, ибо статистика, хоть кое-что и фиксирует, иной раз и довольно точно, скорее, удовлетворительно, а вот что касается вышеназванных показателей, то она — статистика — даже при всем желании не врать все равно врет, ибо она не знает вполне и не может знать того, что в реальности имеет место.

Знаю, господа-товарищи, о чем говорю, ибо изучал, пользовался, разочаровывался, снова пользовался, бывал и в национальных, и в международных учетно-статистических центрах, откровенно об-

щаясь с высококлассными спецами, пока не отказался насовсем прибегать к статистическим данным как отражателям фактической реальности и на них основываться. Статистика существует для статистики, еще для говорунов от имени псевдоэкономики и псевдоэкономической теоретической-де науки, да политиков с политиканами, но вот уж никак не для добросовестных ученых, занятых если не поиском полной правды, то хоть каким-то приближением к реальной истине.

Что, к примеру, фиксирует статистика в национальном продукте: вроде бы произведенные блага, тогда какие и кому произведенные, как, за чей и за какой счет? Какие-то блага можно учесть физически, пообъектно (вроде тех же кораблей, домов или мостов), поштучно (вроде автомобилей, тракторов с комбайнами, метров тканей), по весу (вроде угля, зерна, сахара, муки), но в национальный продукт все эти блага входят в идеальном выражении — стоимостном, денежном, и вот тут-то и начинаются проблемы что с реальной себестоимостью, что с ценами, что с инфляционно-дефляционными «искривлениями» — в общем, темный лес тут, из которого статистики выходят более наугад, чем по выверенному маршруту.

В итоге возникает в воображении и там же фигурирует не так реальный валовой продукт, его рост и валовой доход, а его рост как некое обо всем этом, нередко весьма «косое», представление.

Все то же самое можно сказать о тех же темпах экономического роста, как и о тех же экономических кризисах. Каким все это действительно бывает в реальности — так кто ж это может знать? Мало того, что сами расчеты генетически не могут быть точными, так ведь еще и разные обстоятельства на них давят, в особенности, конечно, властные, правленческие, правительственные, и давят аккурат в нужную им сторону.

Еще веселее обстоят дела с *инфляцией* (ростом цен). Тут в ходу своя хитрая уловка: ограниченный список товаров широкого потребления, динамика цен, которая обязательно-де учитывается, и вот по этой-то динамике (как правило, не свободной, а контролируемой тем же государством) рассчитывается, как и все в экономическом поле весьма условно, и инфляция. А на все же остальное цены растут себе и растут, а официальная инфляция остается на более низком, чем действительная инфляция, уровне. Вот так! А что касается реального

расчета реальной инфляции, то мало что ею всерьез не занимаются, так ведь ее и в самом деле не рассчитать: поди-ка уследи за миллионами образцов товаров, особенно за фармацевтическими, как и за товарами, прибывающими из-за рубежа, где они закупаются подешевке, а реализуются в стране втридорога. Кто из покупателей-потребителей знает их реальную себестоимость, затраты на перевозку, их пресловутую полезность, как и то же реальное соотношение спроса и предложения (а залежалые такие вот товары их производителям и продавцам и выкинуть не жалко)?

Хочешь не хочешь, а приходится разного рода экспертам, включая и ученых, довольствоваться тем, что есть, но не на уровне реальности как таковой, а на уровне об этой реальности нескончаемого показателево-информационно-статистического мифа.

На фирмах, предприятиях, учреждениях есть или бывают засекреченные участки, однако на любом из сих хозяйствующих субъектов самым засекреченным является — может, не поверите, а может, и кивнете головой в знак согласия, а то и подмигнете глазом — не что иное, как... *бухгалтерия*, это самое экономическое из экономических гнездышек-гнездовищ. Если кто не верит, то пусть попробует проникнуть в эту святая святых «берлогу» и что-нибудь этакое там выведать, а получив отворот-поворот, убедиться, что экономика как экономика, то бишь как *движение стоимости, стоимости и еще раз стоимости* (а ведь стоимость, как мы уже отмечали, как раз и придающая характер всей экономике), штучка та еще — *трансцендентная*, можно еще добавить — *тайная!* Вот и копайтесь, господатоварищи, экономические теоретики и эконометрики, в этой самой «экономике», сводные показателево-информационно-статистические сведения о которой формируются на основе весьма-а-а трансцендентной субъектности — *бухгалтерской*, и никакой веселый аудит сию бухгалтерскую трансцендентность никогда и никоим образом не одолеет. Такова она, лукавая экономическая се ля ви!

Что касается меня, то я давно уже не верю ни одной сводной статистической цифре, как и совершенно спокойно отношусь к действиям нашего ЦБ или к триллионным выбросам в мир заокеанской долларовой цифри, ибо никаких выверенно-верных экономических законов, способных удерживать экономических субъектов и всю экономику в каких-то «системных» рамках, попросту нет. Экономика —

это прежде всего *хаос*, *хаос и еще раз хаос*, а потом уже, нет, не порядок вовсе и даже не система, а всего лишь *хаосмос*, то бишь весьма неустойчивый, вибрирующий, уклончивый и изменчивый квазипорядок, находящий себе временное место меж хаосом и космосом, причем с творящим хаосом никогда и надолго не порывающий и к часового образца механике никак не стремящийся. Хаос — жизнь экономики, хаосмос — ее реальное жизнеотправление, порядок — не менее, чем поджидающий любителей экономпорядка погост, а кому он из здравомыслящих нужен?!

Да, когда производятся, растут или сокращаются в количестве материальные блага, то с валовыми показателями национального продукта, его роста или падения более или менее бывает ясно, хоть со стоимостным их обрамлением бывает не так все просто, для чего достаточно помянуть инфляцию, текущую и текущую ценность денег и жуткую для статистиков проблему освобождения от колебаний денежной ценности счета-расчета валовых показателей.

В реальности хватает, как известно, и идеального, а не только материального, продукта, называемого обычно услугами, и услуги эти обычно весьма дорого стоят, что позволяет им занимать почетное расходно-доходно-налоговое место в экономике страны, как и в ее стоимостном росте или падении. Однако трудно не задаться вопросом (это при мимолетности и «эфемерности» в сочетании с «эфирностью» сего «услужливого» продукта): входят ли такие вот услуги-мнимости в национальный продукт страны и в то, что, обычно походя, называется «экономическим ростом»? Если да, то чем больше платных услуг, а в анекдотической особенности платных зрелищ, тем больше процветания того, что столь же привычно и походя называется национальной экономикой, а то и не без гордости именуется экономическим ростом, отчего страна вовсе и не обязана заниматься производством действительно жизнеобеспечивающего и жизненутверждающего продукта, как и его ростом, ибо такой «экономический рост», пусть и фиктивный, доставляя правлению и бизнес-магнатам истинное удовлетворение, все неопределенno-неизвестное с пропагандистским успехом и покрывает.

Кто и что сегодня знает об экономике, точнее сказать, об экономически обустроенным хозяйстве, не как о фикции, а как о реальности? Отвечу ничто- же сумняшееся — НИКТО!, и более всего сами

же творцы фиктивной экономической картины. Экономика, о которой идет речь, в своем первородном и со все большей силой воспроизводящемся хаосе — ТАЙНА!, аккурат та самая, что за семью печатями, и кто же сии печати вдруг сбросит с загадочного объекта, обнажив его таким, какое он есть на самом деле, разумеется — НИКТО!, поскольку сие деяние НИКОМУ не под силу, да и НИКОМУ не нужно, а нужно-то... что?.. а-а, управление в хаосе, через хаос и в меру сил самим хаосом, факт!

Что же касается отдельных догадливых ученых, так кто же примет их уверения, точнее, кто с ними хотя бы на йоту согласится, ибо у всех (акцентирую, у *всех*!) свой — либо от такой вот хаосной экономики, либо от ее фиктивной картины — гешефт, еще и немалый, так не терять же его!

Нет, конечно, вовсе не терять гешефт, а что касается разнообразных ученых выкладок о якобы экономике, то пусть будут, теша ученое самолюбие, а об ученом достоинстве можно всем дружно как-то само собой и подзабыть: из-за таинственной-мифической «экономики» ничего ведь от этого не убудет!

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма): антипособие. Изд. 2-е. М.; Тамбов: Издательский дом им. Г.Р. Державина, 2018. 333 с.

References

1. *Osipov Yu.M.* Ekonomika kak est' (otkroveniya Zoila, ili Sudnyj den' ekonomizma): antiposobie. Izd. 2-e. M.; Tambov: Izdatel'skij dom im. G.R. Derzhavina, 2018. 333 s.

А.В. МАРКОВ, О.А. ШТАЙН

**Лед, реки и ритмы: непереводимость хозяйства
в свете тайдалектики***

Аннотация. Статья исследует тайдалектику — концепцию циклического времени, предложенную карибским поэтом Камау Брэттуайтом, и ее потенциал для переосмыслиения истории, культуры и хозяйства. Анализируется адаптация тайдалектики к российскому контексту через образы рек, льда и сезонных ритмов. Рассматривается феномен «хозяйственной непереводимости» — невозможности механического переноса локальных практик в глобальную экономику. Особое внимание уделяется альтернативным моделям времени в культурах народов России. Статья предлагает восемь оригинальных терминов для русскоязычной версии тайдалектики. Доказывается, что волнообразная модель истории актуальна для анализа постсоветского пространства. Исследование носит междисциплинарный характер, объединяя философию, культурологию и экономическую антропологию.

Ключевые слова: тайдалектика, циклическое время, хозяйственная непереводимость, деколониальная теория, речные культуры, альтернативная историософия, экономическая антропология, постсоветское пространство.

Abstract. The article examines tidalectics — the concept of cyclical time proposed by Caribbean poet Kamau Brathwaite — and its potential for rethinking history, culture, and economics. It analyzes the adaptation of tidalectics to the Russian context through images of rivers, ice, and seasonal rhythms. The phenomenon of «economic untranslatability» — the impossibility of mechanically transferring local practices to the global economy — is explored. Special attention is paid to alternative models of time in the cultures of Russia's indigenous peoples. The article proposes eight original terms for a Russian-language version of tidalectics. It argues

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В., Штайн О.А. Лед, реки и ритмы: непереводимость хозяйства в свете тайдалектики // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 22—32. DOI: 10.5281/zenodo.17340808.

that the wave-like model of history is relevant for analyzing the post-Soviet space. The research has an interdisciplinary nature, combining philosophy, cultural studies, and economic anthropology.

Keywords: tidalectics, cyclical time, economic untranslatability, decolonial theory, river cultures, alternative historiosophy, economic anthropology, post-Soviet space.

УДК 1(091) + УДК 316.7 + УДК 008
ББК 87.3 + ББК 71.0 + ББК 63.5

Понятие *тайдалектика*, введенное барбадосским поэтом и историком Камау Брэттуэйтом, предлагает альтернативу линейному западному пониманию времени и истории. Этот термин, образованный от слов «*tide*» (прилив) и «*dialectics*» (диалектика), описывает циклическое, волнообразное движение, характерное для океанических ритмов. В отличие от гегелевской диалектики с тезисом-антитезисом-синтезом, Tidalectic подчеркивает непрерывный процесс приливов и отливов, где прошлое и настоящее переплетаются, а границы между ними размываются.

Брэттуэйт разрабатывал эту концепцию, исследуя карибскую идентичность, сформированную колониальным насилием и постоянным движением через Атлантику. Для него океан — не просто физическое пространство, но метафора памяти, где травма и сопротивление существуют в непрерывном диалоге. Tidalectic позволяет осмыслить историю Карибов не как последовательность событий, а как наложение слоев — от африканских корней до креольских трансформаций.

Эта идея вышла за рамки литературы и стала инструментом для анализа искусства, экологии и даже кураторских практик. Например, выставка Oceans. Imagining a Tidalectic Worldview (2018)¹, курируемая Штефани Хесслер [4], крупнейшим теоретиком экологической тайдалектики [3], использовала Tidalectic как метод, чтобы показать, как художники взаимодействуют с океаном — не как с пассивным объектом, а как с активным участником культурных и экологических процессов. Работы в экспозиции, от видеоантарктических

---

¹ <https://tba21.org/Oceans>.

пейзажей до звуковых инсталляций, подчеркивали «текучесть» времени и связь между человеческим и «больше-чем-человеческим».

В академических исследованиях тайдалектику применяют для деколониального переосмысления истории. Диссертация А.С.Б. Мортенсена [5] анализирует, как карибская поэзия бросает вызов антропоцентризму, а статья о хореографе Кэтрин Данхэм [6] раскрывает, как *Tidalectic* помогает «разметить» афродиаспорное воображение в танце, где тело становится архивом памяти. Концепция Брэттуайта также проникает в литературу франкофонного мира. Романы гвинейского писателя Тьерно Моненембо («Пелоруринью» — роман об афробразильской идентичности, «Старший из сирот» — первый крупный роман о геноциде в Руанде и др.) используют тайдалектику для изображения черной Атлантики как пространства, где прошлое никогда не уходит, а колеблется между Бразилией, Кубой и Африкой, создавая новые нарративы из обрывков истории. Таким образом, тайдалектика — это не просто теория, а способ существования в мире, где вода, слово и тело соединяются, чтобы переписать историю вне иерархий и границ.

Упомянутая выставка Хесслер стала смелым экспериментом по переосмыслинию взаимоотношений человека и океана. Вдохновленная концепцией Брэттуайта, она предложила альтернативу сухопутному мышлению через призму «океанического мировоззрения» — с его ритмической текучестью, цикличностью и способностью растворять жесткие границы между природой, историей и культурой. Экспозиция объединила работы художников, участвовавших в экспедициях TBA21—Academy — плавучей лаборатории на исследовательском судне *Dardanella*, — с произведениями из коллекции фонда. Среди участников были Даррен Алмонд, Джултан Шарьер, Ньюэлл Харри и др., чьи практики исследуют океан как пространство памяти, колониального насилия и экологических трансформаций. Например, инсталляция Эм'каля Эйонгакпы «*Gaia beats/bits III-i*» (2017) имитировала покачивание лодки, а звуковая работа Яны Виндерен «*bága*» погрузила зрителей в гидрофонные записи «голосов» морских существ — от ракообразных до китов.

Ключевой темой выставки стала критика антропоцентризма. Так, инсталляция Туэ Гринфорта «*Tamoya Ohboya*» с живыми медузами в аквариуме напоминала о дочеловеческих формах жизни,

а проект Ариэля Гузика «The Nereida Capsule» (2015) — инструмент для «диалога» с китообразными — ставил вопрос о межвидовой коммуникации. Эти работы перекликались с идеей Брэттэйта о том, что океан учит нас «бытию в потоке», где нет фиксированных идентичностей.

Особое внимание уделялось последствиям колониализма и ядерных испытаний. Видео Джгулиана Шарьера «Iroojrilik» (2016) документировало руины на атолле Бикини, а проект Атифа Акина «Teroto Sud morph Moruroa» (2017) через 3D-анимацию показывал мутацию полинезийских островов, пострадавших от радиоактивных взрывов. Эти работы раскрывали, как Tidalectics может быть инструментом деколониальной оптики, обнажая связь между насилием над людьми и природой.

Выставка также исследовала «гибридные» языки и нарративы. Ньюэлл Харри представил работы на тонганских тканях *ngatu* с анаграммами, смешивающими традиционные символы и поп-культуру («KULA» vs «R2D2»), — отсылая к брэттэйтской идеи креолизации. А лепорелло Янаины Тшэпе и Дэвида Грубера «Fictionary of Corals and Jellies» (2017) сочетал научные заметки о морских организмах с фантазийными рисунками, стирая грань между биологией и поэзией.

Сенсорный опыт стал важной частью экспозиции. Проект Сиссель Толаас «Ocean Smell Scapes» (2017) сохранял запахи океана из Коста-Рики, а инсталляция Сюзанны М. Винтерлинг «Glistening Troubles» (2016) изучала биолюминесценцию водорослей как аналог цифровых экранов. Эти работы предлагали *телесное* понимание тай-далектики — через обоняние, зрение и тактильность. Завершающим аккордом стал проект Эдуардо Наварро «Hydrohexagrams» (2017) — оракул на основе «И Цзин», где шестигранники определялись броском монет в океанские волны. Этот ритуал, созданный вместе с жителями Маркизских островов, символизировал диалог между древними практиками и современным искусством, подчеркивая, что океан — не ресурс, а *соавтор* человеческой культуры. Выставка не просто объединила искусство и науку, но стала манифестом нового мышления — где вода, история и технологии переплетаются, предлагая альтернативу линейному прогрессу. Как отмечала Хесслер, вы-

ставка напоминала о том, что наш мир становится более океаническим, а значит, требует от нас способности чувствовать его пульс и течения.

Концепция *тайдалектики*, возникшая в контексте афро-カリбской диаспоры, может быть адаптирована к анализу русской культуры и культур народов России, особенно тех, что связаны с водными пространствами, миграциями и сложными историческими наслойями. В отличие от Карибов, где центральный образ — океан, в России ключевыми «водными артериями» являются реки (Волга, Днепр, Обь, Енисей и др.). Они исторически служили путями миграции и торговли (например, путь «из варяг в греки»), символами цикличности — разливы рек, замерзание и оттепели отражают ритмы природы, схожие с приливами и отливами; наконец, местами памяти — как в народных песнях, где река одновременно граница и связующая нить между пространственно-временными переживаниями.

Многие народы России (например, коренные народы Севера и Дальнего Востока) имеют гибридные идентичности, сформированные циклическими миграциями (оленеводы, рыбаки), где «время» измеряется не линейно, а сезонами и маршрутами и мифологией воды — например, в фольклоре саамов или нивхов океан и реки часто выступают как живые силы, меняющие форму истории.

Сразу же видно ограничение этой концепции — отсутствие океанического дискурса: в России нет опыта трансатлантической работорговли, который сформировал тайдалектику у Брэттуэйта. В России скорее следует отметить преобладание «сухопутных» нарративов: даже в культурах России, связанных с морем (например, культура поморов), акцент делается на устойчивости, а не на текучести. Море для поморов (достаточно почитать сказки Бориса Шергина и Степана Писахова) — не объединяющий символ, а предмет приручения, симбиоза, особых экономических и социальных отношений. Это одно из пространств, а не общий закон для всех пространств.

При этом предпосылки для создания российской версии тайдалектики существуют. Одним из близких тайдалектике художников в России нам представляется армяно-молдавско-российский кинорежиссер Артур Аристакисян, который соединил социальное исследование жизни бездомных на постсоветском пространстве с новым по-

ниманием воды как нелинейного времени, доступного не визуальному, а телесному восприятию, на ощупь (фильм «Ладони»). Другой пример тайдалектики — проза чукотского классика Юрия Рытхэу (1930—2008) [1], у которого лед становится метафорой давления цивилизации и навязываемых форм хозяйства, а вольное море — метафорой более гибкого местного хозяйства.

Концепция тайдалектики может быть продуктивно переосмыслена в контексте философии хозяйства. Философия хозяйства, понятая через тайдалектику, — это призыв не управлять, а танцевать: признать, что человеческая деятельность всего лишь один из потоков в океане материальных и символических обменов. Как писал Брэттуэйт, «прибой не спрашивает разрешения у берега» — возможно, и нам стоит учиться у воды, а не пытаться ее покорять. Если традиционная экономическая мысль опирается на идеи прогресса, накопления и контроля над ресурсами, то тайдалектика предлагает взгляд на хозяйственную деятельность как на циклический, волнообразный процесс, где производство, распределение и потребление подчиняются не логике роста, а принципам приливов и отливов — чередованию избытка и недостатка, активности и покоя.

В этом ключе хозяйство перестает восприниматься как механизм эксплуатации природы, а становится диалогом со стихиями. Например, сельское хозяйство многих островных культур (от Полинезии до Исландии) исторически строилось на адаптации к приливным циклам, сезонам дождей и засух, т. е. на способности «слушать» ритмы среды, а не подчинять их. Тайдалектика напоминает, что почва, вода и климат — не просто ресурсы, а активные участники хозяйственного процесса, чьи «голоса» (от плодородия до эрозии) определяют возможности человеческой деятельности.

Философия хозяйства, вдохновленная тайдалектикой, ставит под вопрос саму идею устойчивого развития в ее нынешнем виде. Если западная модель стремится к стабильности через контроль, то тайдалектический подход допускает кризисы и откаты как естественную часть цикла. Например, практики подсечно-огневого земледелия в Древней Руси или переложной системы (когда земля «отдыхает») можно интерпретировать не как примитивность хозяйства, а как осознанное следование природным ритмам — аналог отлива, за которым

последует новый прилив продуктивности. В этой практике — понимание земли как живого организма, которому и нужен «отлив» перед новым «приливом» плодородия. Точно так же якутские скотоводы веками использовали технику «аласа» — выпаса на замерзших озерах, где трава прорастает сквозь лед. Это не абсурд, а адаптация к ритмам вечной мерзлоты. Тайдалектика противостоит упрощенному западничеству и при этом нюансирует хозяйствственные решения.

Ключевым для предлагаемого нами российского варианта тайдалектики становится понятие *хозяйственной непереводимости* (опираясь на знаменитое исследование Каллона [2] о переводе как основе устойчивого развития и одновременно альтернативе устойчивому развитию, понятому упрощенно моноязычно): как и в языке, локальные практики невозможно полностью адаптировать к глобальным стандартам без потери смысла. Террасирование рисовых полей на Бали, основанное на системе субак (водораспределение через храмовые общины), или грузинские квеври (глиняные сосуды для вина) — это не просто технологии, а способы мышления, вплетенные в культурные и природные циклы. Попытки «модернизировать» их, не учитывая тайдалектическую логику, приводят к экологическим и социальным катастрофам.

Хозяйственная непереводимость — это невозможность адекватно перенести локальные практики землепользования, рыболовства или скотоводства в глобальный контекст без потери их сути. Например, поморские *тоны* (места лова рыбы) или алтайские *аилы* (стойбища) функционируют по логике, чуждой индустриальному сельскому хозяйству: их эффективность измеряется не урожайностью, а способностью вписаться в природные циклы.

Тайдалектика напоминает, что хозяйство — это не только производство, но и ритуал. Например, в карельской традиции перед началом рыбного сезона совершали обряд «кормления» воды — бросали в озера хлеб. С рациональной точки зрения это бессмысленно, но с позиции тайдалектики — способ синхронизировать человеческую деятельность с ритмами природы. Возможна тайдалектическая интерпретация и произведений русской литературы: например, «Мертвые души» Н.В. Гоголя показывают, что помещики были тайдалектически одарены, потому что воспринимали хозяйство телесно,

не только визуально, но и по запахам, на ощупь — но, не владея нужными ритуалами, заменяя их страстями и пристрастиями, они только частично могли реализовать хозяйствственные возможности и иногда развивали свое хозяйство, а иногда тормозили. Поэма Гоголя в конце концов должна была обеспечить перевод хозяйственных навыков в смысле Каллона — Чичиков, говорящий на *lingua franca* предпринимательства, покаявшись, мог бы обратить и других помещиков к тайдалектическому пониманию хозяйственной деятельности, соединяющей управление и странничество-паломничество (тайдалектическое самоотречение), судя по нереализованным гоголевским замыслам.

Наравне с ключевым термином хозяйственной непереводимости мы предлагаем восемь терминов, которые могут стать основой российской версии тайдалектики.

Волнодиалектика — термин для российской версии тайдалектики, диалектика, основанная на волновых процессах, где противоречия не снимаются в синтезе, а пульсируют, как приливы и отливы. В отличие от гегелевской триады, здесь нет конечной точки — есть лишь ритмичное чередование фаз напряжения и разрешения. Применяется к анализу истории, где события не следуют линейно, а накаляют, как волны памяти.

Речнотектоника — концепция, рассматривающая реки как тектонические плиты культуры, формирующие ландшафты идентичности. Реки здесь — не просто географические объекты, а «швы» между эпохами, как путь «из варяг в греки», связывающий разные миры. В хозяйственном смысле это означает, что экономика приречных регионов (Волга, Дон, Енисей) развивается не по прямой, а по руслу, с петлями и разливами.

Приливословие — тайдалектический язык метаописания, описывающий реальность через метафоры приливов: накопление и убыль, наплыв и отступление. Например, миграции народов можно осмысливать не как одностороннее движение, а как сезонные «приливы» (великое переселение) и «отливы» (возвратные потоки). В литературе это проявляется в повторах, круговых структурах, как в былинах или поморских сказах.

Разливомыслие — способ мышления, требующий признать, что границы между прошлым и настоящим размываются, как берега

во время паводка. Культурные традиции не исчезают, а «разливаются», впитывая новые смыслы, как река в половодье. В хозяйстве это выражается в циклах «забвения» и «возрождения» практик — например, возврат к старым сортам пшеницы после кризиса монокультур.

Половодьеведение — изучение периодов избытка и убыли в природе и обществе, где кризисы — не сбои, а естественная фаза цикла. Например, экономика северных народов строится на предсказании «половодий» — периодов изобилия рыбы или оленей, за которыми последуют «межени» (время скудости). Это знание отвергает идею бесконечного роста, принимая ритмичность жизни.

Омутология — наука о водоворотах истории, где события не развиваются линейно, а закручиваются в вихри, утягивая прошлое в настоящее. Колониальные травмы, культурные реминисценции и даже мода — все это «омуты», в которых время движется особым образом.

Льдоходность — (на основе прозы Юрия Рытхэу) метафора застывания и раскрепощения социальных процессов, подобная движению льдин по реке. Заморозка традиций (по Рытхэу) сменяется их «ледоходом» (1990-е), но лед не исчезает — он лишь меняет форму. В хозяйстве это объясняет, почему архаичные практики (натуральное хозяйство, общинные угодья) внезапно настигаются кризисами.

Руслофилия — привязанность к речным путям не только как к транспортным артериям, но и как к коридорам смыслов. Например, Волга для поволжских народов — не просто вода, а ось мироздания, связующая эпохи от Булгарии до современности. В экономике это проявляется в том, что города на реках (Нижний Новгород, Самара) развиваются иначе, чем «сухопутные» — их история часто течет, как вода, а не строится, как дорога. Это видно даже по организации распорядка дня жителей, по особенностям городской архитектуры (вытянутость, наличие нескольких фактических центров города и особая компактность внутри центров) и транспортной системы, а равно социального развития как специфически речного (нижегородские босяки Максима Горького). Для уральских и сибирских городов, где тектонический ландшафт земли не менее важен, чем река, может быть разработана гибридная руслофилия.

Каждый термин предлагает альтернативу западному линейному мышлению, заменяя контроль — адаптацией, а экспансию — течением.

На уровне экономики тайдалектика предлагает пересмотреть идею собственности. Если земля и вода — это волны (т. е. процессы, а не объекты), то владение ими становится абсурдом. Альтернативой могут быть практики временного пользования, как в кочевых культурах, или системы общинного распоряжения ресурсами (например, средневековые германские «альменды»), где права определяются не юридически, а сезонно — в зависимости от «приливов» потребностей.

Современные вызовы — от изменения климата до пищевых кризисов — требуют именно такого подхода. Агроэкология, циркулярная экономика и деколониальные практики землепользования уже сегодня используют тайдалектическую логику. Можно привести такие примеры, как восстановление агролесоводства в Амазонии, где сельское хозяйство имитирует естественные циклы леса; проекты пермакультуры, где «отливы» (периоды малой продуктивности) считаются фазой восстановления, а не провалом; возрождение местных сортов растений, адаптированных к специфическим ритмам экосистем, а не к глобальному рынку.

Многие экопрактики — от пермакультуры до регенеративного земледелия — бессознательно воспроизводят тайдалектические принципы. Но их внедрение часто терпит крах именно из-за игнорирования «непереводимости». Посадка сидератов по европейским методикам в сибирской тайге не сработает, если не учесть местные циклы промерзания почвы. Тайдалектика предлагает не импортировать решения, а «слушать» среду, как рыбаки слушают течение.

Литература

1. Жулева А.С. Мифопоэтика пространства в романах Юрия Рытхэу // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3. № 3. С. 208—231. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0149767723000359>.
2. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие // Логос. 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 49—94.

3. *Hessler S.* Tidalectics. Imagining an Oceanic Worldview through Art and Science. Boston: The MIT Press, 2018. 240 p.
4. *Hessler S.* Tidalectic Curating // Journal of Curatorial Studies. 2020. Oct. Vol. 9. Iss. Curating the Sea. P. 248—270. DOI: https://doi.org/10.1386/jcs_00023_1.
5. *Mortensen A.S.B.* Tidalectic Poetics. Roskilde: Roskilde Universitet, 2023. 173 p.
6. *Uzor T.-M.* Tidalectic Un/mapping and the Performance of African Diasporic Imagination in the Repertory of Katherine Dunham // Dance Research Journal. 2023. No. 55 (3). P. 6—29. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0149767723000359>.

References

1. *Zhuleva A.S.* Mythopoetics of Space in the Novels by Yuri Rytkheu // Studia Litterarum. 2018. Vol. 3. № 3. P. 208—231 (In Russ.). DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-3-208-231.
2. *Callon M.* Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // Logos. 2017. Vol. 27. № 2 (117). P. 49—94 (In Russ.).

Р.К. АСМАНОВ, М.М. КУЧУКОВ

Эмоции и страсти как фактор и ресурс экономической динамики*

Аннотация. Экономическая динамика — сложное, многофакторное явление, в формировании которого каждый фактор реализует свой механизм. Одно дело сырье, техника, технологии, коммуникации, которые через стоимость и издержки прямо и косвенно активизируют или гасят экономическую динамику, и совершенно другое — институты, ментальность, этнопсихология и прочие неформальные

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Асманов Р.К., Кучуков М.М. Эмоции и страсти как фактор и ресурс экономической динамики Лед, реки и ритмы: непереводимость хозяйства в свете тайдалектики // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 32—56. DOI: 10.5281/zenodo.17340842.

массовые и индивидуальные, детерминированные и случайные факторы. В ряду последних заслуживают внимания эмоции, страсти и прочие продукты «чувств» как в силу недостаточной изученности их влияния на экономическую динамику, так и в силу повсеместного их участия во всех действиях экономических агентов. В настоящем исследовании, в отличие от имеющихся, эмоции и страсти рассматриваются через призму экономической власти и предпринимателей-инноваторов (Й. Шумпетер). Предприниматели-инноваторы — люди, у которых в наибольшей мере развито «чувство» экономической власти, и люди, которые за счет максимальной концентрации эмоций и страстей достигают высшей экономической власти, занимаются производством товаров и услуг не ради благотворительности, а с целью получить эту власть. В силу того, что чувства, эмоции, страсти хотя и очевидны, но их невозможно ни взвесить, ни измерить, в исследовании для оценки их состояния (уровня концентрации/деконцентрации) предложен метод от обратного. Носителями эмоций и страстей в экономике выступают предприниматели, которые и представляют эти чувственные продукты. На основе наблюдения за динамикой численности предпринимателей (внутри сообщества, предпринимателей-инноваторов, т. е. креативных) утверждается, что при росте численности креативных предпринимателей происходит возрастание концентрации эмоций и страстей, что разгоняет экономическую динамику. Напротив, при снижении численности креативных предпринимателей происходит деконцентрация эмоций и страстей, которая ведет к снижению экономической динамики. Предложена и описана схема перерождения концентрации эмоций и страстей в их деконцентрацию, которая сопровождается рождением новых «продуктов» чувственной сферы общества.

Ключевые слова: эмоции, страсти, экономическая власть, предпринимательство, эмоциональный подъем, эмоциональный спад.

Abstract. Economic dynamics is a complex multifactorial phenomenon, in the formation of which each factor implements its own mechanism. Raw materials, equipment, technologies, communications, which through cost and expenses directly and indirectly activate or dampen eco-

nomic dynamics are one thing, and institutions, mentality, ethnopsychology and other informal mass and individual, deterministic and random ones are quite another. Among the latter, emotions, passions and other products of «feelings» deserve attention both due to the insufficient study of their influence on economic dynamics and their ubiquitous participation in all actions of economic agents. In this study, in contrast to the existing ones, emotions and passions are considered through the prism of economic power and innovative entrepreneurs (J. Schumpeter). Innovative entrepreneurs are people who have the most developed «feeling» of economic power and people who, due to the maximum concentration of emotions and passions, achieve the highest economic power, are engaged in the production of goods and services not for the sake of charity, but in order to obtain this power. Due to the fact that feelings, emotions, passions, although obvious, but they can neither be weighed nor measured, the study proposes a reverse method to assess their state (level of concentration/deconcentration). Entrepreneurs act as bearers of emotions and passions in the economy, who represent these sensory products. Based on observations of the dynamics of the number of entrepreneurs (within the community, innovative entrepreneurs, i. e. creative ones), it is asserted that with an increase in the number of creative entrepreneurs, there is an increase in the concentration of emotions and passions, which accelerates economic dynamics. On the contrary, with a decrease in the number of creative entrepreneurs, there is a deconcentration of emotions and passions, which leads to a decrease in economic dynamics. A scheme for the degeneration of the concentration of emotions and passions into their deconcentration is proposed and described, which is accompanied by the birth of new «products» of the sensory sphere of society.

Keywords: emotions, passions, economic power, entrepreneurship, emotional upswing, emotional downswing.

УДК: 338.22

ББК: 13

Введение

Наблюдение за экономическим развитием позволяет выделить ряд его признаков: во-первых, неравномерность (периоды высокого

роста сменяются периодами низкого роста, стагнации, спада); во-вторых, падение отдачи факторов (например, простой накачкой так называемых технических или финансовых факторов при прочих неизменных условиях не получается ускорить развитие и подтолкнуть рост); в-третьих, образование определенной социально-психологической среды или атмосферы и ее концентрация (экономический рост, как и развитие, протекает в определенной атмосфере: когда она насыщена, наблюдаются рост и развитие, когда она разряжена, происходят падение и стагнация). В качестве важного признака атмосферы выступают социальные эмоции и страсти, которые часто принимают характер энтузиазма и особого напряжения общества, когда общество заряжено на решение так называемых сверхзадач. Но есть и обратное состояние общества — когда оно испытывает упадок, уныние, апатию и вообще образуется состояние «эмоционального бремени», т. е. когда эмоции выступают не ресурсом развития, а становятся своеобразной обузой.

Природа так называемого общественного энтузиазма и эмоционального подъема до конца не раскрыта, хотя имеются разные предположения. Одни связывают его с внешними факторами (от социальных до природных космических), другие — с внутренними (опять же от благоприятных социально-экономических процессов до рождения большого числа пассионарных личностей). Но вне зависимости от того, чем обусловлены эмоциональный подъем и энтузиазм, в экономике он проявляется, как минимум, в двух наблюдаемых явлениях: 1) увеличении численности предпринимателей (а внутри этого сообщества особой категории «предпринимателей-инноваторов» — предпринимателей, склонных к рискам, отказам от сложившихся стереотипов и т. д.) и 2) появлением новых продуктов, отраслей деятельности, ростом производства товаров, ростом доходов, ростом цен и т. п. Между указанными явлениями имеется достаточно высокая корреляция, которая подтверждается также и обратным: снижение численности предпринимателей сопровождается снижением новых товаров и падением объемов производства с соответствующими последствиями — с ценами, доходами, прибылями.

Интересно и другое явление. Численность предпринимателей (в том числе «предпринимателей-инноваторов») непропорциональна численности населения. (Корреляция между ними имеет место, но

пропорция не соблюдается.) В отдельных исследованиях пропорции видят в этнической структуре общества. Нам такое утверждение не кажется убедительным, несмотря на наличие определенных корреляций, так как, сопоставляя общества с примерно одинаковой этнической структурой, обнаруживаем разные индикаторы предпринимателей. Природа активности предпринимательства в обществе не связана с этническими группами не только напрямую, но и косвенно. Наблюдения указывают на то, что активность предпринимательства в обществе, как правило, всегда связана с эмоциональным подъемом.

Эмоции людей, энтузиазм, чувства в той и иной мере связаны со страстями. Правда, сводить эмоции и тем более энтузиазм к страстям, отождествлять их между собой, по-видимому, не совсем корректно, ибо они имеют разные механизмы реализации. Причем, по-видимому, не только на психологическом уровне, но также и на физиологическом. В связи с последним важное значение имеют, во-первых, механизмы того, как возникают и развиваются общественные эмоции и образуется общественный энтузиазм; во-вторых, в каких формах он проявляется в обществе; в-третьих, как он реализуется в экономических результатах или экономических продуктах. Упомянутые аспекты и вопросы положены в основу настоящего исследования.

Теория, методология, методы и эмпирическая база исследования

Исследование носит междисциплинарный характер, рассматривается взаимосвязь психологического и экономического. Само собой разумеется, что оба объекта имеют свою теоретическую и методологическую основу. Очевидно, что в результате взаимодействия двух обозначенных феноменов — феномена психологии и феномена экономики — образуется новый феномен, для изучения которого требуется разработка новых теоретических и методологических положений, а также новых методов. Эмоции сами по себе — с точки зрения того, как они возникают, как реализуют себя, какие побочные продукты образуются в результате этих процессов, — в психологии изучены достаточно удовлетворительно в том плане, что имеют свою теоретическую, методологическую и инструментальную базу [1—4; 7; 8; 10; 19]. С другой стороны, эмоции, страсти, чувства и другие

продукты психики влияют на такие аспекты жизнедеятельности человека, как творчество, что, по-видимому, не требует доказательств. Причем речь идет не только об индивидуальном, но и об общественном аспекте. Они же влияют на так называемые «судьбоносные события» в жизни индивидов и их сообществ (от семьи, этноса до общества). В этом ряду экономика кажется чем-то второстепенным, так как основывается и функционирует на рациональном и утилитарном; для нее чужды всякого рода «чувственные интенции» — она практичесна, прагматична, связана с удовлетворением материальных, биологических потребностей, тогда как эмоции и входящие в их состав явления — область чувственного, страстей — иррациональны. Причем страсть и питание или насыщение состоят в обратной корреляции. Голод, как показывают исследования [17; 18], стимулирует творчество, стимулирует поиск; «голод — мать прогресса», тогда как «насыщенность — отец лени, праздности». Однако так ли это, т. е. то, что наблюдается в отношении экономики и эмоций (энтузиазма, страстей и проч.), не более как видимость, которая скрывает за собой более глубинные процессы взаимосвязи производства средств существования и страстей, эмоций? Если бы не было взаимосвязи чувственных продуктов с экономикой (утилитарным), то было бы не-понятно, во-первых, почему человек (люди) не ограничиваются производством тех продуктов и в таком объеме, которые достаточны для удовлетворения их так называемых биологических потребностей, а производят все большее и большее число и объемы продуктов (причем даже тогда, когда этих продуктов более чем достаточно для удовлетворения их потребностей). Во-вторых, почему производство средств существования носит нелинейный характер: имеются периоды высокого роста и периоды сильного спада? Но производство средств существования — основа экономики — означает «производство экономической власти», т. е. господство одних над другими².

---

² Эту особенность на индивидуальном уровне можно найти в сотнях мемуаров людей, переживших войны, революции, насильственные и ненасильственные миграции, когда на так называемом «черном рынке» — и само существование «черного рынка» уже есть факт такой власти — за булку хлеба и продукты питания, не говоря уже о лекарствах и т. п., люди отдавали семейные реликвии, книги, картины и прочие бесценные вещи. А тот, кто имел в своем распоряжении самые тривиальные продукты — хлеб, картошку, крупу, не говоря уже о масле

Производство средств существования, помимо прямой власти, которую дают продукты, удовлетворяющие потребности человека как биологического существа, дают еще и продукты с опосредованной властью — деньги. В связи с этим напрашивается резонный вопрос: разве получение прибыли, которую дает производство средств существования, и далее формирование так называемой экономической власти — менее привлекательная задача, чем... голая власть (в том числе индивидуальная, биологическая и т. д.)? Не является ли эта последняя истинным мотивом экономики? Таким образом, предпринимателям, так же как и всем остальным людям, свойственно оказываться во власти страстей, эмоций, и причем не каких-то там любовных, что свойственно им, как всяким биологическим существам, но и касающейся их деятельности — производства товаров, капитала. А раз так, то и для экономики свойственно присутствие страстей, эмоций и т. д., и не только на так называемом индивидуальном (личностном) уровне, но также и на общественном. Подкрепляет последнее то, что общественный энтузиазм, рост эмоционального напряжения, «кипение, борьба страстей» в обществе, как и их противоположность — уныние, упадок, апатия, рост алармистских настроений и т. д., проявляются в показателях экономической активности: росте/падении ВВП, доходов и проч.

Итак, с точки зрения теории и методологии предмет нашего исследования — те самые страсти, эмоции и прочие продукты «чувств», которые, правда, в соответствии с особенностями предмета выражаются в таких явлениях, как власть, господство. При этом, в отличие от так называемой «голой» власти, выражающей физическую, моральную, нравственную, политическую и т. п. формы (виды) власти, здесь мы имеем в виду так называемую «экономическую власть». Однако нами исследуется не сама эта «экономическая власть», что само по себе также достойный и заслуживающий внимания предмет, а то, как она проявляется через производство товаров и услуг, и не в индивидуальном, а в общественном порядке. Поэтому эмоции, чувства, страсти и прочие продукты этой сферы нами исследуются через категорию «власть» и ее вид — «экономическую

и т. д. — был «хозяином», «господином» над тем же профессором, художником, хотя и... не имел представления о том, кто такой Евклид, Ньютон или Платон.

власть». Сама же экономическая власть исследуется как общественное состояние или, выражаясь по Марксу, как производственное отношение. (Кстати, сюда входят такие категории, как независимость, суверенитет и т. д.)

Наши теоретические и методологические воззрения согласуются (в том числе в отдельных аспектах напрямую вытекают) с взглядами Аристотеля, Л. Гумилева, Дж. Локка, К. Маркса, П. Сорокина, Й. Шумпетера, Ф. Энгельса, В. Ленина, Н. Бухарина, Л. Троцкого, И. Сталина и др., концепции и отдельные аспекты которых нами используются в настоящем исследовании. Они же дополняются в плане своеобразного эмпирического материала персонажами бессмертных произведений мировой классики: У. Шекспира, О. де Бальзака, Э. Золя, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Т. Драйзера, Дж. Лондона, А.П. Чехова и многих др.

Наблюдения, обсуждения, обобщения, результаты и выводы

Рассуждения: аксиоматические положения и суждения. В социологии используется аксиоматическое положение: человек в своей деятельности руководствуется целью, которая, «как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт» [11]. Но, чтобы появилась цель и тем более была реализована, необходимы эмоции, или специфическое психическое напряжение чувств. Эмоции без результатов — это просто психическая болезнь, как и многие другие психические расстройства и болезни. Поэтому, чтобы эмоции не стали болезнью, необходимо их реализовать. Реализация эмоций бывает двух типов: позитивная и негативная. При позитивной, которая выражается в созидании, эмоции реализуются в творческих продуктах, от индивидуальных до общественных и от предметных продуктов до общественного устройства. При негативной, которая имеет, как и позитивная, длинный спектр, есть два крайних варианта: вандализм, или разрушение внешних объектов независимо от их ценности, и разрушение себя, своего внутреннего мира — точно так же, как и предыдущее разрушение, без оглядки на ценность разрушаемого.

Разберем приведенные положения на конкретных примерах. В обществе есть два крайних проявления эмоций: уныние, упадок, апатия и энтузиазм, восторг, подъем. Первое выражает упадок сил, или отрицательную психическую энергию. Оно не всегда бывает следствием реализации некоего результата, когда происходит растревоживание сил. Чаще всего, появляется после поражения, недостижнутого результата, причем не объективного и естественного, а... нелепого или неудачного управления ресурсным потенциалом. Тогда наступает так называемое «бремя эмоций», т. е. когда эмоции выступают тормозящим фактором. Второе — восторг бывает следствием реализации некоего проекта. Здесь есть двойственное влияние эмоций; с одной стороны, они выступают своеобразным триггером, а с другой, накапливаются результатом, происходит усиление первоначального эмоционального фона, напряжения. При этом сам продукт реализации оказывается выше, чем ожидалось при его начале. (Это тот случай, когда энтузиазм появляется после, а не до, как обычно, реализации.) Восторг — эмоции, их концентрация. Кстати, упадок/апатия — тоже эмоции, но с отрицательным знаком.

Перечисленные признаки эмоционального фактора требуется разобрать, во-первых, с точки зрения не индивидуального, а общественного поведения, во-вторых, с точки зрения их участия в экономике.

Структура и механизмы функционирования эмоционального фактора в экономике. Эмоции и страсти (как на индивидуальном, так и на общественном уровнях) в таких отраслях деятельности человека, как искусство, политика, наука и т. д., проявляют себя через продукты последних: картины, скульптуры, поэмы, мечи, орала, законы, битвы, формы правления и т. д. Получается, что страсти, эмоции определяются в этих продуктах. А что с экономикой? Казалось бы, экономика не имеет ничего общего ни со страстями человеческими, ни с эмоциями, так как это утилитарная дисциплина, связанная с производством средств существования человека (людей), т. е. в ней-то как раз не должно быть никаких эмоций. Она должна обеспечивать человека (людей) хлебом насущным, независимо от того, что на дворе; как заметил персонаж известного романа Ф.М. Достоевского, «стук телег, подвозящих хлеб человечеству, полезнее Сикстинской Мадонны» [6, 172]. Данное утверждение было

бы верным (как и ошибочным), если бы реальность была так примитивна.

Во-первых, в экономике действуют люди (предприниматели, экономические агенты), наделенные не только расчетом (разумом), но и страстиами, эмоциями. Это аксиома. Вынесем первую часть — расчет и разум — за скобки и разберемся со второй. Всякому экономическому агенту (предпринимателю) присущи страсти и эмоции. Одной из наиболее сильных страстей в человеке (как, по-видимому, и в любом животном) является власть, господство³. Во-вторых, люди занимаются предпринимательством не для того, чтобы производить товары (продукты), с помощью которых удовлетворяются потребности, а затем, чтобы господствовать, подчинять, властвовать⁴. Предприниматели тем и заняты, что с помощью товаров и услуг создают свою экономическую власть над другими, т. е. подчиняют своей воле волю других. Таким образом, проблема эмоций (страстей) и экономики есть проблема власти (экономической власти), а потому ее можно понять лишь в контексте последней.

Но есть одна проблема в этой задаче. Страсти (эмоции) реализуются и реализуются, превращаются, исчезают, чтобы зародиться вновь, но уже в новом качестве и для новых агентов. Поэтому можно наблюдать активность эмоций, а также их пассивность, т. е. рост и снижение в разное время и у разных народов. Но в чем же выражаются эти скачки или колебания эмоций? Можно предположить, что в численности предпринимателей (или, как заметил Й. Шумпетер, «предпринимателей-инноваторов») [22]. Таким образом, численность предпринимателей может быть индикатором состояния общественных эмоций или страстей в экономике. Само собой разумеется, что численность предпринимателей растет не для того, чтобы просто

---

³ Здесь мы не рассматриваем ту страсть, которую подметили еще в античные и библейские времена и которая затем перекочевала в художественные и философские произведения Еврипида, Л.Н. Толстого и А.Я. Чадаева, а завершенный вид получила в научных исследованиях З. Фрейда и его последователей. Если верить П.С. Лапласу, «В роде человеческом сильные личности испытывают истинное счастье от господства над слабыми, которые испытывают не меньше счастья, по-винуясь им» [9, 106].

⁴ Выбор области деятельности, конечно, индивидуален, хотя и регулируется обществом; в обществе не могут все быть предпринимателями. Но при этом в любом обществе обязательно будут предприниматели.

расти. Есть утверждение, что растет она в силу возникающих потребностей (спроса) в товарах. Однако такое объяснение слишком «прозаично». Осмелимся предположить (и это будет корректно с точки зрения принятого объекта), что в обществе образуется... «необходимость в предпринимателях-инноваторах», как до того (или в то же самое время) в политиках, музыкантах, художниках, архитекторах, полководцах, реформаторов и проч., вызываемая концентрацией эмоций и «накалом страстей». Это страсти, эмоции выбирают рождение предпринимателей, а не пресловутые потребности в еде, одежде и прочей «прозе», которые были, есть и всегда будут. Причем для удовлетворения этих потребностей бывает вполне достаточно миски супа (риса), штанов, рубахи, деревянных башмаков и т. п. Стало быть, предприниматели не рождаются пресловутыми потребностями. Здесь что-то более глубокое. Воспользуемся аналогией.

Появление выдающихся полководцев (как и потребность в них) происходит после поражения. Появление выдающихся политиков (и потребность в них) происходит после распада государства и деградации общества. Появление религиозных деятелей (так называемых реформаторов) происходит после деградации мировоззрения. Выдающиеся художники, архитекторы, скульпторы, музыканты, писатели, ученые и т. д. также появляются после некоторого порогового значения социального ландшафта (среды). Надо полагать, что и предприниматели появляются... «когда есть, одевать, обувать и проч.» нечего, что равносильно тому, что «едят, одевают, обивают» все, что ни попадя. Но это одна сторона дела. Чтобы появились выдающиеся полководцы, политики, реформаторы, художники, писатели и т. д., необходима концентрация эмоций и страстей в обществе, позволяющая отдельным личностям переступить через общепринятые нормы. (Сделать последнее легче, когда в обществе доминирует деградация. Следить за нормами бывает некому, незачем и накладно. Иными словами, когда не до того.) Есть предположение, что уровень концентрации (напряжения) страстей (эмоций) в обществе «комплементирует»⁵ с рождаемостью предпринимателей-инноваторов, точно так же как другой уровень (а мы говорим — в другое время) он благоприятствует художникам, политикам, войнам, музыкантам и т. д.

---

⁵ От лат. «komplementum» — дополнение.

(С этим утверждением можно спорить, не соглашаться, но отвергать, по-видимому, неэтично.) На всех страстей не хватает, эмоции небезграничны, и тем более их накал неодинаков. Конечно, без эмоций, страстей невозможно, перефразируя известного писателя, и гвоздя выдумать. Нужны страсти. Нужно эмоциональное напряжение.

Эмоциональное напряжение, напряжение общественных страстей сложно измерить. Оно, скорее, угадывается интуитивно. Но можно пойти от обратного, а это уже апостериорный метод. Если признается, что в основе всякой деятельности и ее результатов лежат страсти, эмоции и если в такой сфере, как искусство, они проявляются в рождении шедевров (но при этом также требуется немало вспомогательных, чтобы произошел банальный переход количества в качество), то в экономике эмоции проявляются в объемах производства, т. е. в той самой валовой продукции, прибылях, доходах и т. д., но главное — в продукции, так как она выступает основой прибылей, доходов и всего остального. Но всякий шедевр в искусстве, политике, военном деле и т. д. имеет своего автора (авторов). Стало быть, количество выдающихся художников, скульпторов, музыкантов, политиков, полководцев, проповедников и проч., как и их «произведений», может быть принято за индикатор состояния эмоций и страстей в обществе. (Кстати, частота преступлений, количество преступников будет свидетельствовать об обратном — эмоциональной деградации и эмоциональной яме: нет соответствующего эмоционального напряжения в обществе.) Но и в экономике есть свой аналог — объем и структура производимой продукции и численность и качество предпринимателей. Таким образом, рост и разнообразие продукции (скорректированные предварительно на соответствующие величины, дабы сделать сопоставим рост) и рост «популяции» предпринимателей и предпринимателей-инноваторов выражают эмоции и страсти в обществе.

Единичное и массовое, индивидуальное/частное и общественное. Мы привыкли и, кажется, понимаем (хотя и не до конца) появление и реализацию индивидуальных эмоций, чувств, страстей, но не знаем, как эти индивидуальные и личностные признаки психического характера проявляют себя на общественном уровне. В том, что есть индивидуальные эмоции, чувства, страсти, кажется, никто

не сомневается, так как всякий прошел и проходит через них. Но, когда говорят об общественных эмоциях, — это не режет слух, когда же говорят об общественных страстиах и тем более о чувстве... — это воспринимается весьма скептически. Потому что общество — не индивид, и у него не может быть чувств, страстей, эмоций. Так что «перенесение» с индивидуального, частного уровня на общественный, массовый того, что присуще первому, воспринимается негативно. И справедливо. А между тем проблема остается, и ее необходимо решить. Покажем одно из решений.

Общество, как и индивид, обладает эмоциями. Ему присущи страсти и чувства. Правда, все эти признаки у общества не те, что у индивидов, тем более с точки зрения физиологии; у общества нет физиологии в привычном для живых организмов понимании, и если кто-либо использует данный термин, то использует его исключительно образно. У общества нет также и психики — общественной психики. Как нет у него и разума, сознания; хотя есть (но не потому, что оно есть, а потому, что используется) общественное сознание; но в действительности это не общественное сознание, а массовое сознание [4], т. е. не то, что присуще обществу, а то, что присуще индивидам и что находится в них, наряду с индивидуальным (т. е. моим сознанием, или Я) сознанием. Поскольку же индивиды живут в обществах (и обществе), то у них имеется также и общественное сознание — это соотношение Я и Мы, или то, как воспринимается Мы через Я. Но при этом оно полностью индивидуальное, т. е. *mое*, не *nаше*. Но что дальше? А дальше следующее. Общество состоит из индивидов (множества Я), и с этой точки зрения общество неоднородно, точно так же как не похожи индивиды друг на друга. У каждого индивида имеется индивидуальная и общественная психология (Мы через Я) (сознание). Очевидно, что так же точно у индивидов имеются личные и общественные чувства, эмоции, страсти; последние выражают, с одной стороны, отношение индивида к другому(-им) индивиду(-ам) как к существу общественному. Таким образом, индивидуальные страсти, эмоции и прочие чувственные продукты корректируются так называемой общественной средой; они не покидают индивидов, т. е. не становятся неиндивидуальными; их носителями выступают индивиды.

Посмотрим на проблему с другого ракурса.

Наблюдая за развитием общества в разные периоды, можно заметить два крайних состояния: возбуждение, эмоциональный подъем, энтузиазм и их противоположность — уныние, апатию, алармизм, эмоциональную яму. Это проявляется себя в том, что не все, но большие массы индивидов (населения) испытывают энтузиазм, эмоциональный подъем и т. д.; то же самое и с противоположным состоянием. Есть еще одна черта этих состояний. Они не «выстреливаются», а как бы эволюционируют, нарашивая (генерируя) объемы, т. е. наблюдается рост численности индивидов, испытывающих эмоциональный подъем, энтузиазм, возбуждение и т. д. [10]. Численность энтузиастов вначале растет — и к тому же растет быстро, затем прирост замедляется, сам эмоциональный подъем выходит на своеобразное плато, после чего начинает снижаться (скорость падения непропорциональна скорости роста, но при этом для каждого конкретного случая имеется своя динамика), достигает своеобразного нулевого значения, после чего вырождается в свою противоположность. Упадок, уныние и т. п., так же как и восторг, эмоции и т. д., имеют свою динамику и свой алгоритм. Но в целом протекают так же, как и их визави, т. е. набирают силу, достигают пика, после чего накал снижается и перерождается в свою противоположность.

Мы исходим из положения о том, что эмоции выступают важнейшим ресурсом развития в экономике. Но в этой связи возникает вопрос: как образуется этот самый эмоциональный подъем в экономике? По-видимому, как и в других отраслях и сферах деятельности. А именно — в обществе появляется (природа появления не совсем понятна, и если в одних исследованиях ее видят чуть ли не в космических факторах, например, во взрывах сверхновой и т. п., то в других причина носит более приземленный характер, например, голод, болезни и т. д.) некоторое число так называемых возбужденных особей. Если их поведение приносит какую-либо пользу с точки зрения существования популяции, то им начинают подражать; происходит обычный процесс «заражения» и подражания. В какой-то момент совокупность особей с такими признаками психического, эмоционального напряжения оказывается достаточно заметной, чтобы определять тренд развития общества, т. е. они становятся своеобразной путеводной звездой для индивидов. В этой когорте индивидов (особей) имеются люди с разными профессиональными наклонностями и

склонностями: политики, мореплаватели, землепроходцы, ученые, художники, писатели, проповедники и т. д., а также предприниматели. Можно предположить, что само сообщество, как его определяет Л.Н. Гумилев [5], пассионарных личностей, или пассионариев, оказывается структурированным; по крайней мере, не представляет сплошной, однородной массы с точки зрения профессиональных наклонностей. Да и само общество не позволит всем быть ни попами, ни дьяками. Не меньше их нужны купцы, крестьяне и т. д. По-видимому, все эти профессиональные структуры существуют изначально и независимо, хотя ментально родственны — все они пассионарии. Правда, в описаниях историков и летописцев чаще всего обращают внимание на полководцев, политиков, проповедников, землепроходцев, живописцев, изобретателей, ученых и т. п. и меньше — на предпринимателей⁶. Но они есть. И к тому же имеются даже формальные сообщества — например, купеческая гильдия. Но еще больше — неформальных сообществ. Эти неформальные сообщества предпринимателей, во-первых, неоднородны как по значимости персон, так и по объему их бизнеса, во-вторых, несоразмерны по разным периодам: есть периоды, когда их число растет, и есть периоды, когда их число оказывается минимальным. Таким образом, мы имеем колебание численности сообщества предпринимателей в обществе. Причем рост численности предпринимателей связан с особым состоянием общества; можно сказать, потребность в предпринимательстве появляется и растет пропорционально специальному предпринимательскому эмоциональному напряжению; с другой стороны, сам рост сообщества предпринимателей стимулирует предпринимательскую активность и рост эмоционального напряжения в этом сообществе.

---

⁶ Впрочем, описанное выше внимание к так называемым профессиональным проявлениям не везде одинаковое. Например, в США, Германии, Японии и других странах не обделены вниманием также и предприниматели. Но наше социалистическое прошлое с его негативным отношением к предпринимателям-бизнесменам, коих презрительно, с легкой руки К. Маркса, стали называть капиталистами (с русскими вариациями: помещик, кулак и т. д.), мы прозевали свою историю предпринимательства в советский период. Но из досоветского с гордостью называем... Второва, Морозовых, Поляковых, Половцевых, Рябушинских, Третьяковых и др.

У предпринимателей (и даже просто у людей, особой с «предпринимательской жилкой») активизируется страсть к рискам, которая реализуется (пробивает себя) в новых проектах. Появление выдающихся предпринимателей, которых, кстати, мы получаем апостериори, возможно лишь после образования сообщества предпринимателей, которое, в свою очередь, становится возможным лишь при условии появления эмоционального напряжения в обществе, которое реализуется в предпринимательстве⁷. Но это и есть тот самый механизм превращения эмоций, страстей, энтузиазма в экономический результат — производство новых товаров, рост валовой продукции, получение доходов, прибылей, формирование новых форм предпринимательства.

Механизмы превращения страстей и эмоций в экономике. А теперь выясним, как влияют эмоции, чувства и т. д. на экономическую динамику. Классическая экономическая теория рассматривала влияние различных элементов (объектов) на экономическое развитие с точки зрения механики. В частности, такие факторы, как земля, труд, капитал, оказывают влияние на экономический рост (развитие) через продукты — через стоимость товаров; они переносят свою стоимость на стоимость конечного продукта — товара. Поэтому стоимость товара увеличивается в соответствии со стоимостью участвующих в его производстве сырья, материалов, труда, техники, технологий, капитала. Конечно, нужно учитывать, что стоимость различных факторов переносится по-разному: где-то (труд, сырье) вся сразу, где-то (техника) по частям, по мере износа (через амортизацию). Поэтому точно так же, как в любом продукте, имеются различные вещества, которые в результате различных технологий переносятся извне, так и в стоимости товара различные элементы переносят свою стоимость на стоимость товара. Но стоимость — это абстракция и, возможно, наиболее абстрактная величина во всей экономике. Реальность же — цена. Любому потребителю нет никакого дела до того, как создан товара и сколько в нем стоимости. Ему важна цена.

---

⁷ В целом этот процесс вполне удовлетворительно описан Й. Шумпеттером [22] еще в прошлом веке. Его же описывает большая мемуарная, художественная и научно-популярная литература, как зарубежная, так и отечественная.

Цена — реальность, стоимость — абстракция. Превращение стоимости в цену происходит на рынке. Там на рынке цена товара может оказаться выше, ниже или равной его стоимости. Поэтому вопрос заключается в том, почему цена себя таким образом ведет. Причем без ее привязки к стоимости, т. е. почему она растет, снижается, остается стабильной, не обращая внимания на стоимость. И не только по отношению к одному и тому же продукту и на одном или разных рынках, но и по отношению ко всем товарам и на всех рынках. Дело в том, что из цены каждый участник товаропроизводства получает свою долю, возмещающую его затраты и доставляющие прибыль или убыток. В результате изменчивости конъюнктуры она может оказаться разной; кто-то может получить больше, кто-то меньше, чем затратил. Такой результат — фактор конъюнктуры.

Поскольку цена — реальность и поскольку все метаморфозы на рынке с товаром протекают при ее прямом или косвенном участии, обратимся к выявлению природы колебаний цены и влиянию на ее поведение... эмоций, страстей человеческих.

Замечено (и описано)⁸, что цена вообще может не иметь никакой связи со стоимостью, т. е. стоимость имеет второстепенное отношение к цене товара. Причина в самом определении цены — то, сколько дает покупатель (иногда, часто потребитель) за товар. Покупателю товара нет никакого дела до того, сколько в товаре стоимости, т. е. сколько затрачено на товар. Ему важно договориться с продавцом на ту сумму денег, которой он располагает. Поэтому цена товара — равнодействующая спроса и предложения, т. е. договорная между продавцом и покупателем. Кстати, и для продавца стоимость товара ничего не значит; она номинальна, реальна же цена, т. е. то, сколько он может выручить за свой товар. Так вот, на цену товара оказывают влияние множество факторов и условий. Это не только производственные (выраженные в предложении товаров), но также и культурные, коммуникационные, институциональные и... психологические (эмоциональные). Все они в той или иной мере разобраны современной экономической теорией; часто остается просто провести перечисление этих достижений, не углубляясь в детали и механизмы. Но есть одна область — эмоциональная, которая в настоящем

---

⁸ Среди обширной литературы укажем следующие источники [12; 20; 21].

время менее других разработана в теории. (Чего, кстати, нельзя сказать о практике. Производители и потребители, а еще больше — продавцы и покупатели, прекрасно осведомлены о том, когда начинать продавать и покупать, а также производить и потреблять те или иные товары. На этом выросла одна из наиболее динамично развивающихся дисциплин — маркетинг.)

О том, что эмоции — маркетинг, знает любой продавец и покупатель. Причем не только на индивидуальном, но и на групповом и общественном уровне. Ибо маркетинг — это цена товара. Маркетолог использует эмоции и как средство (при продаже, покупке товара), и как объект (когда вызывает нужные эмоции для продажи, покупки товара). Следовательно, он одновременно и формирует эмоции (у покупателя и продавца, потребителя и производителя), и расформировывает (удовлетворяет) эмоции.

Из приведенных суждений следует, что эмоции — конъюнктура. Но возникает вопрос: как конъюнктура (эмоции, страсти) превращаются в цену товара? Если кратко — через конъюнктуру, спрос и предложение⁹. Рост, активность, масштабность спроса стимулируют рост покупок. Покупки — продажи. Продажи дают сигнал производству — интенсификации и расширению существующих мощностей. Соответственно, спад, пассивность, низкие объемы и т. п. спроса сдерживают покупки, ведут к падению продаж и выступают сигналом для снижения производства, отказа от введения новых мощностей и т. д. А с другой стороны, производство нового товара определяет его цену, спрос у потребителя.

Й. Шумпетер увидел присутствие страстей и эмоций в экономике в предпринимательском доходе, а точнее, в доходах предпринимателей-инноваторов. Правда, представил последнее в специфической категории — риска [22]. Его тезис, что предприниматели-инноваторы получают высокие доходы за риск, т. е. высокие доходы, прибыль есть плата за риск, на который идут предприниматели-иннова-

---

⁹ Есть такой ненаучный термин — ажиотажный спрос, который хотя и вульгарно, но вполне адекватно выражает суть эмоций и страстей на рынке. Ажиотажный спрос — это в чистом виде спрос от эмоций, страстей. Он не продиктован потребностями. Это игра, за которой стоят страсти и эмоции.

торы, кажется вполне правдоподобным и доказуемым с экономической точки зрения. Но если высокие прибыли есть плата за риск (и риски), то и высокие цены есть плата за риски. Таким образом, речь идет о рисках. Риск нематериален. Он носит психологический характер. Риск — преодоление препятствий, преград, и, как правило, идя на риск, необходимо преодолеть психологические препятствия, психологический барьер. (Мы не говорим о морально-нравственных или традиционных, хотя часто речь идет в том числе и о них. Предприниматель должен преодолеть общественное мнение. Для чего необходимо решиться на определенные действия, т. е. идти на риски. В частности, быть «отвергнутым обществом». Кто пойдет на такое? Только тот, кто вслед за великим полководцем осмелится произнести: *«Alea jacta est»*. Речь идет не только о роде занятий, который прежде (в прежней системе морально-этических норм) либо осуждается, либо не приветствуется, но также о товарах и продуктах. Чтобы преодолеть препятствия, необходимы психологическое напряжение, концентрация эмоций, страсть. Исходя из данных суждений, высокие доходы, или предпринимательская прибыль, есть плата за эмоции, страсти. В обратной логике — страсти, эмоции определяются в новых продуктах: товарах, видах деятельности, поведении, институтах и т. д.

С точки зрения рынка страсти, эмоции и иные психологические продукты реализуют себя в ценах, новых товарах, их объемах. И если с товарами все более или менее понятно, то с ценами, ввиду слишком больших предположений, требуется уточнение. Наши наблюдения за конъюнктурой рынка показали, что всплеск цен связан с ростом эмоций, спад — с их снижением [14], из чего можно предположить, что стагнация в экономике, сопровождаемая дефляцией, — продукт дефицита страсти и эмоций у предпринимателей, а также дефицит предпринимателей-инноваторов. И наоборот — инфляцию можно связать с избытком эмоций и страсти в предпринимательской среде (как частный случай — рост численности предпринимателей-инноваторов), но при условии, что рост цен сопровождается ростом спроса, а не сокращением предложения.

Результаты и выводы

Часто считается, что экономическое развитие определяется ресурсным потенциалом, естественными коммуникациями, рабочими руками, квалификацией рабочей силы, техническим и технологическим оснащением, культурой, институтами. При этом отчего-то игнорируются эмоции, чувства, страсти, энтузиазм, апатия и т. д. Последнее, по-видимому, происходит в силу своеобразия предмета эмоций, чувств и энтузиазма, их так называемой непредметной предметности. Эмоции — фон, но не ресурс, не фактор. Он присутствует всегда и везде. Это как воздух для сухопутных существ, т. е. точно так же, как невозможно существовать без воздуха, так и без эмоций невозможно никакое действие. При этом следует выделить разную концентрацию этой среды. При одной — высокой — наблюдается активность не только социальной, но и хозяйственной, как и всякой иной, деятельности, при другой — низкой — спад всякой деятельности, т. е. имеют место стагнация, застой или загнивание. Поэтому для общественного развития необходимы не просто эмоции и чувства, а их определенная концентрация, или уровень, масштаб и форма (вид).

Эмоции, чувства, страсти являются такими же факторами экономики, как институты, ментальность, квалификация труда и т. д. Другой вопрос: что имеет свой механизм «проникновения», влияния на экономическое поведение человека? Предложено, что в качестве проводника (трансформации и трансляции чувственного, страсти в экономическое) выступает власть, а точнее, ее вид, тип — экономическая власть. Что касается самой власти — подчинения, господства и т. д., то она напрямую связана со страстями; страсти трансформируются в различные формы господства и подчинения. Одним из типов господства выступает экономическое господство. Последнее достигается доминированием в обладании (владении, собственности) средствами существования (от продовольствия до средств защиты или безопасности). Поэтому тот, кто владеет средствами существования, обеспечивает свой суверенитет — свое независимое развитие. Но, помимо этого, он подчиняет своей воле волю других, не имеющих в достаточном количестве и качестве этих средств существования. Наращивая качество и объем средств существования, человек

(лицо, сообщество) подчиняет своей воле (власти) других, не имеющих таких средств существования. Но получение «власти» над средствами существования — их производство, завоевание и т. д. — требует напряжения не только физических, но и психических сил, т. е. сопровождается напряжением эмоций, энтузиазма, страстей. Более того, выигрывает (побеждает) не тот, кто имеет больший физический вес, а тот, кто имеет большее желание побеждать, кто умеет побеждать, жертвовать сиюминутными благами во имя будущей власти и господства [13; 15]. Достигается последнее при высокой концентрации эмоций, стимулировании и направлении страстей на обеспечение суверенитета.

Итак, в качестве основного результата следует признать предложение о включении категории «власть» (и, в частности, ее типа — экономической власти) в качестве посреднического элемента между эмоциями, чувствами, страстями и экономическим результатом (валовой продукцией, новой продукцией, прибылью, доходами и т. д.). Власть (экономическая) выступает одновременно целью и результатом, механизмом и средством, транслятором и трансформатором страстей (эмоций) человеческих и производства товаров.

Другой важный результат: наблюдаемая неравномерность (пространственная) и неустойчивость (во времени) объемов производства средств существования коррелирует с аналогичной динамикой эмоций, чувств, страстей. Правда, при этом имеется определенный временной лаг, так как чувства, страсти, эмоции транслируются в экономический результат не мгновенно, а через определенное время, проходя различные стадии и ступени превращения из психических продуктов в материальные (товары). Поэтому производство как бы «запаздывает» за чувствами и страстями. Но оно же, начав свой старт позже, имеет более продолжительный период своего проявления. И, тем не менее, несмотря на то, что относятся к разным средам (одно к психическому, другое к материальному, физическому), имеют одинаковую траекторию. Поэтому для их совмещения необходимо одно из них — второе, производство средств существования — сдвинуть влево, дабы обе траектории совместились.

Литература

1. *Анохин П.К.* Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. Т. 35. М.: Медгиз, 1964. С. 339—341.
2. *Веккер Л.М.* Психические процессы: В 3 т. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 326 с.
3. *Вилюнас В.* Психология эмоций: Уч. пособ. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. М.: Питер, 2007. 496 с.
4. *Грушин Б.А.* Массовое сознание Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 367 с.
5. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. Этногенез и биосфера земли. СПб.: ООО «И.Д. “Кристалл”», 2002. 1056 с.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. X. Л.: Наука, 1974.
7. *Изард К.Э.* Психология эмоций / Пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
8. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 749 с.
9. *Лаплас П.С.* Опыт философии теории вероятностей. М., 1905.
10. *Лебон Г.* Психология масс // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1999. 416 с. С. 15—254.
11. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.
12. *Маршал А.* Принципы политической экономии: В 3 кн. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.
13. *Рахаев Б., Бизенгин Б.* Влияние восприятий и представлений времени на экономическое развитие // Общество и экономика. 2011. № 11—12. С. 101—116.
14. *Рахаев Х.М.* Когда, за счет чего и как Запад стал доминировать и будет ли положен конец его гегемонии (опыт историко-аналитического исследования экономического доминирования). Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. аграрный ун-т, 2014. 210 с.

15. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социол. этюд об основных формах обществ. поведения и морали / Предисл. проф. М.М. Ковалевского. СПб.: Я.Г. Долбышев, 1914. С. 3—456.
16. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
17. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003. 678 с.
18. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий (Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь) / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. СПб.: Издат. дом «Миръ», 2011.
19. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Я и ОНО. М., 1999. С. 769—838.
20. Хикс Дж.Р., Аллен Р.Дж. Пересмотр теории ценности // Вехи экономической мысли. Т. 1. Теория потребления и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2000. С. 117—141.
21. Хикс Дж. Стоимость и капитал / Пер. с англ. Дж.Р. Хикс; общ. ред. и вступ. ст. Р.М. Энтова. М.: Прогресс, 1988. 487 с.
22. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Пер. с нем. В.С. Автономова и др. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

References

1. Anohin P.K. Emocii // Bol'shaya medicinskaya enciklopediya. Т. 35. М.: Medgiz, 1964. S. 339—341.
2. Vekker L.M. Psihicheskie processy: V 3 t. T. 1. L.: Izd-vo LGU, 1974. 326 s.
3. Vilyunas V. Psihologiya emocij: Uch. posob. dlya studentov vysshih ucheb-nyh zavedenij, obuchayushchihsya po napravleniyu i spesial'nostyam psiho-logii. M.: Piter, 2007. 496 s.
4. Grushin B.A. Massovoe soznanie Opyt opredeleniya i problemy issledo-vaniya. М.: Politizdat, 1987. 367 s.

5. *Gumilev L.N.* Etnosfera: istoriya lyudej i istoriya prirody. Etnogenet i biosfera zemli. SPb.: OOO «I.D. “Kristall”», 2002. 1056 s.
6. *Dostoevskij F.M.* Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. T. X. L.: Nauka, 1974.
7. *Izard K.E.* Psihologiya emocij / Per. s angl. V. Misnik, A. Tatlybaeva. SPb.: Piter, 2006. 464 s.
8. *Il'in E.P.* Emocii i chuvstva. SPb.: Piter, 2001. 749 s.
9. *Laplas P.S.* Opyt filosofii teorii veroyatnostej. M., 1905.
10. *Lebon G.* Psihologiya mass // Psihologiya tolp. M.: Institut psihologii RAN, Izdatel'stvo «KSP+», 1999. 416 s. S. 15—254.
11. *Marks K.* Kapital. T. 1. Kn. 1 // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-e. T. 23. M.: Politizdat, 1960.
12. *Marshal A.* Principy politicheskoy ekonomii: V 3 kn. / Per. s angl. M.: Progress, 1983.
13. *Rahaev B., Bizengin B.* Vliyanie vospriyatij i predstavlenij vreme-ni na ekonomicheskoe razvitiy // Obshchestvo i ekonomika. 2011. № 11—12. S. 101—116.
14. *Rahaev H.M.* Kogda, za schet chego i kak Zapad stal dominirovat' i budet li polozhen konec ego gegemonii (opyt istoriko-analiticheskogo issle-dovaniya ekonomiceskogo dominirovaniya). Nal'chik: Kabardino-Balkarskij gos. agrarnyj un-t, 2014. 210 s.
15. *Sorokin P.A.* Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: Sociol. etyud ob osnovnyh formah obshchestv. povedeniya i morali / Predisl. prof. M.M. Kovalevskogo. SPb.: YA.G. Dolbyshev, 1914. S. 3—456.
16. *Sorokin P.A.* CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo / Obshch. red., sost. i predisl. A.YU. Sogomonova. M.: Politizdat, 1992. 542 s.
17. *Sorokin P.A.* Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyu-dej, social'nuyu organizaciyu i obshchestvennuyu zhizn'. M.: Academia & LVS, 2003. 678 s.
18. *Sorokin P.A.* CHelovek i obshchestvo v usloviyah bedstvij (Vliyanie vojny, revolyuci, goloda, epidemii na intellekt i povedenie cheloveka, soci-al'nuyu organizaciyu i kul'turnuyu zhizn') / Per. s angl., vstup. st. i primech. V.V. Sapova. SPb.: Izdat. dom «Mir», 2011.
19. *Frejd 3.* Psihologiya mass i analiz chelovecheskogo YA // Frejd 3. YA i ONO. M., 1999. S. 769—838.

20. *Hiks Dzh.R., Allen R.Dzh.* Peresmotr teorii cennosti // Vekhi eko-nomicheskoy mysli. T. 1. Teoriya potrebleniya i sprosa / Pod red. V.M. Gal'perina. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2000. S. 117—141.
21. *Hiks Dzh.* Stoimost' i kapital / Per. s angl. Dzh.R. Hiks; obshch. red. i vstup. st. R.M. Entova. M.: Progress, 1988. 487 s.
22. *SHumpeter J.* Teoriya ekonomiceskogo razvitiya (Issledovanie predprinimatel'skoj pribili, kapitala, kredita, procenta i cikla kon'yunk-tury) / Per. s nem. V.S. Avtonomova i dr. M.: Progress, 1982. 455 s.

||

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.В. БИРЮКОВ

**Собственность как исходная основа понимания логики
эволюции экономических систем***

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы интерпретации собственности как исходной основы понимания логики эволюции экономических систем. Автором показано, что в современном мейнстриме используется институционально-монокаузальный подход, опирающийся на либеральную теорию пучка прав частной собственности, что неизбежно приводит к привлечению мифологии при описании исторических и современных экономических процессов. Опора социальных теоретиков на ценностно-институциональный подход позволяет более содержательно изучать эволюцию экономических систем на основе трактовки отношений собственности как части социальных отношений, которые складываются под влиянием интересов общества, выступающего верховным собственником. Классиками политэкономии был разработан парадигмально иной подход, который с учетом двойственной природы экономических интересов субъектов позволяет воспроизводить логику и историю развития экономических систем с позиции рассмотрения общественной собственности как ее исходной основы. Предложенная перспектива ориентирует на переход к суверенной модели национальной экономики на основе трансформации отношений собственности и экономических отношений, исходя из приоритета интересов общества и в соответствии с новыми вызовами.

Ключевые слова: теория собственности, общественная собственность, частная собственность, разделенная собственность, верховный собственник, эволюция отношений собственности, экономические системы.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Собственность как исходная основа понимания логики эволюции экономических систем // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 59—74. DOI: 10.5281/zenodo.17340859.

Abstract. The article considers the issues of interpretation of property as the initial basis for understanding the logic of the evolution of economic systems. The author shows that in the modern mainstream the institutional-monocausal approach is used, based on the liberal theory of a beam of private property, which inevitably leads to the involvement of mythologies in the interpretation of historical and modern economic processes. The support of social theorists on the value-institutional approach allows us to more meaningfully study the evolution of economic systems based on the interpretation of property relations as part of social relations that develop under the influence of the interests of society, acting as the supreme owner. The classics of political economy have developed a paradigm -different approach, which, taking into account the dual nature of the economic interests of subjects, allows us to reproduce the logic and history of the development of economic systems from the standpoint of considering public property as its original basis. The proposed prospect focuses on the transition to the sovereign model of the national economy based on the transformation of property relations and economic relations based on the priority of the interests of society and in accordance with new challenges.

Keywords: property theories, public property, private property, divided property, supreme owner, evolution of property relations, economic systems.

УДК 330; 347.23
ББК 65.01

Введение

Происходящие в современной экономике глобальные трансформации приводят к появлению новой волны поиска исследовательских подходов, позволяющих содержательно описывать особенности эволюции национальных экономик. Сегодня сторонники разнообразных взглядов сходятся на том, что центральную роль в формировании и изменении общественных отношений играет собственность, являющаяся сложным феноменом. В связи с этим важное значение имеет разработка реалистичного видения экономической жизни общества на базе рассмотрения собственности как исходной основы понимания логики эволюции экономических систем.

Формирование неолиберальной модели глобальной экономики, основанной на реализации проекта частной собственности как

набора индивидуальных прав, привело к широкому распространению искаженных и мифологических описаний, в которых история развития экономики представляется в виде процесса, обусловленного необходимостью либерализации экономических отношений. При этом на периферии внимания сегодня остается предложенная социальными теоретиками более реалистичная стратегия исследования общественно-экономического развития, исходя из рассмотрения отношений собственности как части социальных отношений, складывающихся по поводу владения объектами собственности. Кроме того, нуждаются в прояснении парадигмальные особенности подхода, предложенного классиками политэкономии при анализе исторического процесса развития экономических систем.

Разнообразные подходы, используемые в настоящее время при изучении эволюции экономики как сложной системы, выступают по своей сути различными направлениями институциональных исследований, по-разному интерпретирующих развитие экономических отношений с учетом их взаимосвязи с правовыми отношениями. Данные подходы ориентированы на рассмотрение относительно устойчивых связей субъектов экономики, которые регулируются неформальными нормами и формальными правилами, связанными с производством продуктов в условиях разделения труда на основе использования объектов собственности. Вместе с тем распространенные сегодня версии институционального подхода не позволяют изучать экономику как эволюционирующую систему эндогенных связей, поскольку являются парадигмально ограниченными и предусматривают описание экзогенных связей с помощью эклектичных версий междисциплинарного подхода [2]. В результате не находят своего решения фундаментальные проблемы историко-экономического процесса. В связи с этим важным является разработка адекватной реалиям стратегии познания эволюции экономических систем, исходя из основополагающей роли отношений собственности и с учетом идей классиков политэкономии.

Методология исследования

Важной предпосылкой выявления внутренней логики эволюции экономических систем является понимание роли государства как институционального макроорганизатора процессов трансформации

экономических и правовых отношений. Парадигмальная ограниченность либеральной и социальной стратегий описания исторической логики развития экономики как сложной институциональной системы определяется возникшей под влиянием эгоистичной трактовки Г.В.Ф. Гегелем интересов субъектов экономики. По его мнению, у них отсутствуют общие экономические интересы, поэтому «гражданское общество является ареной борьбы частных индивидуальных интересов, войны всех против всех» [5, 330].

Из эгоистичной трактовки экономических интересов граждан следует, что государство не может осуществлять свою деятельность, исходя из экономических интересов общества. В связи с этим государством для регулирования экономической деятельности и экономического взаимодействия используются правовые методы. В результате возникают утверждения о том, что собственность является юридической категорией, а все изменения в отношениях собственности и экономике преимущественно определяются законодательной деятельностью государства, т. е. неэкономическими (надстроечными) регуляторами [2].

Для выработки реалистичного видения основополагающей роли отношений собственности в формировании и изменении экономических систем важно опираться на идеи классической школы, учитывающие двойственную природу человека и его интересов, а также на конструктивистский подход, согласно которому общество является реальным актором и сложным институциональным образованием, эволюционирующем в рамках общих культурно-ценостных представлений и интересов [10]. Это позволяет рассматривать государство в качестве особого субъекта экономических и правовых систем, которому для обеспечения устойчивости устройства общества требуется использовать власть с учетом интересов общества, опираясь на легитимные регуляторы.

Исторический процесс эволюции национальных экономических систем отражает их сложную взаимосвязь с изменениями правовых отношений. Важно учитывать, что институциональное развитие общества, с одной стороны, сопровождается возникновением потенциала роста новых форм собственности и институциональных связей в экономике; с другой стороны, фактическая реализация данного потенциала зависит от изменений правовой системы. В ходе коммуникативных практик и под влиянием регулирующей деятельности

государства складывается определенное соответствие между экономическими и правовыми отношениями, что приводит к формированию некоторой конструкции отношений собственности и экономико-правовой системы. При этом государство выступает важнейшим фактором, способствующим или препятствующим развитию национальной экономики в зависимости от соответствия реалиям создаваемых институциональных регуляторов.

Альтернативные стратегии познания закономерностей развития отношений собственности и экономических систем

Создание современных версий либеральных моделей национальных экономик основывается на реализации проекта частной собственности, в рамках которого формируется устойчивый взгляд о делении мира на либеральный Запад и авторитарный Восток. Оправдание и обоснование процесса конструирования либеральной модели экономики опирается на неоинституциональный («ценностно-нейтральный») подход, в соответствии с микроэкономической (локальной) версией которого главный собственник распределяет пучок прав между участниками отношений собственности исходя из своих частных интересов: интересы главного собственника —> пучок прав собственности —> результат. Классические и современные теоретики утверждают, что частная инициатива ведет к общественному благополучию в условиях ограниченного правительства и защиты частной собственности. Макроэкономическая версия либеральной теории реализуется в монетаристско-структурной политике, ориентированной на адаптацию институциональной системы экономики на основе доминирования интересов собственников крупного капитала. Важно отметить, что, согласно логике либеральной теории пучка полномочий собственности, все занятые в экономике обладают тем или иным их набором, а следовательно, все они являются собственниками, хотя некоторые собственники являются главными, а другие — производными.

Неоинституциональный подход выступает по своей сути монокausalным, поэтому на его основе создаются теоретически несостоятельные и исторически недостоверные интерпретации истории развития мировой экономики. Так, в 2024 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Ро-

бинсон за особый вклад в изучение закономерностей эволюции общественных институтов. Однако опора на неоинституциональный подход неизбежно приводит к использованию не соответствующих экономической истории представлений. Так, в рамках данного подхода утверждается, что переход от незащищенных прав собственности в аграрных экономиках к защищенным привел к формированию частной собственности и индустриальных экономиках. Но исторические исследования убедительно показывают, что для предотвращения хаоса современным и ранним государствам требуется создание достаточно защищенных прав собственности. Анализ 100 показателей развития Англии также свидетельствует о том, что важнейшие изменения в области прав собственности и финансов происходили до промышленной революции [17; 18]. Неоинституционалистская версия западноцентричного подхода не учитывает специфику влияния на экономическое развитие ценностно-нормативных представлений общества, поэтому в ней нет объяснений экономического прорыва, который совершили, например, Индия и Китай в последние тридцать лет.

В отличие от либеральной теории собственности в социальной теории собственность рассматривается не как набор частных прав, а как набор социальных соглашений по поводу владения объектами общественного богатства (objects of social wealth), которые предполагают, что у участников соглашений возникают взаимные права и обязанности, свойственные их общественной роли [13; 21; 23]. В социальной теории, опирающейся на идеи мыслителей Древнего мира, Средневековья и немецкой исторической школы, подчеркивается, что человеческая мотивация включает нормативный и инструментальный аспекты [19]. В связи с этим применяется ценностно-нормативный подход, в рамках которого конструкция прав собственности формируется под влиянием ценностей и интересов общества: ценности и интересы общества —> пучок прав собственности —> результат. Сторонники данного подхода при описании микро- и макроэкономических процессов подчеркивают их системную связь; поэтому утверждается, что распределение ресурсов и доходов определяется прежде всего ключевой ролью государства как регулятора экономики, а не рыночными механизмами [12].

Критики либеральной интерпретации истории развития мировой экономики указывают, что теоретики XIX в. и их современные

либеральные последователи абсолютизируют различия между капиталистическими и докапиталистическими обществами и не учитывают, что в этих обществах экономика на фундаментальном уровне всегда структурировалась действиями государства [4, 48]. В традиционных обществах государство для обеспечения устойчивости выполняло особую роль в построении легитимных систем собственности, а также экономических и правовых систем, ориентируясь на поддержание приемлемого баланса частных и общественных интересов [14]. Социальные теоретики объясняют экономические трансформации изменением ценностных ориентаций, а также борьбой акторов за выгодное положение и результаты деятельности, но признается значимость и отношений сотрудничества. Представители социальной теории собственности подчеркивают, что гегемония либеральной теории основывается на замалчивании связи суверенной власти народа с собственностью. Однако учет данной связи требует признания глубинной общественной собственности (deep public ownership). При таком подходе к рассмотрению отношений собственности народ является фундаментальным владельцем всех национальных ресурсов, а частные собственники выступают вторичными владельцами [22].

В классической политэкономии использовался диалектический метод, в соответствии с которым экономическая система на каждой стадии развития воспроизводит свое начало в качестве основы своего существования. При этом общественная собственность выступает в качестве исторической и логической основы познания отношений собственности и экономических систем. Это связано с тем, что хозяйственная деятельность людей первоначально происходила в условиях, когда средства производства и ресурсы являлись собственностью общины. Кроме того, в рамках классической парадигмы экономика рассматривается как целостное образование, институциональные связи которого создаются с учетом ценностей и интересов общества; общество выступает реальным актором и верховым собственником, формирующими сложную конструкцию отношений собственности с производными собственниками: экономические ценности и интересы общества —> пучок прав пользования общественной собственностью —> результат. Так, в условиях простого товарного хозяйства производители-собственники в связи с двойственностью их интересов используют средства производства для

получения денежного дохода и удовлетворения общественного спроса в товарах. В связи с этим они выступают как вторичные собственники, которые используют объекты общественной собственности в соответствии с рыночными правилами для создания общественного продукта.

Классическая перспектива ориентирует на рассмотрение собственности как сложного феномена, который характеризует: способ соединения занятых в экономике со средствами производства; экономическую структуру общества и цель развития экономической системы; а также способ распределения результатов экономической деятельности и ее структуру стимулов. В связи с этим важно изучать закономерности эволюции экономических систем с учетом сложности и противоречивости процесса формирования отношений собственности на ценностном и институциональном уровнях экономической реальности [3]. На данной основе появляется возможность анализа проявлений отношений собственности как классовых отношений, которые определяются различиями отношений к средствам производства разных общественные группы, а также особенностями той роли, которую они выполняют, участвуя в условиях разделения труда в создании и распределении общественного продукта, и которая может позволить одной группе присваивать труд другой.

Общественная собственность и исторические аспекты изучения эволюции экономических систем

Переосмысление парадигмального видения отношений собственности и их связи с деятельностью государства предполагает выработку более адекватных представлений о роли общественной собственности в эволюции экономических систем. Сегодня в условиях гегемонии частнособственнических идей сформировалась глобальная «мифология государства», которая исходит из институционально-детерминистской трактовки связи власти (государства) и собственности и уходит своими корнями в дихотомию «Восток—Запад», трактуемую через призму азиатского способа производства.

Вместе с тем многочисленные исторические исследования убедительно свидетельствуют о том, что переход к ранним государствам от общинной формы собственности происходил на основе создания иерархических систем государственной власти, экономических и правовых отношений. В обществах Древнего мира и Средних

веков земельные ресурсы принадлежали государству; а права собственности распределялись между государством как высшим собственником и собственниками производными — сельскими и городскими общинами, а также частными лицами. В эволюции экономико-правовых систем особую роль играли национальные традиции; законы составляли небольшую видимую надстройку [11]. В связи с этим важной составляющей государственного регулирования хозяйственной жизни общества являлись судебные процедуры защиты государственной, общинной (коллективной) и индивидуальной (частной) форм собственности, а также разрешение хозяйственных конфликтов в соответствии с действующими законами. На данной основе в традиционных обществах с помощью государства поддерживались и менялись отношения собственности и хозяйственные связи, происходило развитие разделения труда и производительных сил.

Описывая общие закономерности эволюции экономических систем, Маркс критиковал экономистов, для которых существует только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные; например, феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные [7]. В общих чертах он рассматривал азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Указывая на несостоительность представления историков о том, что земельный собственник присваивал весь прибавочный продукт, Маркс утверждал, что в феодальных государствах и в государствах, выступающих земельными собственниками, господствующая часть общества была заинтересована в том, чтобы на легитимной основе отчуждалась только часть прибавочного продукта производителя (например, в виде ренты или налога) [8, 862—863].

В западной и восточной цивилизациях государство выступало не только особой формой политической организации, но и особой формой экономической организации сложного общества, которое с помощью государства формировало с учетом реалий соответствующую своим ценностно-мировоззренческим представлениям и интересам систему экономических институтов. В традиционных обществах государство, выполняя от имени общества функции высшего собственника и регулятора национального хозяйства, выступало осо-

бым актором экономических отношений и участником народнохозяйственного процесса производства общественного продукта. Возникающий при этом в условиях развития разделения макроэкономического эффект проявлялся в производстве совокупного прибавочного продукта. Особенно значительный экономический эффект создавался в централизованных государствах с сословно-классовым делением — в Древнем Египте, Персии, Китае, Римской империи и Византии, а также в средневековых европейских государствах — в связи с созданием дорожной сети, водных каналов, ирригационных систем и других инфраструктурных объектов.

Происходившие в ранних цивилизациях процессы углубления разделения труда, роста ремесел и торговли, городов и сельских поселений свидетельствуют о том, что развитие экономики осуществлялось с помощью конструирования методов государственного регулирования, которые учитывали в определенной степени общенациональные потребности и экономические интересы и создавали условия реализации преимуществ разделения труда и повышения его производительности. При этом производство и распределение совокупного прибавочного продукта общества определялись двойственным характером государственного регулирования и были связаны с особенностями формирования сословных различий в доступе к национальным ресурсам.

В «азиатском способе производства» особая роль государства в значительной мере обуславливалаась особенностями природно-климатических условий развития производительных сил. Выполнение государством функции высшего владельца ресурсов национального хозяйства сопровождалось превращением государственных чиновников в господствующий класс, общественная функция которого состояла в организации и управлении крупными царскими и храмовыми хозяйствами, а также в регулировании межобщинных хозяйственных связей.

Проблемы формирования отношений собственности были центральной темой дискуссий еще античных мыслителей. В либеральном мейнстриме замалчивается, что в ходе данных дискуссий Аристотель обратил внимание на необходимость рассмотрения общественной собственности как сложного фундаментального феномена — первопричины появления разных производных форм соб-

ственности. Он считал, что различные формы собственности являются различными способами пользования общей собственностью в относительном смысле, т. е. общими ресурсами, которые находятся на территории полиса-государства [1, 410]. Ученый указывал на необходимость рационального сочетания достоинств общей и частной собственности и в связи с этим выделил три основные типа собственности: 1) общая собственность и общее пользование; 2) общая собственность и частное пользование; 3) частная собственность и общее пользование. Аристотель писал о важности создания механизмов пользования объектами собственности на основе распределяющей и уравнивающей справедливости, которая связана с формированием равноправного свободного обмена вещами с учетом количества и качества затрат труда производителей.

В Древнем Риме на основе идей античных мыслителей возникла республиканская традиция (от лат. *res publica* — «общее благо», «общее достояние»), связанная с необходимостью поддержания соотношения общей и частной собственности с учетом интересов народа, выступающего верховным собственником. Регулирование отношений собственности осуществлялось с использованием не менее пяти типов юридических определений и защиты общего достояния. Заложенные в республику традиции представления об иерархическом устройстве отношений собственности стали основой формирования феодальных отношений собственности, для описания структурносложной конструкции которых применялись древовидные схемы [15]. В римской и средневековой традициях суверен (монарх или народ) выступает главным собственником («доверителем»), а владелец — агентом («доверенным») в фидуциарных социальных отношениях, называемых собственностью [16].

Сегодня социальные теоретики указывают на важность изучения собственности как сложноструктурного феномена; они подчеркивают, что ресурсы национального хозяйства по своему социальному смыслу являются общественными, поскольку народ — верховный владелец, а частный владелец — агент в фидуциарных социальных отношениях. Республиканские принципы и связанные с ними социалистические идеи считаются важными для рассмотрения общих основ конструирования отношений собственности, а также практик создания современных форм собственности [20]. В связи с этим отмечается, что либеральная теория собственности абсолютизирует

значимость индивидуальной свободы и свободного рынка, поэтому используется для оправдания усиливающегося социального неравенства во всем мире.

В настоящее время общепринятым является представление о том, что все современные экономики регулируются государством и обладают разной долей рыночных отношений. Разница между национальными экономиками в контексте воспроизведения власти-собственности сводится к второстепенным характеристикам и к риторике, что в одних власть доминирует над собственностью, а в других крупная собственность контролирует доступ к власти. Однако нигде нет реальной автономии одного от другого [9]. Процессы фундаментальной трансформации современной экономики определяются потребностью смены глобалистко-неоколониальной модели, сложившейся в рамках устаревшего мирохозяйственного уклада и основанной на частнособственническом индивидуализме.

Новый мирохозяйственный уклад, как подчеркивает академик С.Ю. Глазьев, активно формируется в странах, в которых институциональная система экономики базируются на новых отношениях собственности и примате общественных интересов над частными. При этом используются гибкие механизмы планирования, кредитования, субсидирования и построения институтов предпринимательства, ориентирующие не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат [6, 22—23]. Предлагаемая в русле идей классической политэкономии перспектива исходит из необходимости перехода от неолиберальной версии российской модели к адекватной реалиям экономической модели, которая обеспечивают эффективное использование национальных ресурсов на основе создания суверенных отношений собственности, а также государственного регулирования движения потоков общественного капитала и деятельности организаций разных форм собственности, позволяющего устранять причины вывоза национального капитала и появления деструктивных форм предпринимательства.

Заключение

Создаваемые сегодня конкурирующие стратегии описания экономики как сложной эволюционирующей системы опираются на разные трактовки феномена собственности. В мейнстримовской

стратегии исключительное частное владение рассматривается в качестве основной природы собственности, что приводит к использованию институционально-монокаузального подхода и оправданию либерального проекта с помощью мифологических интерпретаций исторических и современных экономических процессов. Опора социальных теоретиков на ценностно-институциональный подход способствует проведению более содержательного анализа процессов эволюции национальных экономик на основе рассмотрения собственности как сложноструктурного социального феномена, связанного с признанием общества верховным субъектом власти и верховным собственником.

В отличие от распространенных стратегий классиками политэкономии была разработана парадигмально иная стратегия, которая предусматривает воспроизведение логики и истории развития экономической системы исходя из понимания общественной собственности как ее исходной основы. Предложенная перспектива способствует созданию реалистичной системы взаимосвязанных категорий экономической науки, которая позволяет рассматривать национальную экономику как эволюционирующую и меняющую свои качественные характеристики во времени и в пространстве сложную систему под влиянием изменений экономических ценностей и интересов в связи с возникающими вызовами. Данная перспектива ориентирует на построение адекватной реалиям суверенной национальной модели, которая обеспечивает эффективное использование национальных ресурсов на основе трансформации отношений собственности и экономических отношений, исходя из приоритета интересов общества.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Бирюков В.В. Развитие национальной экономики как сложной системы: переосмысление роли государства // AlterEconomics. 2024. № 2 (21). С. 230—252. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4.
3. Бирюков В.В. Общественная собственность и ее центральная роль в построении хозяйственной системы // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 103—119. DOI: 10.5281/zenodo.15424273.

4. Блок Ф. Роли государства в хозяйстве // Экономическая социология. 2004. № 2. С. 37—56.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. Глазьев С.Ю. О месте социализма в новой мир-системе // Российский экономический журнал. 2024. № 5. С. 4—31. DOI: 10.52210/01309757_2024_5_4.
7. Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. 616 с.
8. Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. М.: Политиздат, 1962. 552 с.
9. Мартынов В.С. В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 112—131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.
10. Момджян К.Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 18—28. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-4-18-28.
11. Разуваев Н.В. Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства: очерк юридической антропологии // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 4. С. 64—84.
12. Сэмюэлс У.Дж. Институциональная экономическая теория // Панорама экономической мысли конца XX столетия: В 2 т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 125—141.
13. Alexander G. Property and Human Flourishing. Oxford: Oxford University Press, 2018. 392 p. DOI:10.1093/oso/ 9780190860745.001. 0001.
14. Deakin S., Gindis D., Hodgson G.M., Huang K., Pistor K. Legal Institutionalism: Capitalism and the Constitutive Role of Law // Journal of Comparative Economics. 2017. Vol. 45 (1). P. 188—200. DOI:10.1016/j.jce. 2016.04.005.
15. Di Robilant A. The Making of Modern Property. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 380 p. DOI:10.1017/ 9781108859844.
16. Domènec A., Bertomeu M.J. Property, Freedom and Money: Modern Capitalism Reassessed // European Journal of Social Theory. 2016. Vol. 19 (2). P. 245—263. DOI: 10.1177/1368431015600022.
17. Grajzl P., Murrell P. A Machine-Learning History of English Caselaw and Legal Ideas Prior to the Industrial Revolution I: Generating and Interpreting the Estimates // Journal of Institutional Economics. 2021. Vol. 17 (1). P. 1—19. DOI:10.1017/S1744137420000326.

18. *Grajzl P., Murrell P.* A Machine-Learning History of English Caselaw and Legal Ideas Prior to the Industrial Revolution II: Applications // *Journal of Institutional Economics*. 2021. Vol. 17 (2). P. 201—216. DOI: 10.1017/S1744137420000363.
19. *Hodgson G.M.* Much of the «economics of property rights» de-values property and legal rights // *Journal of Institutional Economics*. 2015. Vol. 11 (4). P. 1—27. DOI: 10.1017/S1744137414000630.
20. *Lain B., Manjarín E.* Private, Public and Common. Republican and Socialist Blueprints // *Theoria*. 2022. Vol. 69 (171). P. 49—73. DOI:10.3167/ th.2022.6917104.
21. *Lametti D.* The Concept of Property: Relations Through Objects of Social Wealth // *University of Toronto Law Journal*. 2004. Vol. 53 (4). P. 325—378. DOI:10.2307/3650892.
22. *Nili S.* Philosophizing the indefensible: strategic political theory. N. Y.: Oxford University Press, 2023. 224 p. DOI: 10.1093/oso/9780198872160.001.0001.
23. *Walsh R.* Property rights and social justice: progressive property in action. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 307 p. DOI: 10.1017/ 9781108551373.

References

1. *Aristotel.* Sochineniya: V 4 t. T. 4. M.: Mysl, 1983. 830 s.
2. *Biryukov V.V.* Razvitie nacionalnoj ekonomiki kak slozhnoj sistemy: pereosmyslenie roli gosudarstva // *Alter Economics*. 2024. № 2 (21). S. 230—252. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4.
3. *Biryukov V.V.* Obshestvennaya sobstvennost i eyo centralnaya rol v postroenii hozyajstvennoj sistemy // *Filosofiya hozyajstva*. 2025. № 3. S. 103—119. DOI: 10.5281/zenodo.15424273.
4. *Blok F.* Roli gosudarstva v hozyajstve // *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2004. № 2. S. 37—56.
5. *Gegel G.V.F.* Filosofiya prava. M.: Mysl, 1990. 524 s.
6. *Glazev S.Yu.* O meste socializma v novoj mir-sisteme // Ros-sijskij ekonomicheskij zhurnal. 2024. № 5. S. 4—31. DOI: 10.52210/01309757_2024 _5_4.
7. *Marks K.* Nisheta filosofii // Marks K., Engels F. Soch. 2-e izd. T. 4. M.: Politizdat, 1955. 616 s.

8. Marks K. Kapital. T. 3. Ch. 2 // Marks K., Engels F. Soch. 2-e izd. T. 25. Ch. 2. M.: Politizdat, 1962. 552 s.
9. Martyanov V.S. V poiskah drugogo mejnstrima // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. № 4. S. 112—131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.
10. Momdzhyan K.H. Obshestvo kak institucionalnaya forma sushestvovaniya socialnoj realnosti // Voprosy filosofii. 2023. № 4. S. 18—28. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-4-18-28.
11. Razuvayev N.V. Pravovye predposylki vozniknoveniya i evolyuchii gosudarstva: ocherk yuridicheskoy antropologii // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2013. № 4. S. 64—84.
12. Semyuels U.Dzh. Institucional'naya ekonomicheskaya teoriya // Panorama ekonomicheskoy mysli konca XX stoletiya: V 2 t. T. 1. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2002. S. 125—141.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ, А.М. КОРНИЛОВ

Асимметрия информации в условиях финансализации и цифровизации экономического роста*

Аннотация. В статье рассматривается феномен асимметрии информации в контексте современной цифровой трансформации экономики. Авторы подвергают критике традиционное представление об асимметрии как о негативном явлении, препятствующем эффективности рынков, и предлагают альтернативную трактовку — как структурного условия инновационного развития и источника экономической динамики. Показано, что цифровизация, с одной стороны, позволяет снижать уровень информационного неравенства, но с другой — порождает новые, алгоритмически закрепленные формы асимметрии. Особое внимание уделено финансализации, угрозе когнитивной унификации в эпоху искусственного интеллекта (ИИ) и необ-

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Альпидовская М.Л., Корнилов А.М. Асимметрия информации в условиях финансализации и цифровизации экономического роста // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 74—98. DOI: 10.5281/zenodo.17340879.

ходимости институционализации управляемой информационной неоднородности. В finale статьи предлагается модель научно-инновационного краудсорсинга и платформенной «биржи идей» как механизма продуктивного использования асимметрии информации и инструмента стабилизации денежной эмиссии. Работа объединяет элементы экономической теории, цифровой социологии и философии науки.

Ключевые слова: асимметрия информации, цифровизация, финансализация, когнитивное разнообразие, инновации, краудсорсинг, инсайд, алгоритмы, экономика знаний, биржа идей.

Abstract. The article examines the phenomenon of information asymmetry in the context of the modern digital transformation of the economy. The authors criticize the traditional view of asymmetry as a negative phenomenon that hinders market efficiency and offer an alternative interpretation — as a structural condition for innovative development and a source of economic dynamics. It is shown that digitalization, on the one hand, makes it possible to reduce the level of information inequality, but on the other hand, it generates new, algorithmically fixed forms of asymmetry. Particular attention is paid to financialization, the threat of cognitive unification in the era of artificial intelligence (AI), and the need to institutionalize controlled information heterogeneity. The article concludes by proposing a model of scientific and innovative crowdsourcing and a platform «idea exchange» as a mechanism for the productive use of information asymmetry and a tool for stabilizing money emission. The work combines elements of economic theory, digital sociology, and the philosophy of science.

Keywords: information asymmetry, digitalization, financialization, cognitive diversity, innovation, crowdsourcing, insider, algorithms, knowledge economy, exchange of ideas.

УДК: 330.1

ББК: 65.01

В экономической теории давно и прочно укоренилось представление об асимметрии информации как об одной из ключевых проблем, затрудняющих эффективное функционирование рынков. Классическая триада исследователей этой темы — Джордж Акерлоф

[1], Майкл Спенс [6] и Джозеф Стиглиц [7] — в 2001 г. была удостоена Нобелевской премии за анализ рынков с асимметричной информацией. Их работы показали, что различие в доступе к релевантной информации между участниками хозяйственного оборота может существенно снижать эффективность работы экономической системы, поскольку ведет к недоинвестированию, стимулирует моральный риск, отрицательный отбор и другие явления, подрывающие самую логику рационального рыночного поведения.

Однако за сухой формулой «несовершенство/асимметрия информации» скрывается нечто большее, чем еще одна частная техническая проблема отладки действия рыночного механизма. В действительности речь идет о фундаментальном, метафизическом, так сказать, свойстве экономики как всего комплекса социально-экономических отношений в воспроизводственном цикле производства, распределения, обмена и потребления. Экономический субъект никогда не действует в условиях полной прозрачности конъюнктуры, но в обстановке большей или меньшей ее неопределенности и множественности интерпретаций, руководствуясь всегда неполным, так или иначе искаженным знанием. В этом смысле асимметрия информации выступает не столько препятствием к идеальному рынку, сколько онтологическим инвариантом всякого экономического действия вообще¹.

С практической точки зрения асимметрия информации нередко воспринимается как барьер к справедливости и эффективности. Примером может служить рынок медицинских услуг, где пациенту, как правило, недоступна та же полнота информации, которой обладает врач. Это создает дисбаланс в принятии решений, повышает транзакционные издержки и дает питательную почву для различных злоупотреблений. Аналогично, на финансовом рынке инсайдерская

---

¹ Еще философы древности выясняли, что полнота знания с неизбежностью ведет к совершенному недеянию. Совершенный мудрец помнит, что богатство, как говорится, «с собой в могилу не унесешь», и знает, что в погоне за удовлетворением потребностей мы лишь умножаем свои страдания — причем всегда в пре-восходной степени, сравнительно с краткими мгновениями блаженства. Ест и одевается он, тем не менее, благодаря производительной деятельности людей, менее мудрых, обо всех этих возвышенных истинах не задумывающихся.

информация превращается в мощный инструмент спекуляции и захвата рыночной власти, что неизбежно приводит к кризису доверия и системным сбоям.

Именно по этой причине борьба с асимметрией информации на протяжении последних десятилетий стала важнейшим направлением институционального и технологического развития. Государственные органы вводят правила раскрытия информации, регулирующие структуры требуют прозрачности, корпоративный сектор внедряет механизмы внутреннего аудита и комплаенса². Все это попытки выровнять информационные позиции участников экономической игры, сделать рынок «более совершенным».

С другой стороны, сам факт того, что такая борьба продолжается десятилетиями — причем, с мягко говоря, переменным успехом — наталкивает на мысль о том, что асимметрия информации может быть не просто издержкой несовершенства, но системообразующим элементом экономической реальности. Особенно рельефно этот двойственный характер исследуемого явления проступает в условиях цифровизации, или «цифровой революции», парадоксальным образом выражющейся одновременно и как инструмент преодоления информационного неравенства, и как его источник.

Новая, цифровая эпоха характеризуется взрывообразным расширением доступа к информации, повышением скорости ее распространения и вообще оборота, развитием технологий big data, искусственного интеллекта (ИИ) и т. д. Считается, что эти инструменты делают рынок более прозрачным, сокращая издержки на поиск информации и снижая риски. И действительно, платформы типа Amazon, Booking или AliExpress уже радикально изменили потребительское поведение за счет информационной открытости: рейтинги, отзывы, рекомендации — все это выравнивает информированность покупателей. Однако одновременно с этим возникает и новая форма асимметрии — доступ к алгоритмам, к аналитике, к пользовательским данным, которыми обладают только корпорации и агрегаторы.

---

² Комплаенс (от англ. compliance — соответствие) — часть системы управления современной фирмой, направленная на оптимизацию транзакционных издержек.

Тем самым вопрос об асимметрии информации в условиях цифровизации требует не просто переоценки, а глубокого теоретического переосмысления. Так ли уж необходимо ее устранять? Или, напротив, требуется научиться управлять ею — перераспределить, структурировать, институциализировать?

На первый взгляд цифровизация представляется естественным союзником в борьбе с асимметрией информации. Массивы данных становятся все более доступными, интерфейсы — интуитивными, а алгоритмы — мощными и скоростными. За считанные секунды любой пользователь Интернета может узнать, сколько стоит билет на самолет, какова репутация продавца на маркетплейсе или какие условия предлагает банк для потребительского кредита. Современные информационные технологии действительно критически снижают транзакционные издержки, расширяют горизонт принятия решений и выравнивают информированность потребителей [3].

В этом смысле цифровизация играет роль своего рода экономического «народного героя-благодетеля», восстанавливающего справедливость через прозрачность. Такие технологии, как блокчейн, делают невозможной подмену данных задним числом, smart-контракты автоматизируют исполнение обязательств, а искусственный интеллект позволяет обрабатывать объемы информации, ранее недоступные человеческому анализу [8]. Примером служит финансектор, где автоматизированные scoring-системы, анализируя поведение клиента по тысячам параметров, предоставляют доступ к кредитованию ранее исключенным категориям населения — особенно в странах Глобального Юга.

Однако именно здесь кроется парадокс: расширяя доступ к информации для одних, цифровые технологии создают новые формы привилегированного доступа для других. Ведь чем более технологически сложной становится информационная среда, тем выше барьер входа в нее. Действительно, данные формально доступны, но способность интерпретировать их, выстраивать логические связи и извлекать поведенческие паттерны — это уже область машинного обучения, сложной аналитики и специализированных знаний. Таким образом, цифровизация порождает новый тип информационного неравенства: между теми, кто просто «знает», и теми, кто умеет превращать знание в стратегическое преимущество.

Более того, возникла особая разновидность асимметрии, которую можно назвать *алгоритмической*. Компании, обладающие доступом к пользовательским данным и возможностью их интерпретации, фактически получают инсайдерскую информацию не только о клиентах, но и о рынке в целом. Алгоритмы, управляющие рекомендательными системами, логистикой, динамическим ценообразованием, влияют на поведение миллионов людей, оставаясь при этом «черными ящиками». Парадокс заключается в том, что сами участники цифрового рынка становятся объектами анализа, не имея доступа к тому, как именно они анализируются.

Пример — платформа Uber, в которой не только клиенты, но и водители подвержены алгоритмическому контролю. Последние не знают, как именно система распределяет заказы, какие параметры влияют на рейтинг и какова логика динамического ценообразования. Возникает ситуация, при которой рыночное поведение управляется через асимметрию алгоритмической информации — с полной потерей прозрачности для участника. И если классическая асимметрия строилась на знании продавца о качестве товара, то здесь — на знании платформы о поведенческой динамике миллионов пользователей, включая самого исполнителя услуги.

Другой яркий пример — таргетированная реклама в социальных сетях. Пользователь получает персонализированный контент, но не знает, почему именно он видит ту или иную рекламу, какие характеристики были учтены при формировании медиапотока и каким образом это повлияет на его дальнейшее поведение — экономическое, политическое, культурное. В результате человек оказывается императивно включенным в сложную структуру манипулятивного воздействия, о механизмах которого он даже не подозревает. Это и есть новая форма асимметрии: когда информация не просто недоступна, а недоступна принципиально, в силу закрытости алгоритмической логики.

Таким образом, цифровая революция не устраниет асимметрию, а трансформирует ее. Вместо прежнего «неравного знания» о предмете сделки возникает «неравный доступ к машинной интерпретации мира». Возникает новая реальность, где информационная мощь определяется не только объемом данных, но и архитектурой

алгоритма, который обрабатывает эти данные. Иными словами, право на интерпретацию становится новой формой власти.

Эта новая власть — информационно-алгоритмическая — приобретает особую значимость в условиях платформенной экономики. Компании вроде Google, Amazon, Facebook или Baidu не просто собирают данные, но и задают рамки, в которых формируется восприятие действительности [15]. Их роль в экономике сравнима с ролью центральных банков или министерств в прошлом: они устанавливают правила, контролируют потоки и формируют ожидания. И все это за счет высшей формы асимметрии — монополии на доступ к смыслам в цифровой среде.

Современная экономическая теория, особенно ее институциональное и эволюционное направления, все чаще отходит от однозначной негативной оценки асимметрии информации. За ней постепенно начинают признавать известную функциональную значимость в обеспечении не только устойчивости хозяйственной системы, но и способности последней к развитию.

В этом отношении мейнстрим экономической теории значительно опередил Йозеф Шумпетер [10], не только гораздо раньше, но и, пожалуй, ближе всех подошедший к пониманию созидательной роли асимметрии информации в своей интерпретации теории предпринимательского риска. В его концепции инновационного предпринимателя важнейшую роль играет различие в знаниях, интерпретациях и стратегических видениях. Инноватор — это не просто носитель нового продукта или технологии, но и обладатель уникального взгляда на то, как и когда использовать этот продукт в экономике. Это и есть асимметрия: другие акторы еще не понимают, что можно извлечь выгоду из определенного набора факторов, а предприниматель уже действует. Без этого информационного разрыва не было бы и смысла рисковать.

Тем не менее, последний, логически неизбежный шаг — признание асимметрии информации ключевым источником прибыли как таковой, а значит, и общественного развития в целом — Шумпетер так и не сделал. Это представляется в высшей степени странным, учитывая глубокую укорененность в его теоретические построения концепции «творческого уничтожения» [10], а главное — что вся не-

обходимая фактура для подобного заключения была ему вполне доступна — и не только ему, но уже классикам политической экономии³.

Дискурс в данном случае может быть сведен к инвариантам («метафизике») рыночного обращения. Любая рыночная власть предполагает дополнительные транзакционные издержки: ноу-хау и другие эксклюзивные результаты интеллектуальной деятельности нуждаются в правовой охране, инсайдерская информация или покровительство со стороны криминала либо коррумпированных официальных силовых структур предполагают выплату так или иначе оформленной дани, которую, к слову сказать, даже через бухгалтерию не проведешь без известного креатива в обращении (оформлении) все той же информации. Однако на рынке совершенной конкуренции ресурсы для подобных издержек получить невозможно по определению: условия у всех акторов равные, продвинуть собственную продукцию они могут только за счет маневра ценой, а значит, все работают в ноль или, точнее, «около нуля», поскольку в экономические издержки, в отличие от бухгалтерских, методологически необходимо включать также вознаграждение за менеджмент и отчисления в кризисный фонд (на непредвиденные расходы).

Едва ли требуется пояснить, что описываемая ситуация, какой бы справедливой она на первый взгляд ни казалась, на самом деле отнюдь не утопична, а наоборот, глубоко *дистопична*. Поскольку ни у кого из игроков на рынке нет и не может образоваться ресурсов, необходимых для создания экономических благ (товаров и услуг) с новыми свойствами, т. е. того, что собственно и конституирует общественный — и в том числе научно-технический — прогресс. И здесь не следует себя обманывать: в описываемом хозяйственном укладе — или, как сейчас принято говорить, экосистеме — любые попытки подвижнического самоотречения любого из акторов, т. е. направления части средств из фонда вознаграждения за менеджмент на какие-нибудь инновации, дадут, учитывая изначально копеечный характер любого бизнеса в условиях совершенной конкуренции, ничтожный результат, который мгновенно скопируют конкуренты и

---

³ Достаточно вспомнить заочный спор Маркса с Кондильяком об источнике прибавочной стоимости [4].

вернут ситуацию в исходную точку. С почти стопроцентной вероятностью последующего ухода шумпетерианского визионера-инноватора с рынка навсегда.

В результате, чтобы вырваться из этого заколдованного круга, путеводной нитью как раз и служит асимметрия информации. В понимании Шумпетера, первоначальным толчком для любого инновационного проекта — и соответственно всякого содержательного развития — служила встреча двух визионеров: инноватора и финансиста, столь же широких взглядов, способных оценить коммерческие преимущества продвигаемого блага, а значит, и будущие барыши с него, в счет которых издержки инновационного процесса и покрывались. Встреча эта могла иметь место и в одной голове — если речь шла об условном титане индустрии вроде главного героя голливудской кинофраншизы про «Железного человека»⁴, располагавшего достаточными финансовыми ресурсами, чтобы одновременно и придумать инновацию, и ее коммерчески реализовать. Так или иначе, но источник успеха инновационного проекта — асимметрия информации: никто другой не догадался именно так распорядиться наличными ресурсами.

Шумпетер, однако, не объяснял, откуда, собственно, брал свои финансовые резервы визионер-финансист, вследствие чего для чистоты интеллектуального эксперимента существует возможность смоделировать ситуацию, в реальной жизни, пожалуй, наиболее близкую к абстракции «рынка совершенной конкуренции». Допустим, торговлю семечками на провинциальной железнодорожной станции. Успех предпринимательской деятельности любого из участников отношений конкуренции опять-таки целиком и полностью упирается во всю ту же информационную составляющую.

Актуальность приведенной в качестве примера модели для реалий современности можно было бы проиллюстрировать бесконечным количеством конкретных кейсов из области, скажем, BigTech или венчурного финансирования⁵, однако внутренняя ее логика

---

⁴ Железный человек — супергерой комиксов — использует особые доспехи, чтобы защищать мир в облике Железного человека, скрывая свою личность.

⁵ Рассмотрим, к примеру, рынок высокочастотной торговли (high-frequency trading, HFT). Здесь миллисекунды задержки при передаче данных могут стоить

настолько прозрачна и вместе с тем универсальна, что, опираясь на нее, возможно легко свести к асимметрии информации любую концентрацию рыночной власти, включая такие знаковые ситуации, как многолетняя мультимилиардная финансовая пирамида Бернarda Мейдоффа, столетней давности патенты, на которые опирается «инновационный» бизнес Илона Маска, или вымогательство взятки со стороны, скажем, министра финансов у крупнейшей нефтедобывающей компании.

Исследуя роль асимметрии информации в хозяйственном обороте, необходимо учитывать, что коммерческая отдача от нее определяется — при прочих равных — степенью эксклюзивности релевантных сведений. И в этом отношении асимметрия информации тесно смыкается с другой детерминантой экономической эффективности — неопределенностью, применительно к коммерции более известной как «риск». Связь неопределенности с мерой отдачи от вложений обычно иллюстрируют на примере лотереи: чем сложнее выигрышная комбинация, тем меньше вероятность у каждого из игроков ее угадать, тем больше получает тот, кто ее все-таки угадывает. Иначе говоря, все опять упирается в асимметрию информации, только доступ к ней распределяется как бы случайно.

В реальности, конечно, у большинства подобных предприятий наличествуют теневые бенефициары, имеющие доступ к выигрышной комбинации благодаря, скажем так, знакомству с организатором лотереи, вследствие чего они могут тем или иным способом капитализировать искомую комбинацию букв или чисел в обход существующих правил. Например, через подставных лиц легализовав преступно нажитые доходы. Однако что случится со всей этой схемой, если каким-то образом выигрышные комбинации узнает слишком много людей — допустим, все игроки? Выигрыш окажется нулевым, с прибылью уйдет только организатор и то лишь однажды, поскольку больше в эту лотерею никто играть не согласится. Неопределенность

миллионов долларов. Компании арендуют серверы ближе к биржам, прокладывают частные оптоволоконные кабели, инвестируют в квантовые технологии — все ради того, чтобы получить минимальное, но критически важное преимущество в обработке информации. Таким образом, асимметрия информации встраивается в саму архитектуру современного капитализма.

в экономике не просто выступает прямым продолжением асимметрии информации, но и в известном смысле высшей ее формой, поскольку распределяет прибыль от асимметрии информации.

Сама по себе асимметрия информации — даже с учетом многократного усиления ее эффекта за счет неопределенности — безусловно, нового богатства (в смысле массы благ, по-старому — стоимостей) не создает. Превышение или, точнее, концентрация рыночной власти, которую она порождает, конвертируется только в «бумажное богатство» — в виде, допустим, денежных знаков или ценных бумаг. Покупательная способность, опирающаяся на эту массу, само собой, стремится к нивелированию, по мере того как прочие участники рынка меняют свои представления о рыночной конъюнктуре, опытным путем убеждаясь, что соотношение денег в обращении и благ, которые на них можно купить, меняется явно не в пользу последних (назовем это явление «естественной девальвацией бумажного богатства»). Соответственно, может показаться, что ничего, кроме инфляции, подобное «богатство» не порождает.

Однако подобное заключение было бы в корне неверным, поскольку обесценивается конъюнктурная концентрация денег не мгновенно, и до тех пор, пока этот процесс не завершится, деньги, пусть и ничем не обеспеченные, согласно «любимой мантре» monetarистов, «являются всем, что на них можно сделать» — по покупательной способности, близкой к первоначальной.

Соответственно, обладатели могут ее:

а) использовать — путив на предметы конечного потребления; при этом инфляционный эффект от нивелировки бумажного богатства будет пусть и далеко не полностью, но все-таки отчасти компенсирован за счет «инфляционной спирали»⁶,

б)пустить на укрепление самой же рыночной власти — в том числе на компенсацию потери покупательной способности (в этом

---

⁶ В данном случае под ней имеется в виду стимуляция совокупного спроса за счет денежной эмиссии: хотя спрос предъявляется в основном на предметы конечного потребления, процесс этот хоть и в минимальной степени, но позитивно оказывается на объеме национального богатства — хотя бы благодаря товарам длительного пользования и сопутствующим нематериальным активам.

случае, пустьят ли «бумажное богатство» на взятки или на финансовые спекуляции, результат будет один — инфляционные процессы лишь сильнее разгонятся);

в) направить на разработку товаров и услуг с новыми свойствами, тем самым создав под «пустые» деньги необходимое обеспечение — предикатное богатство в виде товаров и услуг, но как бы задним числом, примерно как это представлял себе Шумпетер. В последнем случае инфляционного эффекта от естественной девальвации авансируемых средств, полученных за счет асимметрии информации, можно совсем избежать — и даже теоретически — создать почти утопическую ситуацию экономического роста на фоне снижения цен на товары потребления.

Таким образом, асимметрия информации служит необходимым, хотя и недостаточным условием для всякого экономического роста вообще и общественного развития в целом. И одно уже это со всей остротой ставит вопрос о том, насколько и какими способами ее необходимо ограничивать, а еще и изживать?

Вопрос этот представляется тем более своевременным, если учесть специфическое воздействие, которое на описанные выше органические свойства асимметрии информации оказывает бурно развивающаяся цифровая среда. Прежде всего благодаря характерным особенностям последней — стремительному росту доступности информации и скорости ее обращения — времени, в течение которого бумажное богатство может быть конвертировано. Грубо говоря, средства, которые можно авансировать на инновационный проект, успевают девальвироваться быстрее, чем под него удается создать сколько-нибудь значимую научную продукцию, а если речь идет о коммерциализации последней, т. е. прежде, чем проекту удается преодолеть «долину смерти инноваций»⁷. Как следствие, инновации, содержащиеся в научно-техническому прогрессу, теряют инвестиционную привлекательность, разработка научного задела на будущее просто игнорируется как бизнесом, так и госструктурами, и в результате отдача от «венчурного финансирования» оказывается в строгой зависимости от степени его имитационности [12]. Этот тренд

---

⁷ Период адаптации научной разработки к запросам рынка, в принципе не подлежащий коррекции по времени; преодолеть его, по разным оценкам, удается от 1 до 0,1% потенциально реализуемых инновационных проектов.

афористично описал американский венчурный инвестор и один из богатейших людей на планете Питер Тиль: «Мы хотели летающие машины, а получили Твиттер, да еще с лимитом в 140 знаков на один пост».

Дополнительно усугубляет ситуацию прогрессирующая общая финансализация экономики — определяющий фактор развития последней на протяжении последних нескольких десятилетий. В принципе, термин этот описывает ситуацию, при которой финансовые рынки, инструменты, мотивы и логика начинают доминировать в экономике, подменяя собой логику воспроизводства реального сектора, когда капитал ищет краткосрочную прибыль в финансовых спекуляциях, а не в производстве товаров и услуг. При этом асимметрия информации становится не побочным эффектом, а функциональной основой этого процесса.

По современным оценкам, в начале XXI в. доля финансового сектора в ВВП развитых стран достигла 20—30%, тогда как его реальный вклад в создание материальных благ не превышает нескольких процентов. Причем эти цифры во многом лукавы, поскольку в тех же США в 2008 г. стоимость финансовых активов составила 507% от ВВП и с тех пор более существенно не снижалась, в 2020 г. достигнув 586,1%! А ведь деньги, генерируемые динамикой этих активов, ничем не отличаются от любых других, принимаются к оплате на общих основаниях, а значит, одинаково отражаются на общей покупательной способности. Поэтому не стоит сбрасывать со счетов и более радикальные оценки уровня финансализации современного хозяйства⁸ — до 80% для развитых стран [13]! В этих условиях галопирующими темпами растет разрыв между бумажным и предикатным (обеспеченным) богатством. Вся логика современных финансовых рынков строится вокруг управления ожиданиями, а не производственными результатами. Это создает благоприятную среду для манипулятивных стратегий, базирующихся на контроле над информационными потоками.

---

⁸ Дополнительный интерес этой публикации Томаса Филиппона придает то обстоятельство, что, пройдя процесс рецензирования и будучи опубликованной в цифровом вестнике Бизнес-школы Нью-Йоркского университета, она несколько раз без объяснения причин удалялась и снова восстанавливалась.

Подлинным сердцем экономики — в смысле ключевым, непреодолимой силы атTRACTором ресурсов — в условиях финансализации становится фондовая биржа, где норма прибыли — по крайней мере, потенциальная — уверенно, а то и многоократно перекрывает любые криминальные доходы, включая контрабанду, наркотики и «черную» трансплатацию. Соответственно, желающих довольствоваться «копеечной» на этом фоне прибылью от чего-то созидательного становится все меньше, и более того — все меньше акторов могут себе позволить игнорировать допинг от биржевых спекуляций. В результате мощности реального сектора начинают продаваться чуть ли не на металлом — а то и прямо под снос, чтобы больше вложить в высокодоходные операции на бирже. И кто этого не делает, тот проигрывает в бесконечной, далеко не совершенной конкурентной борьбе на реальном рынке, освобождая место новым, менее разборчивым в источниках прибыли игрокам. Как следствие, финансализация разгоняет саму себя: все большая доля богатства принимает эфемерный, бумажный характер, его естественная девальвация, дополнительно ускоряемая цифровизацией, требует новых и новых вложений, которые необходимо «отбить» в постоянно сжимающиеся сроки, чем дополнительно демотивируется создание обеспечения этому богатству за счет чего-либо, кроме новых цифровых решений, которые, в свою очередь, лишь ускоряют девальвацию денежного богатства⁹. В итоге пожар тушится керосином, или, перефразируя Белую Королеву из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла («мне нужно бежать со всех ног, только чтобы оставаться на месте»), современному капиталистическому магнату надо последний цент за-

---

⁹ В этом смысле очень показательна история спасения от банкротства (*bail-out*) системообразующих банков США во время «Великой рецессии» 2007—2011 гг. Банки не просто получили колоссальную финансовую помощь на покрытие своих обязательств на условиях «заплатите, как сможете», они были юридически обособлены от собственных токсичных активов, для управления которыми были созданы специальные дублирующие структуры. Чтобы избежать углубления кризиса, государство выкупало эти самые токсичные активы, дабы избежать эпидемии банкротств среди их бенефициаров. И что же делали банки? Само собой, также включились в спекуляцию этими активами, а как же иначе? Методично выкупаемые государством, они уверенно, даже гарантированно росли в цене!

брасывать в горнило биржи, просто чтобы компенсировать естественную девальвацию его состояния из-за прошлых финансовых спекуляций.

С точки зрения исследуемой нами проблемы, однако, направление, которое приняла глобальная финансализация, безусловно, тревожное само по себе, интересно лишь тем, как благодаря ему проблема изживания асимметрии информации принимает потенциально катастрофический масштаб. Чтобы лучше понять механизму происходящего, снова вернемся на биржу.

Для большинства игроков она — это казино, иначе говоря — царство чистой случайности. Теоретически, больше шансов выиграть в этой игре у того, кто лучше других понимает конъюнктуру — причем не только и даже не столько колебания спроса и предложения на предикатное богатство, на которое опираются ценные бумаги, обращающиеся на бирже, но динамику самого спекулятивного процесса и ее перспективы в рамках глобальной финансовой системы. Иначе говоря, у того, кто лучше информирован по релевантной проблематике. Еще лучше, если он владеет инсайдерской информацией, и еще лучше, если сам генерирует этот инсайд, т. е. принимает решения, определяющие динамику биржи. Однако и в этом случае масштаб его выигрыша определяется проигрышем всех прочих игроков, чем хуже они осведомлены о том, какое решение было бы для них «правильным». Как отмечалось ранее, если доступом к инсайду в равной мере пользуются все, выигрыш от этого будет нулевым.

Соответственно, цифровизация — по крайней мере, предоставленная сама себе — как раз и формирует среду, где возникновение подобной ситуации становится не просто принципиально возможным, но, по сути, в некоторой перспективе неизбежным. Дело в том, что потребительское поведение в настоящее время преимущественно орлоа — и во все возрастающей степени — формирует единый, пусть и внешне как будто крайне гетерогенный источник — медийное пространство интернета. Причем прогресс цифровизации одновременно и расширяет доступ к этому «виртуальному пространству», и повышает эффективность контроля за движением информации в его рамках [12]. Как следствие, массовое потребительское поведение начинает регулироваться не только непосредственно, через стимулирование актуального спроса и актуализацию латентного, но

посредством форматирования реакции охлоса на разнообразных белых, черных, серых и прочих цветных «лебедей»¹⁰, вроде пандемии COVID-19, войн или их ожидания в нефтедобывающих регионах и т. д. [14], в спекулятивном секторе играющих ту же роль, что «джокер» в покерной колоде [5]. В результате усредняются, приобретают единообразный и потому предсказуемый характер реакции не только потребителей, но и биржевых игроков. Тем более с развитием ИИ, поскольку алгоритмы с большим или меньшим его участием, практически поглотив профессию биржевых брокеров, теперь все больше и больше диктуют свои решения (вопрос о наличии воли у ИИ пока остается открытым) как политикам, генерирующим значимые для биржевой динамики решения — сигналы, так и корпоративной бюрократии, на эти сигналы реагирующей. Однако машинная логика в основе аналитических программ единая¹¹. Возвращаясь к аналогии с лотереей, все игроки заранее и одновременно узнают выигрышную комбинацию цифр.

Как следствие, возникает угроза, как уже упоминалось, которую Боб Розенкранц — глава Delphi Capital Management и один из пионеров алгоритмического инвестирования — охарактеризовал как худший кошмар современного финансового мира: когда все участники рынка одновременно принимают одно и то же решение. В теории это может выглядеть как триумф рациональности, но в реальности это коллапс.

Причем последний не минует никого, включая финансовых олигархов. Поскольку в условиях порождаемого цифровизацией тотального выравнивания степени информированности рядовых игроков эксклюзивный доступ или, точнее, контроль над инсайдом со стороны немногих немедленно станет очевидным, и все, кроме них, из спекулятивного сектора уйдут. А в лотерее, в которую никто не

---

¹⁰ Согласно Нассиму Талебу, редкие, в разной мере труднопрогнозируемые события, имеющие, тем не менее, значительные последствия в глобальном масштабе.

¹¹ Так, например, в алгоритмической торговле все большую роль играют идентичные решения, принимаемые разными программами, обученными на одних и тех же датасетах. Эти программы не обладают сознанием, но воспроизводят одну и ту же логику реагирования. Итог — массовые синхронные действия, которые не отражают реальную ситуацию, а порождают «самоисполняющееся пророчество»: если все продают — цена падает, если все покупают — она растет.

играет, в выигрыше не остается даже организатор. Соответственно, финансовый сектор коллапсирует — перспектива в современных условиях сама по себе невообразимо чудовищная, но, что опять-таки еще хуже, с асимметрией информации будет принципиально изжита сама возможность концентрации рыночной власти, а значит, и общественного развития. Таким образом, подобное развитие событий может быть не в равной мере, но все равно невыгодно всем слоям общества — от олигархов до работающей на трех работах бедноты.

Но раз чрезмерная информационная симметрия, к которой ведет цифровизация, подрывает основу рыночной динамики, то возникает естественный вопрос: как сохранить или восстановить продуктивные формы асимметрии информации — такие, что не разрушают доверие к рынку, но одновременно поддерживают инновационную активность, инвесторский интерес и научно-технический прогресс?

Понятно, что компенсировать убывание асимметрии информации проще всего ее опережающим «вводом» — накоплением в обороте. Причем не просто количественным, т. е. с точки в цифровом контексте, по сути, спама, сколько качественным. Не стоит забывать, что главный генератор неопределенности в социальной сфере — это сам человек, с его уникальной способностью... ошибаться! То есть именно то свойство, которое единственное способно производить «перевороты в науке», или, говоря более специальным языком, производить смену научной (или, если хотите, когнитивной) парадигмы. Еще теоретики научного познания XX в. — от Пола Фейерабенда до Имре Лакатоса — сходились в том, что наука развивается не только и не столько накоплением знания, сколько, скорее, нарушениями своего привычного метаязыка: парадоксами, ошибками, конкуренцией программ [9]. И та «внешняя» по отношению к господствующему научному консенсусу (парадигме) точка зрения, которая необходима для его принципиального обновления внутри парадигмы, следя логике геделевской теоремы неполноты, принципиально недоказуема, а значит, не отличается — и не может отличаться — от ошибки.

Таким образом, ключом к решению проблемы цифровой эрозии асимметрии информации должно стать *не подавление различий*, а *их институциональное стимулирование*. И здесь особенно перспективным представляется подход, основанный на принципе *когнитивного разнообразия*. В условиях, когда алгоритмы все чаще стандартизируют решения, единственным устойчивым источником новизны,

ошибок, гипотез и прорывных идей остается человеческий фактор — с его субъективностью, ограниченностью, непоследовательностью и, что особенно важно, разнообразием жизненного и интеллектуального опыта.

Цифровая среда при этом отнюдь не обречена отрицать и отрицаться подобным плюрализмом. Напротив, она может стать его катализатором, если использовать ее для *организации массового научно-инновационного краудсорсинга*. Уже сейчас мы наблюдаем зарождение форм, в которых широкие массы вовлекаются в когнитивное производство: от open source-проектов до платформ наподобие Kaggle или Zooniverse, где десятки тысяч добровольцев помогают решать задачи науки, бизнеса и управления. На этих примерах мы можем сформировать представление о новом конструктивном состоянии информационной асимметрии — асимметрии *перераспределенной*: когда различия между участниками не стираются — наоборот, институционализируются и структурируются.

В подобном формате чем интенсивнее будет научный дискурс пополняться новыми, все равно какими наивными или вздорными, как кажется, идеями, тем быстрее и, что особенно важно, менее предсказуемым станет научно-технический прогресс. Цифровые технологии и пресловутый ИИ как раз и помогут поставить на промышленную ногу и вообще оптимизировать как сам процесс накопления сырых идей, так и их «аффинаж» до уровня отправных гипотез НИР и НИОКР или пригодных для коммерциализации инновационных спиноффов. Причем все это отнюдь не потребует подготовки гигантской армии ученых. Информация «на вводе» в предлагаемую систему может генерироваться самыми широкими массами.

Потенциал последних в части генерации объективного нового (научного) знания и тем более инновационных (рационализаторских) предложений отнюдь не следует недооценивать. Хотя бы потому, сколь значительную и постоянно возрастающую долю современного общества составляет так называемый *интеллектуальный резерв* — люди, обладающие знаниями и потенциалом, но по разным причинам не включенные в академическую или исследовательскую среду. Это может быть кто угодно: бывший аспирант, сменивший сферу деятельности; пенсионер, обладающий глубоким опытом в инженерии; студент, увлеченный «неакадемическим» направлением научного

поиска; просто человек с острым и быстрым умом, не достигший высокого образовательного ценза в силу стечения жизненных обстоятельств. Подключение этих людей к системе научного краудсорсинга может стать одновременно и фактором когнитивной диверсификации, и социальной задачей — способом преодоления отчуждения, связанного с автоматизацией и технологической безработицей [2].

Последняя, в свою очередь, благодаря успехам все той же цифровизации, уже в самом ближайшем будущем может превратиться в угрозу мировой экономике, не менее масштабную, чем сама цифровая эрозия асимметрии информации. Напомним, прогресс цифровых технологий достиг такого уровня совершенства, что новые, порождаемые техническим прогрессом профессии, оказалось быстрее и дешевле роботизировать, чем переобучать им технологических безработных, еще в 2010-х, т. е. до начала массового внедрения ИИ. Последний же, объективно находясь все еще на самой ранней, преформативной стадии своего развития и несмотря на ограничения энергетического характера, уже сейчас грозит произвести полный переворот на рынке труда, угрожающий даже тем профессиям, которые до последнего времени считались «эталонно» творческими и принципиально иммунными к технологическому замещению [11].

Наконец, грамотно поставленное — допустим, на началах диспозитивного премиального превышения над безусловным базовым доходом — привлечение к научно-инновационному краудсорсингу масс технологических безработных, в противном случае рискующих так навсегда и застывать в резервной армии труда, способно изжить главную, базовую уязвимость современной финансализированной экономики.

Дело в том, что цифровое решение — условно говоря, платформа — позволит освоить творческий потенциал научного краудсорсинга, с одной стороны, обеспечив плавный его переход из развлекательно-игрового (геймифицированного) формата в образовательный и далее — в полноценный исследовательский или креативно-прикладной, а с другой — оптимизирует доступ к этому ресурсу профессионального научного сообщества — короче говоря, соединяет интерфейс между этими двумя, профильным и непрофильным, компонентами научного поиска, органически, буквально сама собой, сформирует *институт инновационного обмена нового типа* — по

сути, своего рода «биржу идей», причем неограниченную в масштабировании. Задача этой платформы — не только накапливать и фильтровать идеи, но и служить интерфейсом между непрофессиональным краудсорсингом и профессиональным научным и предпринимательским сообществом. Такой институт мог бы выполнять одновременно несколько функций:

- 1) выявление и оценку новых идей;
- 2) их интеллектуальную и техническую доработку;
- 3) доведение до стадии коммерциализации;
- 4) создание прозрачной системы котировок, отражающей интерес и потенциал каждой идеи.

Важнейший принцип, на котором может строиться подобная система, — это *оценка продукта множеством независимых профессиональных мнений*. В этом отношении котировка научной или инновационной идеи на платформе может быть устроена аналогично рецензированию научных статей, только в автоматизированном и масштабируемом формате. Чем больше ученых с подтвержденной квалификацией поддержат гипотезу, тем выше ее котировка. Но при этом важно, чтобы сам процесс рецензирования был анонимным и независимым, что минимизирует конфликты интересов и бюрократические искажения¹².

Если такая система будет достаточно устойчива и прозрачна, к ней можно будет привязать механизмы стимулирования — вплоть до *денежной эмиссии*. Это радикальное, но логически вытекающее предложение: если в текущей системе финансовое богатство создается во многом произвольно — через спекуляции, деривативы и манипуляции, почему бы не направить эмиссию на реальный генератор будущего богатства — инновационные идеи?

---

¹² В остальном максимальный иммунитет к любым спекулятивным манипуляциям обеспечит сам формат биржи, поскольку в конечном итоге научная продукция на ней будет котироваться неограниченно широким кругом профессиональных ученых, а, как справедливо замечает пословица, «два ученых — минимум три мнения». Манипулировать подобным пулом, учитывая его обостренную до степени профессиональной деформации склонность к критическому мышлению, тем более дополнительно защищенную анонимностью участия в работе платформы, будет еще сложнее, чем «дельфийскими» процедурами.

В этом контексте денежная масса будет расширяться не по воле спекулятивных потоков, а в прямой зависимости от потенциальной продуктивности новых решений, прошедших институциональную фильтрацию. Это не просто альтернатива текущей финансализированной модели — это *переосмысление самого смысла денег*, возвращение их к функции обмена труда на результат. Причем «трудом» здесь выступает не физическое производство, а когнитивная активность — генерация, отбор, развитие идей.

Формально это могло бы выглядеть как *эмиссионная программа, привязанная к рейтингу идеи на платформе*. Чем выше научная и прикладная значимость, подтвержденная экспертным сообществом, тем больше финансирования получает автор или команда. Расходование средств могло бы быть ограничено инфраструктурой самой платформы: например, средства можно тратить на привлечение специалистов, оборудование, лицензии, но не на потребительское потребление. Это исключает инфляционный эффект и одновременно создает инфраструктурный спрос на знания, услуги, компетенции. Таким образом, возникает устойчивая связка:

- *асимметрия информации* →
- *когнитивное разнообразие* →
- *новые идеи* →
- *биржевая котировка* →
- *эмиссия/финансирование* →
- *разработка и внедрение* →
- *обратная капитализация знаний и расширение асимметрии в новых точках роста*.

Это воспроизводимый контур, позволяющий одновременно решать сразу несколько проблем:

- компенсировать убывающую асимметрию, вызванную цифровизацией;
- преодолеть зависимость от финансовых пузырей;
- задать реальные ориентиры для эмиссионной политики;
- стимулировать массовое участие в создании нового знания.

Важно и то, что подобная система может играть стабилизирующую роль на макроуровне. Там, где сейчас эмиссия подпитывает спекулятивные циклы, при подобной архитектуре она будет направ-

ляться в проекты, способные создать реальную, предикатную ценность. Это снимает угрозу гиперинфляции и одновременно позволяет переориентировать экономику на долгосрочный инновационный рост.

В условиях технологической трансформации, углубляющегося неравенства и кризиса доверия к финансовой системе такой платформенный механизм может стать не только экономическим, но и социальным институтом нового типа — площадкой смыслообразующего обмена между массами и элитой, учеными и инвесторами, идеями и деньгами. Биржа идей, построенная на управляемой асимметрии информации и доверии к профессиональной экспертизе, способна составить институциональную основу нового этапа общественного развития. Речь идет о той самой подлинно инновационной экономике, а не выдаваемой сегодня за таковую автопародии, как ее изначально представлял себе Шумпетер и как она блестяще доказывала свой потенциал везде, где воплощалась достаточно последовательно: в ходе послевоенного «Чуда на Рейне», технологического взлета Японии в 1960—1970-х гг., пока конец ему не положил искус финансового инжиниринга — наконец, небывалый успех реализуемого у нас на глазах социалистического проекта «с китайской спецификой».

* * *

Подводя итог всему сказанному, хотелось бы отметить, что на протяжении всего XX в. асимметрия информации рассматривалась преимущественно как негативное явление: помеха к повышению эффективности, источник морального риска, механизм несправедливости. Однако в условиях цифровой трансформации, финансализации и глобального перепроизводства данных становится очевидным, что неравномерное распределение информации — не отклонение от нормы, а сама норма сложной экономики. Более того — ее основополагающий двигатель.

Противоречие современности заключается в том, что технологии, призванные устраниТЬ информационную неравномерность, парадоксальным образом разрушают предпосылки развития. Когда все действуют одинаково, исчезают не только конкуренция, но и сама возможность новизны. Единообразие логик, порожденное алгоритмическим консенсусом и обилием «умных» решений, делает рынок

не предсказуемым, а хрупким. Это не прогресс, а стагнация, замаскированная под ускорение.

В этом контексте асимметрия информации обретает новое значение. Это уже не просто экономическая категория, но философская, даже онтологическая: асимметрия — то, что позволяет разным акторам видеть и действовать по-разному, создавая вариативность, маневр, конфликт, ошибку, новацию. Все эти элементы — не баги, а движущие силы развития. Поэтому задача современности — не устранение асимметрии, а ее разумная институционализация.

Именно с этой целью предлагается переосмысление архитектуры рынка, инноваций и даже денежного обращения. Краудсорсинг, когнитивное разнообразие, цифровые платформы и системы научного отбора — все это инструменты, позволяющие сохранить необходимую степень различия в информационных позициях участников. Такой подход не борется с цифровизацией — он учится управлять ее энергией. Мы не можем остановить доступность данных, но можем направить ее к тому, чтобы различия между людьми и их взглядами не исчезали, а становились ресурсом.

Более того, новая экономика должна научиться не просто терпеть ошибки, но использовать их — как форму продуктивного сбоя. Ведь всякий научный переворот, всякий технологический скачок начинается с несовпадения — взгляда, концепции, ожидания. Там, где все мыслят одинаково, исчезает возможность перехода в новую парадигму. И в этом смысле цифровая эпоха, при всей своей алгоритмической строгости, остро нуждается в человеческой хаотичности — в спонтанности, несовершенстве и противоречивости.

Литература

1. Акерлоф Дж.Р. Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 48—68.
2. Альпидовская М.Л., Корнилов А.М. Искушение «Большой Цифрой»: «инклузивный капитализм», или Общество постмодерна. М.: ИНФРА-М, 2024. 183 с.
3. Лессиг Л. Код и другие законы киберпространства. М.: Ультра. Культура, 2004. 416 с.

4. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. 794 с.
5. *Мартин Т.* Финансиализация: краткое введение. М.: Дело, 2020. 208 с.
6. *Спенс М.* Рыночные сигналы: теория и поведение на рынках с асимметричной информацией. М.: Инфра-М, 2011. 254 с.
7. *Стиглиц Дж.Э.* Информация и изменение парадигмы в экономике // Вопросы экономики. 2003. № 12. С. 4—27.
8. *Тапскотт Д., Тапскотт А.* Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2017. 384 с.
9. *Фейерабенд П.* Против метода: очерк анархистской теории познания. СПб.: Алетейя, 2003. 368 с.
10. *Шумтепер Й.* Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
11. *Brynjolfsson E., McAfee A.* The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. N. Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 320 p.
12. *Graeber D.* The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy. Brooklyn, N. Y.: Melville House, 2015. 261 p.
13. *Philippon T.* The future of the financial industry // NIY Stern, 2008: URL: <https://web.archive.org/web/20141117103959/http://w4.stern.nyu.edu/blogs/sternonfinance/2008/11/the-future-of-the-financial-in.html> (дата обращения: 12.07.2025).
14. *Taleb N.N.* The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. N. Y.: Random House, 2007. 444 p.
15. *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. N. Y.: PublicAffairs, 2019. 704 p.

References

1. *Akerlof Dzh.R.* Rynok «limonov»: neopredelennost' kachestva i rynochnyj mekhanizm // Voprosy ekonomiki. 2002. № 4. S. 48—68.
2. *Al'pidovskaya M.L., Kornilov A.M.* Iskushenie «Bol'shoj Cifroj»: «inklyuzivnyj kapitalizm», ili Obshchestvo postmoderna. M.: INFRA-M, 2024. 183 s.

3. Lessig L. Kod i drugie zakony kiberprostranstva. M.: Ul'tra. Kul'tura, 2004. 416 s.
4. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. I. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1952. 794 s.
5. Martin T. Finansializaciya: kratkoe vvedenie. M.: Delo, 2020. 208 s.
6. Spens M. Rynochnye signaly: teoriya i povedenie na rynkah s asimmetrichnoj informaciej. M.: Infra-M, 2011. 254 s.
7. Stiglic Dzh.E. Informaciya i izmenenie paradigm v ekonomike // Voprosy ekonomiki. 2003. № 12. S. 4—27.
8. Tapskott D., Tapskott A. Tekhnologiya blokchejn: to, chto dvizhet finansovoj revolyuciej segodnya. M.: Eksmo, 2017. 384 s.
9. Fejerabend P. Protiv metoda: ocherk anarhistskoy teorii poznaniya. SPb.: Aletejya, 2003. 368 s.
10. Shumpeter J. Teoriya ekonomiceskogo razvitiya: Issledovanie predprinimatel'skoj pribili, kapitala, kredita, procenta i cikla. M.: Progress, 1982. 455 s.

В.П. СУЙЦ, С.Н. САПРОНОВ

Пролегомены к природе учета данных*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема «обращения» с данными как с любым другим активом посредством описания необходимых изменений мышления и предоставления дорожной карты для управления данными. Повышенное внимание к эффективному и результирующему использованию данных для достижения организационных целей демонстрирует необходимость более эффективного их использования именно как актива. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению проблемы данных как активов компаний. Показаны особенности и анализ данных как нематериальных активов компаний. Статья направлена на выявление ключевых подходов к исследованию сущности учета данных как актива компании.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Суйц В.П., Сапронов С.Н. Пролегомены к природе учета данных // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 98—107. DOI: 10.5281/zenodo.17340911.

Ключевые слова: данные, информация, характеристики качества данных, бизнес-процесс, актив.

Abstract. The article addresses the issue of «handling» data as any other asset by describing the necessary changes in thinking and providing a roadmap for data management. The increased focus on the effective and efficient use of data to achieve organizational goals demonstrates the need for more efficient use and management of data as an asset. The article pays special attention to the consideration of data issues as company assets. It shows the features and analysis of data as an intangible asset of the company. This article aims to identify key approaches to the study of the essence of data accounting as a company asset.

Keywords: data, information, data quality characteristics, business process, asset.

УДК 657.633.5
ББК 65.053.2

Введение

Добросовестные и истинно независимые бухгалтеры, аудиторы и внутренние контролеры (далее — *AIC*) всегда ценили и «уважали» стратегическое использование данных. С самого начала зарождения профессии бухгалтеры, а впоследствии внутренние контролеры и аудиторы использовали данные для поддержки своей работы и повышения ее ценности, т. е. качества (Q^{data}), точности (A^{data}) и полезности (U^{data}) данных.

Однако в настоящее время немногие научились управлять своими данными как активом, чтобы извлечь из них максимальную выгоду или пользу.

Сегодня революция данных продолжает менять все аспекты жизни общества, компании все больше осознают значительные преимущества от внедрения стратегий принятия управленческих и/или инвестиционных решений на основе данных.

В связи с этим в условиях сегодняшней действительности данные стали одним из самых ценных активов современного бизнеса, представляя новый способ, с помощью которого компании создают свою ценность для «доноров».

Результаты

I. Сегодня *революция* данных продолжает менять все аспекты жизни общества, компании все больше осознают значительные преимущества от внедрения стратегий принятия управленческих и/или инвестиционных решений на основе данных для управления своей деятельностью. При этом операционная среда современных компаний требует не просто наличия данных, а именно качественных, точных и полезных данных для облегчения процесса принятия решений.

В связи с этим в условиях сегодняшней действительности данные стали одним из самых ценных активов современного бизнеса, представляя новый способ, с помощью которого компании создают свою ценность для «доноров».

Таким образом, становятся актуальными следующие задачи:

- a) анализ данных;
- b) доступность данных;
- c) защита и хранение данных.

При этом, по нашему мнению, следует решить еще одну задачу, являющуюся базисной для трех предыдущих:

d) обеспечение ценности данных, которая состоит из трех подзадач: обеспечение качества, обеспечение точности и обеспечение полезности данных.

Дополнительно следует отметить, что, учитывая обеспокоенность таких «потребителей» данных, как регулирующие и правоохранительные органы, по поводу использования и защиты таких непубличных данных, как личные (персональные), а также обеспокоенность корпоративного управления потенциальной ответственностью за нарушение конфиденциальности, нынешнее внимание к аспектам хранения данных (задача c) вполне оправдано.

Здесь аспекты хранения данных также необходимо дополнить проблемой хранения не только вышеуказанных непубличных данных, но и данных, получаемых из иных (дополнительных) источников: управленческой и статистической отчетности — «служебных данных».

Отмеченные задачи, которые необходимо сбалансировать, т. е. достичь между ними положения равновесия, являются весьма сложными как для АІС, так и для специалистов по управлению рисками.

Очень часто при обсуждении данных и проведении их анализа основное внимание уделяется тому, что потенциально могут с ними сделать компании. Но, к сожалению, риски, связанные с использованием, анализом и хранением данных и полученных результатов их «обработки», являются и «мало», и «слабо» учитываемыми и, кроме этого, не всегда должным образом управляются в соответствии с уровнями склонности к риску.

Для реализации вышеуказанных задач (задачи а—д) разрабатываются и внедряются различные научные подходы (методологии).

Например, сейчас (в большей степени за рубежом) широкое применение и распространение получает *Agile-подход*, который с применением, например, парадигмы «Scrum» позволяет *AIC*:

- 1) стабильно и динамично проводить аудит и внутренний контроль;
- 2) эффективно и результативно управлять данными (с учетом требований, предъявляемых к их качеству);
- 3) быть «успешными» от использования данных как активов компаний.

Следует отметить, что многие представители бухгалтерских служб, а также работники экономических и финансовых служб компаний считают, что их ответственность в сфере профессиональной деятельности заключается лишь в том, чтобы а) отразить на счетах бухгалтерского учета и далее соответственно в финансовой отчетности предоставляемые «создателями» данные и б) сбалансировать эффективность и результативность деятельности компаний и риски.

При этом вышеуказанные работники компаний выполняют свои профессиональные обязанности, не управляя при этом *данными* так же, как они управляют другими «физическими» активами, и тем самым увеличивая риски как для компаний, так и для внешних «потребителей» *данных*.

II. Отметим, что «информация» (далее — $data^{info}$ или $data^{info}$) — это X_i -*метаданные* (далее — $data^{meta}$), преобразованные в формат, облегчающий лицу, принимающему решение (ЛПР), принимать более эффективные и результативные управленческие и/или инвестиционные решения.

Несмотря на то что на сегодня информация ($data^{info}$) еще не является признанным активом, компаниям, как мы считаем, все же следует предусмотреть мероприятия по их отражению во внутренней отчетности.

Согласимся с мнением некоторых авторов [1], что «экономическая информация — товар», и, по нашему мнению, именно *информация* ($data^{info}$) является *активом*, и она должна управляться как таковым.

В настоящее время большинство компаний ведут реестр так называемых «физических» активов, который включает *информацию*, необходимую для управления ими. В связи с этим необходимо определить природу этого специфического актива с точки зрения учета.

III. Итак, согласно современным представлениям и стандартам, информация считается нематериальной, а то, что содержится в «структуре» объектов, принято называть *данными* [4].

Следует также отметить, что по-прежнему сложно оценивать для целей учета и отражения их в финансовой отчетности такие данные, как нематериальные активы, т. е. информацию. При этом в структуру стоимости информации как товара, по нашему мнению, должны включаться следующие затраты:

- а) затраты компании, направленные на строительство и обслуживание телекоммуникационных и компьютерных сетей;
- б) затраты компании, связанные с обработкой информации, которые могут быть исчислены в единицах времени, затраченного на поиск, сохранение и извлечение необходимой информации (затраты на оплату рабочего времени персонала, а также на приобретение персоналом необходимых материалов и оборудования);
- с) затраты компании, связанные с хранением информации.

Фактические затраты на хранение информации продолжают снижаться, побуждая компании накапливать данные в максимально возможной степени, поскольку они верят, что это принесет некоторую экономическую выгоду в будущем, даже несмотря на то, что сегодня бухгалтеры все еще продолжают бороться с присвоением стоимости объекту с нематериальными свойствами.

Беглый взгляд на балансовый отчет, вероятно, «поместит» информацию как актив в «Запасы», особенно когда она хранится для возможной «продажи».

«Запасы» — это экономическая категория, и это, как утверждают некоторые авторы [2; 3], — резервы компании, которые компания создает в целях покрытия их возможного недостатка в будущем, а также убытков и т. п. Исходя из данного утверждения, «Запасы» как средства должны извлекаться из оборота и не могут быть рассмотрены как источник будущего развития, повышения эффективности и результативности компании. Однако $data^{info}$, определяемые как «Запасы», исходя из их характеристик ценности, могут и должны быть, по нашему мнению, рассмотрены именно как источник будущего развития, повышения эффективности и результативности компании. При этом источники $data^{info}$ могут включать в себя информацию как внутри компаний, так и приобретенную у внешней стороны, так же как, например, производитель получает сырье.

Можно предположить, что пока $data^{info}$ не будут использованы/реализованы как «готовая продукция», они хранятся так же, как «сбытовые запасы» (так как «готовая продукция», находящаяся в ожидании ее реализации компаниям-потребителям, является «сбытовым запасом»), что влечет за собой расходы на хранение и другие «административные» расходы, включая, например, страхование.

При этом очевидно, что в $data^{info}$ кроме вышеперечисленных затрат, включаемых в структуру стоимости информации, также входят затраты по их защите и предотвращению нарушений кибербезопасности (обозначим их d).

Итак, *данные* $X_i(Data)$: $data^{meta}$ и $data^{info} = data^{aktiv}$, которые доходят до «потребителей» *данных* и предназначены для принятия управлеченческих и/или инвестиционных решений, должны оставаться *ценными*, т. е.:

- 1) *качественными* — достоверными как в определенный момент времени, так и на определенном временном горизонте, и при этом надежными;
- 2) *точными*;
- 3) *полезными*.

X-метаданные должны пройти определенные этапы трансформации («обращения»), т. е. должны быть обработаны и преобразованы во что-то иное и стать чем-то, чем они будут потом являться, т. е. *информацией*, для того чтобы достичь своих *качества* (напри-

мер, достоверности); *точности и полезности* (например, *актуальности*), как, например, производитель, очищающий сырье и производящий продукт.

Это включает в себя обработку $data^{meta}$ неким процессом: аналитика, машинный язык, что дает уже «улучшенный» актив — $data^{info}$.

Данный результирующий этап трансформации $data^{meta}$ может быть уже «продуктом» или может быть подвергнут дальнейшему уточнению, позволяющему проводить еще более сложный анализ для качественного использования.

Риски, связанные с конверсионным циклом, также необходимо будет выявлять и управлять ими. К ним относится обеспечение инвентаризации всех данных, используемые программы преобразования дают надежные результаты, ограниченный доступ и ответственное удаление данных назначенным ответственным персоналом.

Также следует отметить, что данные становятся активом, когда при определенных («правильных») обстоятельствах они преобразуются из $data^{meta}$ в $data^{info}$, содержащие непосредственно экономические характеристики и способствующие получению полезных сведений о деятельности компании и ее финансово-экономическом состоянии (например, эффективности — efficiency), результативности (effectiveness), платежеспособности или, может быть, неплатежеспособности, конкурентоспособности...).

Справочно: следует отметить, что в английском языке эти термины (efficiency и effectiveness) не требуют пояснения, в то время как в русском языке значения этих терминов очень многозначны и даже иногда пересекаются. Однако в данной работе мы не будем останавливаться на детальном рассмотрении терминов «эффективность» (efficiency) и «результативность» (effectiveness), на рассмотрении вопросов их комплементарности и различиях, так как это не является здесь предметом нашего исследования.

Некоторые из этих характеристик относятся к возможности повторного использования данных, их способности копировать или комбинировать с другими данными для создания новых данных и возможности их передачи «другим»: например, из одного i-бизнес-процесса в другой, от одной i-операции бизнес-процесса к другой, от одного i-действия работника компании к другому.

Для преобразования данных они должны быть пригодны для использования и не иметь «дефектов» — не быть «грязными» (быть качественными и полезными), т. е. должны соответствовать характеристикам качества и полезности.

Таким образом, $data^{meta}$ должны быть *a)* качественными (D^q), *b)* точными (D^a), *c)* полезным (D^u) и *d)* правильно отформатированными, чтобы в конечном итоге получить $data^{info}$, дающие менеджменту компании представление о действиях, которые необходимо предпринять для достижения ее целей: внутренними и внешними стейххолдерами управленческих и/или инвестиционных решений.

«Превращение» данных X_i из $data^{meta}$ в $data^{info}$ требует способности находить закономерности в данных, которые могут дать понимание о бизнес-процессах: *i-операции* бизнес-процесса, *i-действии* работника компании — и тем самым создать *ценность* компании.

По нашему мнению, $data^{info}$ можно и нужно не только использовать как «Запасы» в качестве «сырья» для определения таких «продуктов» оценки деятельности компаний, как эффективность, рентабельность и иные показатели, но и монетизировать $data^{info}$ для создания новых потоков доходов, таких, например, как обмен информацией на товары и услуги или «превращение» данных как актива в денежные средства путем «продажи» их другим «потребителям» информации о компании.

В этой связи стоимость данных как актива, выраженная как:

$$P_i^{data-info} = f \{D^q; D^a; D^u\}, \quad (1)$$

может быть получена при условии продажи, сдачи в «аренду» или в пользование, обмена $data^{info}$ и определена в период времени t в соответствии со следующей формулой:

$$P_{\Sigma}^{data-info} = f \{P_i^{data-info}; DR; t_k\} \quad (2)$$

или

$$P_{\Sigma}^{data-info}(t_k) = P_i^{data-info}(t_k) * DR_k(t_k), \quad (3)$$

где

$P_{\Sigma}^{data-info}$ — суммарная стоимость данных X_i — стоимость $data^{info}$ в определенный период времени t_k ;

DR_k — ставка дисконтирования в определенный период времени t_k ;

t_k — период времени, область допустимых значений которого задается, по нашему мнению, следующим ограничением:

$$t_{kmin} \leq t_k \leq t_{kmax}, \quad (4)$$

где

t_{kmin} — начальное время периода контроля/наблюдения исследуемой i -операции (i -бизнес-процесса);

t_{kmax} — конечное время периода контроля/наблюдения исследуемой i -операции (i -бизнес-процесса).

Заключение

Передовая научно-практическая деятельность требует, чтобы актив *a*) соответствовал нормативным требованиям, *b*) помог достичь цели компании и *c*) соответствовал таким основным, по нашему мнению, характеристикам, как: показатели качества *данных* — достоверность, сходимость, и надежность; показатели точности *данных* и показатели полезности *данных* — актуальность, полнота, верное представление, сопоставимость, добросовестность и понятность.

Методология управления бизнес-процессами и бизнес-проектами необходима для управления активами *данных* компании и начала преобразования *X-метаданных в информацию*, которую компания может использовать для повышения ценности *данных* как *актива*.

У большинства компаний есть процессы для управления «физическими» активами или любыми другими активами, которые фигурируют в их текущей финансовой отчетности.

Таким образом, поскольку данные являются (как было отмечено нами выше) нематериальным активом, который не признается в качестве актива в соответствии с современными стандартами бухгалтерского учета, в настоящее время они чаще всего и не управляются как активом.

Однако, как мы считаем, нет веской причины не измерять и не управлять данными как активом. «Превращение» *X-метаданных* (в том понимании как изложено в настоящей работе) в *информацию* — наиболее важная операция любого бизнеса и отдельного бизнес-процесса и компании, по нашему мнению, должны управлять *X-метаданными* и полученной из них *информацией* как реальными активами.

Литература

1. Информационное общество в России / Под ред. В.П. Колесова, М.Н. Осьмовой. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2002. 196 с.
2. Поликарпова Е.П., Бакулина Г.Н. Сущность понятия «резерв» и процесс резервирования в бухгалтерском учете // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева. 2012. № 4 (16). С. 114—117.
3. Семинихин Р.Б. Особенности определения значения оценочных резервов факторами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 8. С. 155—158.
4. ISO/IEC/IEEE 24765: 2017. Systems and Software Engineering — Vocabulary [Text]. Jeneva: ISO, 2017. 522 p.

References

1. Informacionnoe obshchestvo v Rossii / Pod red. V.P. Kolesova, M.N. Os'movoj. M.: Ekonomicheskij fakul'tet, TEIS, 2002. 196 s.
2. Polikarpova E.P., Bakulina G.N. Sushchnost' ponyatiya «rezerv» i process rezervirovaniya v buhgalterskom uchete // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo agrotekhnologicheskogo universiteta im. P.A. Kostycheva. 2012. № 4 (16). S. 114—117.
3. Seminikhin R.B. Osobennosti opredeleniya znacheniya ocenochnyh rezervov faktorami // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2010. № 8. S. 155—158.
4. ISO/IEC/IEEE 24765: 2017. Systems and Software Engineering — Vocabulary [Text]. Jeneva: ISO, 2017. 522 p.

А.В. ОРЛОВ

Основные подходы и механизм повышения эффективности промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro**

Аннотация. Решение задач по повышению эффективности промышленной политики в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации крайне необходимо для реализации интересов общества и государства. Целями исследования являются формирование предложений по основным подходам и разработка механизма повышения эффективности промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*. В статье можно ознакомиться с научными исследованиями, государственным стимулированием финансирования исследований и разработок (НИОКР), экономическими тенденциями и проблемами. Обращается внимание, что уровень доходов промышленных предприятий на рынке государственного заказа Российской Федерации должен зависеть не от компетенций работы на рынках (проектирование, разработка, управление, маркетинг, продажи, обслуживание), а от количества занятых на этих предприятиях сотрудников и имеющейся способности этих предприятий по финансированию и выполнению НИОКР. В этой связи автором предлагаются положения и установки для соответствующих нормативных правовых актов, а также основные подходы и механизм повышения эффективности промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*. Достоверность полученных научных результатов оценивается посредством анализа научной литературы, действующего законодательства, данных сайтов Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и Федеральной налоговой службы, а также гипотетического сценарирования. Статья написана на основе докторской диссертации.

Ключевые слова: промышленная политика, повышение эффективности, технологический суверенитет, *in vitro*.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Орлов А.В. Основные подходы и механизм повышения эффективности промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 108—133. DOI: 10.5281/zenodo.17340929.

Abstract. The solution of problems on increasing the efficiency of industrial policy in priority areas of technological sovereignty of the Russian Federation is extremely necessary for the implementation of the interests of society and the state. The purpose of the study is to formulate a proposal for the main approaches and develop a mechanism for increasing the efficiency of industrial policy in the industry of reagents for in vitro diagnostics. The article provides information on scientific research, state stimulation of research and development (R & D) financing, economic trends and problems. It is noted that the level of income of industrial enterprises in the market of state orders of the Russian Federation should depend not on the competencies of work in the markets (design, development, management, marketing, sales, maintenance), but on the number of employees at these enterprises and the existing ability of these enterprises to finance and perform R & D, in this regard, the author proposes provisions and guidelines for the relevant regulatory legal acts, as well as the main approaches and a mechanism for increasing the efficiency of industrial policy in the industry of reagents for in vitro diagnostics. The reliability of the obtained scientific results is assessed through the analysis of scientific literature, current legislation, data from the websites of the Federal Service for Surveillance in Healthcare and the Federal Tax Service, as well as hypothetical scenarios. The article is based on a dissertation research.

Keywords: industrial policy, efficiency gains, technological sovereignty, in vitro.

УДК 336.5:339.186:339.13
ББК 65.2/4

Решение задач по повышению эффективности промышленной политики в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации крайне необходимо для реализации интересов общества.

Достижение технологического суверенитета Российской Федерации неразрывно связано с развитием отечественной отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*, степень независимости которой будет определяться уровнем знаний, навыков и умений сотрудников (занятых), формируемых в ходе исследований и разработок (НИОКР), необходимых для воспроизведения импортных

аналогов, внедрения инноваций, рождения новых идей, любопытства, вдохновения, творчества, чувства собственной значимости, уверенности, желания победить в конкурентной борьбе, получения признания, рождения положительной социально-экономической энергии и проч.

Нормативно-правовое регулирование со стороны российского государства должно обеспечивать ускорение создания отечественных линий разработок и производства полного цикла, чтобы последовательно уходить от зависимости иностранных промышленных предприятий.

А.И. Колганов и А.В. Бузгалин в своем исследовании справедливо отмечают, что «в экономике XXI в. индустрия может играть роль лишь предпосылки для тех сфер, где создаются основной ресурс и высшая цель современного развития (а не просто роста) — человеческие качества» [10].

Неслучайно анализ национальных целей, Федеральных законов, постановлений Правительства, государственных стратегий, доктрин, концепций, иных нормативных правых актов Российской Федерации и научных исследований показывает, что к основным проблемам достижения технологического суверенитета Российской Федерации также относятся [13]:

- 1) отсутствие регулирования, стимулирующего инвестиции в НИОКР;
- 2) недостаток инвестиций в НИОКР (в том числе как следствие пункта 1).

В этой связи требуется формирование приоритетной для российского государства задачи стимулирования частного сектора на начало и/или увеличение финансирования НИОКР в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*, методы решения которой должны учитывать необходимость создания новых промышленных предприятий (стартапов) и рабочих мест на них, а также увеличения численности сотрудников (занятых) на действующих промышленных предприятиях, в том числе путем стимулирования пере-профилирования организаций оптовой торговли, увеличения штатной численности отечественных производителей, обеспечения сбалансированных госзакупок на весь потребляемый объем продукции

в разрезе субъектов Российской Федерации, что, в свою очередь, привлечет вовлечение большого количества сотрудников (занятых) в НИОКР и ускорение отраслевого развития.

Е.Б. Ленчук и Г.А. Власкин отмечают, что «спецификой кластера является получение организациями, входящими в него, синергетического эффекта, выражющегося в повышении конкурентоспособности всей системы по сравнению с отдельными хозяйствующими субъектами» [12], поэтому создание инфраструктуры промышленных комплексов, технопарков, индустриальных парков, промышленных кластеров и научно-образовательных структур (исследательских консорциумов), нацеленных на реализацию крупномасштабных технологических проектов от НИОКР до опытных образцов, а также предоставление рассрочки по арендной плате, понижающих ставок по налогам и проч. может оказаться малоэффективным для достижения установленных целей, если участвовать в таких организационно-экономических формах будет недостаточное количество отечественных производителей, химиков, биологов, специалистов инженерно-технических специальностей и прочих сотрудников, уровень продуктивности и эффективности которых будет зависеть от затраченных человеко-часов, следовательно, чем больше таких сотрудников (занятых) будут выполнять НИОКР в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*, тем быстрее будет достигнут технологический суверенитет Российской Федерации.

Г.Б. Клейнер и М.А. Рыбачук считают, что «сбалансированность является одним из краеугольных концептов экономики» [9], что в свою очередь подтверждает ранее указанную необходимость обеспечения баланса государственных закупок реагентов для диагностики *in vitro*.

Российское государство за исследуемый автором период (с 2017 по 2021 г.) оказывало наибольшее влияние (применило механизм) на стимулирование финансирования НИОКР в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* путем предоставления субсидий из федерального бюджета на возмещение таких затрат отечественных производителей [15], притом что подавляющее число последних располагало достаточными, а в некоторых случаях избыточными (имеется в виду, что такая рыночная конъюнктура наносит ущерб социально-экономическому и технологическому развитию

субъектов РФ) объемами собственных денежных средств, в том числе полученных от госзаказа.

Такой инструмент промышленной политики был ориентирован на действующие промышленные предприятия, в нем отсутствовали механизмы идеологического и экономического преобразования спекулятивных (паразитических) форм российского бизнеса в высокотехнологичные научно-производственные предприятия, необходимые для ускорения технологического развития Российской Федерации.

С.Д. Бодрунов в своем исследовании справедливо выделяет конструктивное положение «выстраивания экономической политики на основе тщательного анализа реальной структуры и противоречий российской экономической системы» [2], поэтому автор внимательно проанализировал рыночную [5; 17; 16], а также промышленную [4] конъюнктуры и установил, что подавляющее число участников госзакупок реагентов для диагностики *in vitro* г. Москвы в 2021 г. являлось организациями оптовой торговли, деятельность которых в основном заключается в гражданско-правовых отношениях с отечественными производителями и представительствами иностранных производителей, логистике, участии в госзакупках и сервисном обслуживании, при этом именно они обладают значительным потенциалом для внесения своего вклада в достижение технологического суверенитета Российской Федерации.

Анализ чистой прибыли организаций оптовой торговли реагентами для диагностики *in vitro* показывает, что в подавляющем числе таких организаций он находится примерно на уровне 15% [5; 17], а в некоторых случаях превышает показатели промышленных.

Действующим законодательством в сфере госзакупок не предусмотрено ограничение (квота) на участие в них организаций оптовой торговли реагентами для диагностики *in vitro* в пользу отечественных производителей [19], а учитывая уровень их чистой прибыли, нецелесообразно рассчитывать (ожидать) на инициативы этих организаций по созданию собственных промышленных предприятий, началу финансирования рискованных НИОКР и проч.

Д.С. Иванов, М.Г. Кузык и Ю.В. Симачев в своем исследовании указывают на незаинтересованность собственников в инноваци-

онном бизнесе, а также на слабость стимулов к долгосрочному развитию, которые характерны для организаций, ориентированных на государственный заказ [6], руководствуясь результатами этого и авторского исследований можно сделать вывод о необходимости стимулирования как на начало, так и на увеличение финансирования НИОКР действующими отечественными производителями.

Промышленность реагентов для диагностики *in vitro* г. Москвы достигла лидерства в Российской Федерации по широте выпускаемой (производимой) товарной номенклатуры при 1624 сотрудников (занятых), 75 производственных предприятиях [4; 16], вместе с этим в 2021 г. она извлекала 21 522 290 000 р. доходов и 6 703 320 000 р. чистой прибыли [4; 17], т. е. более 31% от таких доходов была чистая прибыль.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в 2021 г. сумма чистой прибыли производителей (31%) и организаций оптовой торговли (15%) составляла примерно около 45% от суммы государственного заказа. Если принять во внимание необходимость несения такими организациями общезаводских расходов, можно сделать вывод, что между себестоимостью производителей реагентов для диагностики *in vitro* и стоимостью (ценой) этой продукции в государственном контракте формируется колоссальная добавленная стоимость, которая значительно выше, чем в иных отраслях промышленности и может (должна) использоваться российским государством в своих интересах.

Достижение указанного лидерства г. Москвы оказалось возможным, в том числе при следующих отраслевых показателях в 2021 г. [4; 16; 17]:

- 1) среднее количество сотрудников (занятых) — 21,65 ед.;
- 2) средние доходы от общественной деятельности — 286 963 866,67 р./год;
- 3) средняя производительности труда — 13 252 641,63 р./год;
- 4) средняя чистая прибыль на одного сотрудника — 4 127 660,10 р./год.

Следует обратить внимание, что в этот же период отраслевые показатели в целом по Российской Федерации были значительно выше [4; 16; 17]:

- 1) среднее количество сотрудников (занятых) — 39,12 ед.;

- 2) средние доходы от общехозяйственной деятельности — 1 461 354 142,11 р./год;
- 3) средняя производительности труда — 37 359 699,54 р./год;
- 4) средняя чистая прибыль на одного сотрудника — 17 095 916,71 р./год.

Таким образом можно сделать вывод, что высококомпетентные в области работы на рынках (проектирование, разработка, управление, маркетинг, продажи, обслуживание) промышленные предприятия и организации торговли забирают колоссальный объем потенциальных средств для развития подавляющего большинства высокотехнологичных промышленных предприятий.

Эффективность российской промышленной политики во многом зависит от степени доступа органов государственной власти и академических институтов к информации о хозяйственной деятельности всех существующих на территории страны промышленных предприятий, которая позволит сформировать объективные знания о структуре производства, широте производимой (выпускаемой) товарной номенклатуры, насыщенности товарного ассортимента, калькуляции сырья и материалов, себестоимости, добавленной стоимости, структуре доходов, госзакупках, рынке, конкурентных преимуществах и недостатках, влияющих факторах и проч., что, в свою очередь, образует наиболее полное представление об отечественных отраслях промышленности, в том числе в региональном разрезе, без которого осмысление происходящего в этой сфере возможно с большим количеством ошибочных умозаключений, следовательно, выводы и решения, которые будут ложиться в основу принятия соответствующих нормативных правовых актов, могут не соответствовать интересам государства.

Вся вышеуказанная информация находится в оперативном управлении промышленных предприятий, поэтому их вовлечение в процессы сбора данных для формирования промышленной политики является очень важной составляющей для повышения эффективности работы органов власти.

Обоснованием для получения доступа к такой информации органами государственной власти и академическими институтами Российской Федерации является защита законных экономических интересов общества и государства, поэтому представляется необходимым:

1) разработать форму ежегодной отчетности с вышеуказанными данными промышленных предприятий, осуществляющих производство (выпуск) товаров (продукции) в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации;

2) разработать регламент (процедуру) передачи этой отчетности академическим институтам;

3) обновить соответствующую нормативно-правовую базу.

Требование предоставления информации (при сдаче такой отчетности) о калькуляции сырья и материалов, себестоимости и добавленной стоимости в разрезе производимых (выпускаемых) товаров (продукции) может восприниматься руководством (бенефициарами) таких промышленных предприятий негативно, но по сути и заложенным смыслам, оно не отличается от требований налогового законодательства Российской Федерации.

Г.Б. Клейнер тоже считает, что «для создания целостной и внутренне мобильной экономики в России недостаточно принимать во внимание только два уровня экономики... Необходимо перейти от бинарной модели к тернарной, включающей промежуточный, мезоэкономический уровень» [8].

При помощи сведений о калькуляции сырья и материалов, себестоимости и добавленной стоимости отечественных производителей можно определять возможности (механизмы) для повышения эффективности промышленной политики в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации, например, при расходовании средств бюджета и государственных внебюджетных фондов на закупку товаров (продукции) этих направлений, так как государственные расходы любого рода должны нести положительные эффекты для экономики страны и благосостояния его населения.

А.А. Широн и А.А. Янтовский отмечают, что «в рамках взаимоотношений бизнеса и государства часто возникает необходимость в оценке эффективности вложения средств в тот или иной проект» [21], в том числе при инвестировании государственных финансов.

Здесь следует заметить, что государственное инвестирование бизнес-проектов влечет положительные мультипликативные эффекты для экономики страны и благосостояния его населения вне зависимости от результатов реализации этих проектов, а закупки това-

ров (продукции) для государственных и муниципальных нужд, в которых заложена высокая добавленная стоимость, влекут в основном сверхприбыли для бенефициаров промышленных предприятий, осуществляющих производство (выпуск) этих товаров (продукции), при малоэффективных расходах государственного бюджета.

А.И. Татаркин обращает внимание, что «при оценке эффективности принципиальным должно стать влияние динамики бюджетных расходов на показатели качества жизни населения муниципалитета и (или) региона как конечная цель социально-экономической политики РФ» [18].

Особенно важно для принятия государственных мер обратить внимание, что целеполагание (приоритеты) и задачи отечественных промышленных предприятий (бизнеса), в том числе в соответствии с уставными документами, ориентированы на извлечение прибыли, рискованное начало и/или увеличение финансирования НИОКР, а также длительное ожидание возврата инвестиций в условиях экономической неопределенности противоречит их целеполаганию (приоритетам) и задачам, при этом оно крайне необходимо для реализации интересов российского государства [13].

Б.Н. Порфирьев, А.А. Широв, М.Н. Узяков и др. считают, что «неудовлетворительной, с точки зрения долгосрочных перспектив развития экономики, остается ситуация в области исследований и разработок. Затраты на НИОКР по отношению к ВВП составляют около 1% на протяжении нескольких десятилетий, причем на 80% — это расходы государства» [14].

Таким образом, становится понятно, что российским государством и учеными определяются проблемы, в том числе в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*, и их решения, а хозяйствующие субъекты (бизнес), имея необходимые возможности и право выбора, отклоняются от указанных решений в сторону собственных, иных интересов. В этой связи можно сделать вывод, что у них отсутствует морально-нравственная составляющая (осознанное чувство персональной ответственности, основанное на ценностях), если хотите «идеология», обеспечивающая единство целеполагания (приоритетов) и задач, которое должно представлять критически важную часть российской культуры поведения, особенно при ведении бизнеса в отрасли промышленности приоритетной государственной значимости, оказывающей непосредственное влияние на

создание структурно-сбалансированного экономического развития, благосостояния населения страны и национальной безопасности, поэтому требуется заключение совершенно другого «социального договора».

В.В. Ивантер, О.Д. Говтвань, М.С. Гусев, М.Ю. Ксенофонтов, Д.Б. Кувалин, Б.Н. Порфириев, А.А. Широв и др. утверждают, что «стратегическая цель пространственного развития России — превращение регионов страны в территории с высоким уровнем экономического и инфраструктурного развития, комфортные для жизни людей с точки зрения социальной и экологической обстановки» [7].

Похожей точки зрения придерживаются А.Г. Аганбегян, Н.Н. Михеева и Г.Г. Фетисов, которые отмечают, что «главным способом сокращения неравномерности пространственного развития является стимулирование развития отставших (депрессивных и слаборазвитых) регионов, включая стимулирование притока капитала в них, стимулирование строительства новых предприятий, создания рабочих мест с высоким уровнем заработной платы и т. д.» [1].

Основой пространственного и экономического развития должна стать локализованная в регионах России промышленность, способная независимо от федерального бюджета обеспечивать технологическое развитие и уровень жизни проживающего там населения, который будет соответствовать их интересам, что, в свою очередь, повлечет снижение миграции трудовых ресурсов, при этом вклад в ускорение экономического развития и достижение технологического суверенитета будет соответствовать интересам российского государства.

В субъектах Российской Федерации содержится большой экономический потенциал, который необходимо незамедлительно начать реализовывать, так как для достижения установленных целей потребуется немало времени, в связи с тем что «потенциал неотделим как от форм деятельности его носителя, так и от соответствия последнего степени реализуемости поставленных задач» [20].

С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг и Д.Е. Сорокин считают, что «современная технологическая база нуждается не просто в высококвалифицированных, а в творческих (кreatивных) работниках. Такие работники предъявляют соответствующие требования к качеству жизни, удовлетворение которых предполагает динамичное развитие

образования, культуры, здравоохранения, а также улучшение материальных условий» [3].

Б.Н. Кузык утверждает, что «для создания экономики знаний должна быть разработана, утверждена и реализована совершенно новая система долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования при продуманном законодательном обеспечении, эффективной системе бюджетирования, решении важнейшей кадровой проблемы, существующей не только в области науки, но и во всех сферах деятельности» [11].

Для повышения эффективности промышленной политики в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации необходимо заложить в основу соответствующих нормативных правовых актов следующие положения и установки.

1. Приоритетным направлением для реализации экономических интересов общества и государства до 2030 г. является развитие промышленности в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации как единой, сбалансированной по субъектам Российской Федерации системы организации производства товаров (продукции), находящейся под национальным контролем, функционирующей через отдельно взятые промышленные предприятия различных форм собственности, конкурирующие между собой в ходе рыночной самоорганизации, уровень доходов на рынке государственного заказа Российской Федерации которых зависит не от компетенций работы на рынках (проектирование, разработка, управление, маркетинг, продажи, обслуживание), а от количества занятых на этих предприятиях сотрудников (в 2021 г. в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации было занято около 5 млн чел. из 70,8 млн занятых в экономике страны, т. е. всего около 7% от всей среднегодовой численности [13]) и имеющейся способности этих предприятий по финансированию и выполнению НИОКР, так как развитие высокотехнологичной промышленности и развитие компетенций работы на рынках — это совершенно разные сферы деятельности, при этом высококомпетентные в области работы на рынках промышленные предприятия и организации торговли забирают колоссальный объем потенциальных средств для развития подавляющего большинства высокотехнологичных промышленных предприятий, в этой связи боль-

шая часть государственных расходов на закупку товаров (продукции) должна идти напрямую (без посредников) на счета промышленных предприятий, чтобы отечественная высокотехнологичная промышленность в будущем имела преимущества по сравнению с иностранной и стала конкурентоспособной в мире.

2. Вводится понятие «субъект предпринимательства (промышленное предприятие) с существующим потенциалом финансирования НИОКР в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации» (далее — субъект предпринимательства с потенциалом финансирования НИОКР) и обязанность заказчиков (потребителей) осуществлять закупки товаров (продукции), производство (выпуск) которых осуществляется в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации, от лица уполномоченных органов в сфере промышленности субъектов Российской Федерации у субъектов предпринимательства с потенциалом финансирования НИОКР в объеме не менее чем 50% совокупного годового объема закупок таких товаров (продукции) [13].

3. Если сумма чистой прибыли промышленных предприятий и организаций торговли товарами (продукцией), производство (выпуск) которых осуществляется в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации, составляет 25% и более от суммы их доходов — это является обоснованием для установления субъекту предпринимательства с потенциалом финансирования НИОКР встречных инвестиционных обязательств в НИОКР, размер которых составляет 10% от цены контракта, что необходимо отражать в условиях конкурентной процедуры (госзакупки) и контракте.

4. Одним из способов обеспечения сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации является перераспределения средств бюджета и государственных внебюджетных фондов на закупку товаров (продукции), производство (выпуск) которых осуществляется в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации, между субъектами Российской Федерации, путем проведения конкурентных процедур (госзакупок), включающих дополнительные требования к соответствуанию участника (промышленного предприятия) конкурентных процедур (госзакупок) и ограничения по суммарной стоимости (цене) его потенциальных контрактов.

5. Приоритетным направлением для реализации экономических интересов общества и государства от 2030 до 2040 г. является создание ориентированных исключительно на экспорт товаров (продукции), производство (выпуск) которых осуществляется в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации, индустриальных мегапроектов (промышленных комплексов) с компетенциями работы на зарубежных рынках (проектирование, разработка, управление, маркетинг, продажи, обслуживание) в акционерной форме собственности, находящихся под национальным контролем, участниками (акционерами) которых являются отдельно взятые промышленные предприятия различных форм собственности, конкурирующие между собой в ходе рыночной самоорганизации, обеспечившие на своем предприятии за счет приоритетного направления для реализации экономических интересов общества и государства до 2030 г. рост количества сотрудников (занятых), а также развитие их компетенций в НИОКР, заинтересованные в дополнительных доходах и научно-технологическом прогрессе от акционерного и научно-технологического участия в индустриальных мегапроектах (промышленных комплексах).

По последнему пункту можно дополнить, что индустриальные мегапроекты (промышленные комплексы) могут быть успешными (достигать поставленных целей) только в случае, если в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации будет задействовано достаточное количество сотрудников (не 7% от всей среднегодовой численности занятых в экономике России), поэтому в первую очередь (до 2030 г.) необходимо стимулировать рост занятости в этих направлениях и развитие компетенций.

Руководствуясь этими высокоэффективными положениями и установками, необходимо также изменять федеральные целевые и государственные программы, включать в них заказчиков (участников), ответственных за контроль (надзор) в сфере госзакупок (процедур), социально-экономическое, научное и технологическое развитие субъектов Российской Федерации, которые должны обеспечивать указанный межрегиональный баланс, создание недостающих для промышленности предприятий и рабочих мест, подготовку кадров, НИОКР и насыщенности товарного ассортимента, анализировать и оценивать регулирующее воздействие, при этом важнейшими целевыми индикаторами таких программ должны быть:

1) объем ранее отсутствующих в широте товарной номенклатуры промышленности в приоритетных направлениях технологического суперенитета Российской Федерации аналогов импортных товаров (продукции), воспроизведенных отечественными производителями, р.;

2) объем ранее отсутствующих в насыщенности товарного ассортимента промышленности в приоритетных направлениях технологического суперенитета Российской Федерации аналогов импортных товаров (продукции), воспроизведенных отечественными производителями, р.;

3) количество учрежденных (созданных) предприятий (стартапов) в промышленности приоритетных направлений технологического суперенитета Российской Федерации, ед.;

4) количество созданных рабочих мест на учрежденных (созданных) предприятиях (стартапах) в промышленности приоритетных направлений технологического суперенитета Российской Федерации, ед.

5) количество созданных рабочих мест на ранее существовавших предприятиях в промышленности приоритетных направлений технологического суперенитета Российской Федерации, ед. [13].

После принятия нормативных правовых актов, которые откроют доступ академическим институтам Российской Федерации к данным о структуре производства, широте производимой (выпускаемой) товарной номенклатуры, насыщенности товарного ассортимента, калькуляции сырья и материалов, себестоимости, добавленной стоимости, структуре доходов, конкурентных преимуществах и недостатках промышленных предприятий, осуществляющих производство (выпуск) товаров (продукции) в приоритетных направлениях технологического суперенитета Российской Федерации, через сдачу последними ежегодной формы указанной ранее отчетности, предлагаемые подходы при формировании промышленной политики в приоритетных направлениях технологического суперенитета Российской Федерации с большой вероятностью можно будет усовершенствовать, но даже в таком виде они способны обеспечить существенное повышение эффективности в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*.

Механизм повышения эффективности промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro*

необходимо формировать, руководствуясь ранее приведенными подходами для формирования промышленной политики и формой стимулирования частного сектора на начало и/или увеличение финансирования исследований и разработок (НИОКР), что позволит образовать следующую последовательность.

1. Отечественные производители реагентов для диагностики *in vitro* сдают ежегодную отчетность о структуре производства, широте производимой (выпускаемой) товарной номенклатуры, насыщенности товарного ассортимента, калькуляции сырья и материалов, себестоимости, добавленной стоимости, структуре доходов, госзакупках, рынке, конкурентных преимуществах и недостатках, влияющих факторах и проч. в Министерство экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России).

2. Минэкономразвития России проводит анализ указанной отчетности и независимый анализ рынка реагентов для диагностики *in vitro* Российской Федерации, по результатам которых делает вывод о наличии (если сумма чистой прибыли промышленных и торгующих организаций субъекта Российской Федерации, который является лидирующим в Российской Федерации по широте производимой (выпускаемой) товарной номенклатуры, составляет 25% и более от суммы их доходов) или об отсутствии оснований для установления встречных инвестиционных обязательств в НИОКР в размере 10% от начальной максимальной цены контракта (НМЦК) в условиях конкурентных процедур (госзакупок) на право заключения контракта на поставку реагентов для диагностики *in vitro* (далее — товары), объем которых должен быть не менее чем 50% совокупного годового объема закупок товаров.

3. В случае наличия оснований для установления таких встречных инвестиционных обязательств в НИОКР Минэкономразвития России утверждает соответствующий приказ (допустимый в качестве руководства после обновления нормативно-правовой базы) и направляет его уполномоченным органам в сфере промышленности субъектов Российской Федерации (далее — уполномоченные органы субъектов РФ) и Федеральную антимонопольную службу (ФАС России).

4. Заказчики товаров обязаны отправлять в уполномоченные органы субъектов РФ совокупные годовые потребности в товарах, с указанием наименований, количества и технических характеристик, в соответствии с планами-графиками закупок.

5. Уполномоченные органы субъектов РФ, в соответствии с полученными от заказчиков потребностями, собирают коммерческие предложения от потенциальных участников конкурентных процедур (госзакупок), формируют НМЦК, производят расчеты, необходимые для не менее чем 50% совокупного годового объема закупок товаров у «субъектов предпринимательства (промышленных предприятий) с существующим потенциалом финансирования НИОКР в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации» (далее — Преференция для НИОКР) и не менее чем 25% совокупного годового объема закупок товаров у «субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций» (далее — Преференции для СМП и НКО), после этого размещают конкурентные процедуры (госзакупки).

6. В ходе проведения конкурентных процедур (госзакупок) определяются победители, которые первыми дали свое согласие на исполнение контрактов, предложили наиболее низкие цены контрактов и соответствуют требованиям, включая два особенно важных в рамках Преференции для НИОКР:

- соответствие участника установленным требованиям определяется путем сопоставления НМЦК со среднесписочной численностью его сотрудников (занятых), сумма потенциальной производительности труда которых должна быть не менее НМЦК, при этом под потенциальной производительностью труда понимается средняя производительность труда в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* субъекта Российской Федерации, который является лидирующим в Российской Федерации по широте производимой (выпускаемой) товарной номенклатуры;
- соответствие участника установленным требованиям определяется путем сопоставления суммарной стоимости (цены) его потенциальных контрактов, равной сумме цен действующих контрактов участника, увеличенной на НМЦК конкурентной процедуры (госзакупки), с среднесписочной численностью сотрудников (занятых) участника, сумма потенциальной производительности труда которых должна быть не менее суммарной стоимости (цены) потенциальных контрактов, при этом под потенциальной производительностью труда понимается средняя производительность труда в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* субъекта Российской Федерации, который является лидирующим в Российской Федерации,

Федерации по широте производимой (выпускаемой) товарной номенклатуры.

7. Уполномоченные органы субъектов РФ размещают проекты контрактов, сторонами которых являются заказчики и победители конкурентных процедур (госзакупок), при этом в условиях проектов контрактов, в рамках Преференции для НИОКР, входит контроль (проверка) исполнения встречных инвестиционных обязательств в НИОКР со стороны уполномоченных органов субъектов РФ.

8. Победители конкурентных процедур (госзакупок) представляют заказчикам обеспечения исполнения контрактов в размере 10% от их цен, в виде платежных поручений или банковских гарантий, после этого подписывают проекты контрактов (в рамках Преференции для НИОКР).

9. Заказчики осуществляют проверки предоставления обеспечений исполнения контрактов и подписывают контракты со своей стороны, после этого контракты считаются заключенными, а победители конкурентных процедур (госзакупок) — поставщиками (в рамках Преференции для НИОКР).

10. Заказчики формируют заявки на поставки товаров и отправляют их поставщикам (в рамках Преференции для НИОКР).

11. Поставщики осуществляют поставки товаров заказчикам (в рамках Преференции для НИОКР).

12. Поставщики исполняют встречные инвестиционные обязательства в НИОКР по контрактам и предоставляют отчеты о НИОКР в уполномоченные органы субъектов РФ (в рамках Преференции для НИОКР).

13. Заказчики проверяют поставки товаров от поставщиков и производят предоплаты в размерах, рассчитанных как разность между суммой поставленных товаров и суммой встречных инвестиционных обязательств в НИОКР (в рамках Преференции для НИОКР).

14. Уполномоченные органы субъектов РФ осуществляют контроль (проверку) исполнения встречных инвестиционных обязательств в НИОКР поставщиками, после этого формируют и отправляют заказчикам уведомления «о необходимости проведения оставшихся (удержанных) оплат поставщикам» (в рамках Преференции для НИОКР).

15. После получения уведомлений «о необходимости проведения оставшихся (удержанных) оплат поставщикам» от уполномоченных органов субъектов РФ, заказчики производят такие оплаты, после чего контракты считаются полностью выполненными.

16. В случае неисполнения поставщиками встречных инвестиционных обязательств в НИОКР, оставшиеся (удержанные) оплаты им не производятся, предоставленные ими обеспечения исполнения контрактов в размере 10% от их цен в виде платежных поручений или банковских гарантий тоже удерживаются в качестве штрафов, при этом они вносятся в реестр недобросовестных поставщиков, после чего их участие в конкурентных процедурах (госзакупках) не допускается (поступающие заявки отклоняются при рассмотрении).

Автором разработана схема такого механизма (см. рис. 1).

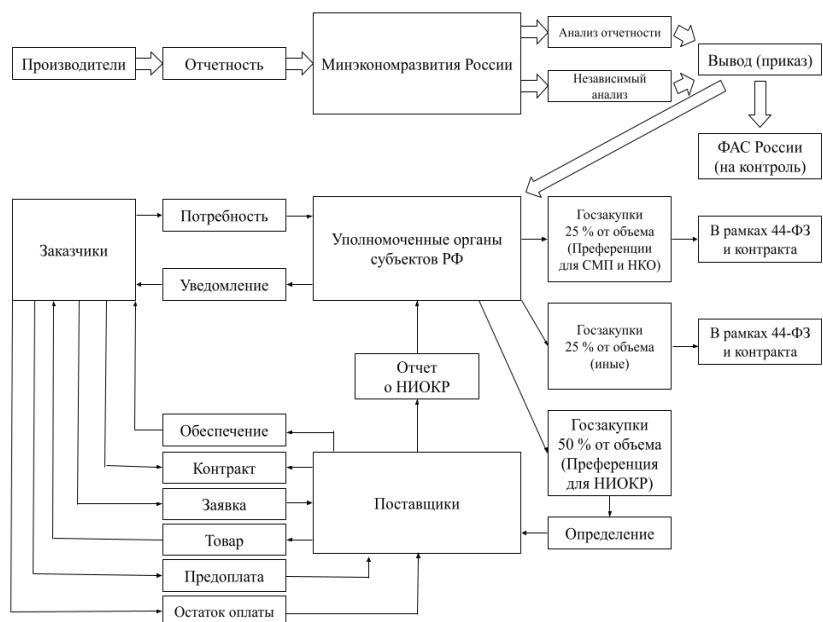

Рис. 1. Механизм повышения эффективности российской промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* (приоритетном направлении технологического суверенитета России) (составлено автором)

Если бы такой механизм промышленной политики действовал в 2021 г., то, взяв за основу отраслевые показатели [4; 16; 17], можно произвести гипотетическое сценирование положительного отражения его работы в этот период на динамике показателей развития отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Гипотетическое сценирование положительного отражения работы механизма повышения эффективности российской промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* в 2021 г.

Субъект РФ	Рабочие места, ед.	Чистая прибыль, р.	Чистая прибыль, % от доходов	Средняя чистая прибыль на одного работника, р.
Санкт-Петербург	2086	47622430000	43,39	22829545
Москва	1624	6703320000	31,15	4127660
Новосибирская область	1145	4434073000	34,35	3872553
Владимирская область	825	64466929000	54,39	78141732
Московская область	811	776054000	13,48	956910
Нижегородская область	315	72612000	5,86	230514
Брянская область	136	575579000	32,64	4232199
Республика Татарстан	134	1472463000	45,00	10988530
Алтайский край	105	507153000	49,13	4830029
Ставропольский край	87	27633000	14,67	317621
Ульяновская область	55	360963000	26,95	6562964
Калужская область	44	-124147000	-141,59	-2821523

Продолжение табл. 1

Ярославская область	28	22866000	15,42	816643
Самарская область	18	4138000	7,63	229889
Ленинградская область	6	3366000	12,95	561000
Ростовская область	6	4268000	12,75	711333
Челябинская область	5	1821000	30,74	364200
Республика Башкортостан	2	1185000	10,54	592500

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Положительные изменения показателей развития отрасли

Субъект РФ	Доходы от госзаказа в рамках преференции для НИОКР, р.	Дополнительное финансирование НИОКР, р.	Чистая прибыль, р.	Чистая прибыль, % от доходов	Средняя чистая прибыль на одного работника, р.
Санкт-Петербург	26564620552	2656462055	44965967945	40,97	21556073
Москва	5851727196	585172720	6118147280	28,43	3767332
Новосибирская область	3164274543	316427454	4117645546	31,90	3596197
Владимирская область	28444152240	2844415224	59244172756	49,99	27602925
Московская область	1410853815	141085382	634968619	11,03	782945
Нижегородская область	303685340	30368534	42243466	3,41	134106
Брянская область	432031285	43203129	532375872	30,19	3914528
Республика Татарстан	801660580	80166058	1392296942	42,55	10390276

Продолжение табл. 2

Алтайский край	252892430	25289243	481863757	46,68	4589179
Ставрополь-ский край	46160940	4616094	23016906	12,22	264562
Ульяновская область	328122865	32812287	328150714	24,50	5966377
Калужская область	21482335	2148234	-126295234	-144,04	-2870346
Ярославская область	36340605	3634061	19231940	12,97	686 855
Самарская область	13294925	1329493	2808508	5,18	156028
Ленинград-ская область	6368040	636804	2729196	10,50	454866
Ростовская область	8199660	819966	3448034	10,30	574672
Челябинская область	1451135	145114	1675887	28,29	335177
Республика Башкортостан	2755270	275527	909473	8,09	454737

Источник: составлено автором.

К положительным изменениям показателей развития изучаемой отрасли на основе указанного механизма относится также создание новых рабочих мест.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение предлагаемого механизма повышения эффективности российской промышленной политики в отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* (приоритетном направлении технологического супернитета России) в 2021 г. могло позволить создать 1321 рабочее (новое) место (дополнительный фонд оплаты труда = 2 378 341 020 р., в среднем на рабочее место = 150 000 р./мес.), а также обеспечить дополнительно 6 769 007 376 р. инвестиций в НИОКР без дополнительных государственных расходов, при этом среднеотраслевой уро-

вень чистой прибыли от извлекаемых доходов изучаемой промышленности изменился бы с 25,94 на 23,36% (без учета убыточной Калужской области).

Литература

1. Аганбегян А.Г., Михеева Н.Н., Фетисов Г.Г. Модернизация реального сектора экономики: пространственный аспект // Регион: экономика и социология. 2012. № 4 (76). С. 7—44.
2. Бодрунов С.Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2 (40). С. 5—16.
3. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустириализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19—49.
4. Государственный реестр медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий // Росздравнадзор: URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/misearch> (дата обращения: 11.01.2025).
5. Закупки. Москва. 2021 г. // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок: URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 11.12.2023).
6. Иванов Д.С., Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Стимулирование инновационной деятельности российских производственных компаний: возможности и ограничения // Форсайт. 2012. Т. 6. № 2. С. 18—42.
7. Ивантер В.В., Говтвань О.Д., Гусев М.С., Ксенофонтов М.Ю., Кувалин Д.Б., Порфирьев Б.Н., Ширков А.А. и др. Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 3—9.
8. Клейнер Г.Б. Мезоэкономические проблемы российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 2. С. 11—18.
9. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. Системная сбалансированность экономики России: региональный разрез // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 309—323.

10. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустириализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1 (357). С. 80—94.
11. Кузык Б.Н. Инновационное развитие России: сценарный подход // Экономические стратегии. 2009. Т. 11. № 1 (67). С. 56—67.
12. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования. 2010. № 5 (122). С. 38—51.
13. Орлов А.В. Теоретические и нормативно-правовые основы промышленной политики в приоритетных направлениях технологического суверенитета Российской Федерации // Философия хозяйства. 2025. № 2 (158). С. 133—161. DOI: 10.5281/zenodo.15148577.
14. Порфириев Б.Н., Ширев А.А., Узяков М.Н. и др. Основные направления социально-экономического развития в 2020—2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3 (180). С. 3—15.
15. Постановление Правительства РФ от 01.10.2015 № 1048 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение части затрат на реализацию проектов по организации производства медицинских изделий в рамках подпрограммы “Развитие производства медицинских изделий” государственной программы Российской Федерации “Развитие фармацевтической и медицинской промышленности” на 2013—2020 годы» // СПС КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186976/ (дата обращения: 11.01.2025).
16. Сведения о среднесписочной численности работников организации // Сайт Федеральной налоговой службы РФ: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-sshr2019/?ysclid=lpbgbo8wlt130305949> (дата обращения: 11.01.2025).
17. Сведения о суммах доходов и расходов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности организации за год, предшествующий году размещения таких сведений на сайте ФНС России // Сайт Федеральной налоговой службы РФ: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-revexp/> (дата обращения: 11.01.2025).

18. Татаркин А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. 2014. № 1 (37). С. 9—33.
19. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/?ysclid=lyei26juci846087127 (дата обращения: 11.01.2025).
20. Фролов И.Э., Ганичев Н.А. Научно-технологический потенциал России на современном этапе: проблемы реализации и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2014. № 1 (142). С. 3—20.
21. Ширков А.А., Янтовский А.А. Оценка мультиплективных эффектов в экономике. Возможности и ограничения // ЭКО. 2011. № 2 (440). С. 40—58.

References

1. Aganbegyan A.G., Miheeva N.N., Fetisov G.G. Modernizaciya real'nogo sektora ekonomiki: prostranstvennyj aspekt // Region: ekonomika i sociologiya. 2012. № 4 (76). S. 7—44.
2. Bodrunov S.D. Rossijskaya ekonomiceskaya sistema: budushchee vysokotekhnologicheskogo material'nogo proizvodstva // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2014. № 2 (40). S. 5—16.
3. Bodrunov S.D., Grinberg R.S., Sorokin D.E. Reindustrializaciya rossijskoj ekonomiki: imperativy, potencial, riski // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2013. № 1 (35). S. 19—49.
4. Gosudarstvennyj reestr medicinskikh izdelij i organizacij (individual'nyh predprinimatelej), osushchestvlyayushchih proizvodstvo i izgotovlenie medicinskikh izdelij // Roszdravnadzor: URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/misearch> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
5. Zakupki. Moskva. 2021 g. // Oficial'nyj sajt Edinoj informacionnoj sistemy v sfere zakupok: URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (data obrashcheniya: 11.12.2023).
6. Ivanov D.S., Kuzyk M.G., Simachev Yu.V. Stimulirovanie innovacionnoj deyatel'nosti rossijsskih proizvodstvennyh kompanij: vozmozhnosti i ograniceniya // Forsajt. 2012. T. 6. № 2. S. 18—42.

7. *Ivanter V.V., Govtvan' O.D., Gusev M.S., Ksenofontov M.Yu., Kuvalin D.B., Porfir'ev B.N., Shirov A.A. i dr.* Sistema mer po vostanovleniyu ekonomicheskogo rosta v Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2018. № 1 (166). S. 3—9.
8. *Klejner G.B.* Mezoekonomiceskie problemy rossijskoj ekonomiki // Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. T. 1. № 2. S. 11—18.
9. *Klejner G.B., Rybachuk M.A.* Sistemnaya sbalansirovannost' ekonomiki Rossii: regional'nyj razrez // Ekonomika regiona. 2019. T. 15. № 2. S. 309—323.
10. *Kolganov A.I., Buzgalin A.V.* Reindustrializaciya kak nostal'giya? Teoreticheskij diskurs // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. № 1 (357). S. 80—94.
11. *Kuzyk B.N.* Innovacionnoe razvitiye Rossii: scenarnyj podhod // Ekonomicheskie strategii. 2009. T. 11. № 1 (67). S. 56—67.
12. *Lenchuk E.B., Vlaskin G.A.* Klasternyj podhod v strategii innovacionnogo razvitiya zarubezhnyh stran // Problemy prognozirovaniya. 2010. № 5 (122). S. 38—51.
13. *Orlov A.V.* Teoreticheskie i normativno-pravovye osnovy promyshlennoj politiki v prioritetnyh napravleniyah tekhnologicheskogo suvereniteta Rossijskoj Federacii // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 2 (158). S. 133—161. DOI: 10.5281/zenodo.15148577.
14. *Porfir'ev B.N., Shirov A.A., Uzyakov M.N. i dr.* Osnovnye napravleniya social'no-ekonomiceskogo razvitiya v 2020—2024 gg. i na period do 2035 g. // Problemy prognozirovaniya. 2020. № 3 (180). S. 3—15.
15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.10.2015 № 1048 «Ob uverzhdenii Pravil predostavleniya subsidij iz federal'nogo byudzhetu rossijskim organizaciyam na vozmeshchenie chasti zatrata na realizaciyu proektor po organizaciji proizvodstva medicinskikh izdelij v ramkah podprogrammy "Razvitie proizvodstva medicinskikh izdelij" gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Razvitie farmacevticheskoy i medicinskoj promyshlennosti" na 2013—2020 gody» // SPS Konsul'tant-Plyus: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186976/ (data obrashcheniya: 11.01.2025).
16. Svedeniya o srednespisochnoj chislennosti rabotnikov organizacii // Sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby RF: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-sshr2019/?ysclid=lpbgb08wlt130305949> (data obrashcheniya: 11.01.2025).

17. Svedeniya o summah dohodov i raskhodov po dannym buhgalterskoj (finansovoj) otchetnosti organizacii za god, predshestvuyushchij godu razmeshcheniya takih svedenij na sajte FNS Rossii // Sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby RF: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-revexp/> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
18. *Tatarkin A.I.* Dialektika gosudarstvennogo i rynochnogo regulirovaniya social'no-ekonomiceskogo razvitiya regionov i municipalitetov // Ekonomika regiona. 2014. № 1 (37). S. 9—33.
19. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» // SPS Konsul'tantPlyus: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/?ysclid=lyei26juci846087127 (data obrashcheniya: 11.01.2025).
20. *Frolov I.E., Ganichev N.A.* Nauchno-tehnologicheskij potential Rossii na sovremenном etape: problemy realizacii i perspektiv razvitiya // Problemy prognozirovaniya. 2014. № 1 (142). S. 3—20.
21. *Shirov A.A., Yantovskij A.A.* Ocenka mul'tiplikativnyh effektov v ekonomike. Vozmozhnosti i ograniceniya // EKO. 2011. № 2 (440). S. 40—58.

Я.Д. ЯКОВЛЕВ

М.И. Туган-Барановский: взгляд на коопeração и ее роль в социальной борьбе*

Аннотация. На закате Российской империи в конце XIX — начале XX в. в государстве сложилась весьма напряженная социально-политическая обстановка, осложняемая периодическими промышленными спадами и внешнеполитическими потрясениями. Тяжелая ситуация внутри страны заставляла лучшие умы России искать возможные пути ее разрешения, думать над траекториями развития

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Яковлев Я.Д. М.И. Туган-Барановский: взгляд на коопeração и ее роль в социальной борьбе // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 133—144. DOI: 10.5281/zenodo.17340959.

общества и государства. К сожалению, после окончательной победы одной из концепций (большевистской, марксистско-ленинской), а именно после усиления власти И.В. Сталина в середине 1920-х гг., труды многих авторов были преданы забвению и не изучались. Одним из видных ученых, об оригинальных теориях и исследованиях которого забыли, был М.И. Туган-Барановский (1865—1919 гг.). Цель данной работы — не только рассмотреть одну из основополагающих концепций М.И. Туган-Барановского — его учение о кооперации, но и поднять интерес к фигуре ученого.

Ключевые слова: М.И. Туган-Барановский, кооперация, кооператив, социальная борьба, политическая экономия.

Abstract. At the sunset of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries, a highly tense socio-political situation developed within the state, exacerbated by periodic industrial slumps and foreign policy upheavals. The grave situation within the country compelled Russia's finest minds to seek possible solutions and to contemplate trajectories for the development of society and the state. Unfortunately, after the ultimate victory of one particular concept (the Bolshevik, Marxist-Leninist one), namely after the consolidation of Joseph Stalin's power in the mid-1920s, the works of many authors were consigned to oblivion and went unstudied. One prominent scholar, whose original theories and research were forgotten, was M.I. Tugan-Baranovsky (1865—1919). The aim of this work is not only to examine one of M.I. Tugan-Baranovsky's fundamental concepts — his theory of cooperation, but also to generate interest in the figure of the scholar himself.

Keywords: М.И. Туган-Барановский, cooperation, cooperative, social struggle, political economy.

УДК 330.856

ББК 65в

Введение

Михаил Иванович Туган-Барановский — человек, внесший существенный вклад в развитие политической экономии не только в России, но и во всем мире. Его взгляды во многом опередили время, не укладываясь в рамки ни одной идеально-политической доктрины и найдя отражение лишь во второй половине — конце XX в. Одними

из самых оригинальных аспектов его трудов стали положения о *кооперации*. Сейчас, когда, благодаря антикоммунистической и антисоветской пропаганде, львиная доля населения избегает слов «социализм» и «революция», когда в целом ряде государств подавляются коммунистические партии и профсоюзные организации, когда социальная борьба зачастую доходит до массовых протестов и столкновений, кооперация может не только обернуться наиболее эффективным и популярным средством борьбы рабочих за свои права, но и стать важнейшей школой самоорганизации, которая жизненно необходима для построения социалистического идеала, к которому так стремился М.И. Туган-Барановский.

Современные исследователи наследия М.И. Туган-Барановского

Видный вклад в изучение наследия М.И. Туган-Барановского внесла Г.Н. Сорвина. В одной из своих работ [7] она подробно анализирует взгляды ученого на различные социальные и экономические вопросы. По широте охвата тем монография исследовательницы не имеет себе равных. Здесь обращает на себя внимание статья-предисловие Г.Н. Сорвина [6], написанная специально по «Социальным основам кооперации». Она содержит подробнейший анализ труда М.И. Туган-Барановского, толкование его позиции, сопоставление с мнениями других ученых-политэкономов того времени и даже небольшой разбор тех или иных теоретических ошибок ученого.

Б.В. Корнейчук также написал обзорную монографию по взглядам М.И. Туган-Барановского [4]. В ней довольно подробно освещается мнение российского ученого о социализме, социалистическом идеале и этике. Кроме того, должное внимание удалено и его концепции кооперации, которая сопоставляется с концепциями европейских политэкономов. Автор отмечает, что М.И. Туган-Барановский не перенимал вслепую идеи западных коллег, но подвергал их критике и выдвигал оригинальные суждения. Иначе говоря, М.И. Туган-Барановский на равных вел дискуссию с Европой.

Большой удачей стал выход книги Д.М. Туган-Барановского [8] — внука знаменитого ученого, посвященной его предку. В ней приводятся уникальные данные биографии М.И. Туган-Барановского, доступные автору из семейного архива. Подкупает и то, что

Д.М. Туган-Барановский был историком, а потому описывал концепции своего деда, привязывая их к историческим реалиям Российской империи начала XX в.

М.И. Войков в своей свежей монографии [1] подробно характеризует взгляды М.И. Туган-Барановского на капитализм и социализм. В разделе работы, освещающем кооперацию, исследователь поясняет позицию российского ученого по этому вопросу, а также указывает место кооперации в общей концепции развития человечества М.И. Туган-Барановского.

Определение кооперации в работах М.И. Туган-Барановского

Прежде чем судить о применимости кооперации в социальной борьбе, необходимо дать определение этому понятию. Рассмотрим дефиницию «кооперация» М.И. Туган-Барановского, а также приведем ее характерные черты.

Начать стоит с происхождения кооперации. М.И. Туган-Барановский отмечал ее искусственность [9, 46]. Если капитализм возник «стихийно», т. е. его никто не изобретал, то *кооперация явилась продуктом осмысленной реакции на бурное развитие нового экономического уклада*. Ученый в связи с этим замечал, что своей смертью капитализм не умрет — его сможет убить лишь человеческая воля [3, 91]. Иными словами, капитализму для существования ничего не нужно — он будет жить до тех пор, пока от него не откажутся.

Другое дело — кооперация. Она — результат влияния социалистического идеала (осмыщенная реакция на капитализм — это и есть социалистическое учение) на капиталистическое общество [7, 74]. Кооперации искусственно дарована жизнь (первые кооперативы создал английский философ-социалист Роберт Оуэн [9, 62—63]), искусственно она и поддерживается. Осуществляют эту поддержку люди, заинтересованные в существовании кооператива. Эти люди необязательно должны быть социалистами [9, 436], ведь кооператоров связывают не политические, а чисто хозяйствственные мотивы [9, 64]. Отсюда вытекает следующая черта кооперации — ее *добровольность* [8, 298]. Кооперативы не могут быть насилием навязаны, ибо материально не заинтересованное в них население попросту будет убивать весь их возможный потенциал неэффективностью своего подневольного труда [6, 31].

Однако не хлебом единым жив человек. Простого материального интереса недостаточно для поддержания жизни кооператива. Нужен энтузиазм. М.И. Туган-Барановский особенно выделяет его значимость, ведь он по своей сути является двигателем кооперативного движения [9, 433, 435].

Спрашивается, почему недостаточно одних лишь хозяйственных мотивов? Откуда потребность в столь непостоянном и изменчивом явлении, как энтузиазм?

Здесь и наступает момент для одного из основных тезисов, выдвинутых М.И. Туган-Барановским: по его мнению, кооперация хоть и основывается на капиталистической системе хозяйствования [9, 436], *не является капиталистическим предприятием* [9, 67]. Объясняется это довольно просто: цель капиталистического предприятия — приумножить затраченный на него капитал; цель кооперации же заключается в увеличении трудовых (т. е. таких, для получения которых вкладывается не капитал, а труд) доходов и/или в сокращении расходов кооператоров [9, 94]. Иными словами, доход кооператива не является капиталистическим.

Для наглядности приведем пример капиталистического предприятия. Например, акционерное общество. Условный капиталист вкладывает в него несколько миллионов, через определенное время вложенные средства начнут приносить доход, соответствующий его доле в общем капитале. Кооператор же абстрагируется (или стремится абстрагироваться) от ранее внесенной суммы («картель стремится свести доход паевого капитала к минимуму» [9, 73—74]), а доход получает, соответствующий его доле в общем объеме труда. Выходит, что деньги сами себя увеличивать не будут, а, чтобы хорошо заработать, придется хорошо поработать. То есть кооператоры не характеризуются основным капиталистическим признаком — они не стремятся получить максимальную прибыль [6, 17]. Как отмечают некоторые исследователи, у эксплуатируемых классов вообще нет цели накапливать капитал ради накопления — деньги им служат средством достижения власти и почета [5, 14]. Очевидно, что, добившись желаемого, они, вероятно, потеряют интерес к повышению своего дохода и начнут сокращать свои рабочие часы до необходимого минимума, чтобы освободить время для других занятий. Подобный принцип (по сути, от каждого по способностям — каждому по по-

требностям) лежит в основе социалистических учений. Именно поэтому М.И. Туган-Барановский и делает вывод, что, хотя функционирует кооператив по законам рынка, суть кооперации социалистическая [9, 88].

Ученый сформулировал определение кооператива так: «хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды» [9, 94]. Остается лишь добавить, что *кооператив — это не капиталистическое предприятие, что его глубинной идеей является социалистический идеал и что в основе объединения кооператоров, помимо материальных интересов, лежит энтузиазм*. Таким образом, получается полное и довольно точное определение кооперации.

Кооперативы и социальная борьба

На этом этапе мы вплотную подходим к вопросу о том, как кооперативы могут проявить себя в социальной борьбе.

В основе кооперативов, конечно, лежат идеи социализма, но по форме они крайне напоминают капиталистические предприятия, живут по законам рынка, существуют за счет хозяйственных интересов людей. К. Маркс говорил, что «пролетариату нечего терять, кроме его цепей», а потому он готов к самой решительной борьбе с капитализмом. Но готов ли к ней кооператор, имеющий, благодаря кооперативу, определенный достаток и понимающий, что его объединение, скорее всего, перестанет существовать вместе с капитализмом [9, 442]?

В конце XIX — начале XX в. было широко распространено мнение, что кооперативы — это организации, где солидаризируются интересы различных классов, этакий островок классового умиротворения в океане бушующей социальной борьбы [9, 410—412]. В частности, общим межклассовым интересом был рост производительности труда [5, 89]. Кроме того, вступление в кооператив было свободным: *классовое происхождение кооператоров могло быть различным* [9, 410]. «... нельзя спорить, что кооператив является организацией, открывающей свои двери для всех желающих», — пишет

М.И. Туган-Барановский [9, 410]. Исходя из таких суждений, кооператив нельзя признать средством, пригодным для ведения социальной борьбы.

Впрочем, нетрудно заметить, что вышеупомянутые умозрительные выводы довольно поверхностны. Разница между кооператорами и капиталистами в том, что первые благодаря энтузиазму и хозяйственным интересам стремятся повысить свой трудовой доход и/или понизить расходы, а вторые из-за жажды наживы желают умножить свои капиталы, получив максимальную прибыль. Первым деньги нужны для достижения власти и почета, вторым — для накопления ради накопления [9, 433—434]. Их методы также разнятся: кооператоры готовы трудиться, капиталисты — пустить капитал в оборот. Очевидно, что люди со столь разными целями и средствами не смогут и не захотят создать организацию, подходящую и для первых, и для вторых. Трудящиеся классы (и мелкая буржуазия, подвергающаяся давлению со стороны крупной) объединяются в кооператив, а представители крупных землевладельческих и буржуазных кругов — в капиталистическое предприятие [9, 412—413]. «...совершенно ясно, что кооперацию следует признать организацией с определенными классовыми чертами», — резюмирует М.И. Туган-Барановский [9, 414].

Выходит, что классовый состав кооперативов в большей или меньшей степени все же однороден: рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия (если следовать марксистской традиции, то крестьяне — тоже мелкая буржуазия). Уже на этом этапе можно сказать, что кооперативы могут быть средством ведения социальной борьбы, ведь они обладают классовым характером. А если организация состоит из представителей одного класса, то и защищает она интересы именно этого класса [9, 413—414].

Однако это еще не все. Безусловно, рабочие, крестьянские и мелкобуржуазные кооперативы будут отличаться по своей природе и иметь разные потенциалы применения в социальной борьбе. Объединения мелкой буржуазии, к примеру, вообще такого потенциала не имеют: они не стремятся к созданию новой хозяйственной системы, не исповедуют социалистический идеал, не тяготятся капитализмом и стремятся преобразоваться в акционерную компанию [9, 421].

Кооперативы же, рабочие и крестьянские, — качественно новые организации антикапиталистического характера. Но и они имеют

сущностные различия. По наблюдениям М.И. Туган-Барановского, *крестьянская кооперация* — весьма ограниченное явление, охватывающее лишь область обмена, а не производительного труда [9, 420]. Кооперация крестьян противостоит рыночным механизмам, но она не разрушает частную собственность на землю, а, наоборот, укрепляет индивидуальное хозяйство [8, 302]. То есть *потенциал использования сельской кооперации в социальной борьбе довольно низок*.

Настоящим же борцом с капиталистической системой является *пролетарский кооператив*, стремящийся к созданию хозяйственного строя, подчиненного интересам общественного потребления, т. е. к колlettivизму [9, 418]. Такие кооперативы создаются даже не с целью повысить свой уровень жизни, а для решения банальной задачи — выжить в условиях дикого капитализма. Кооператоры организуются с целью самозащиты [7, 74], а кооперация в таком случае приобретает характер освободительного движения пролетариата [9, 419]. Но даже рабочая кооперация имеет свои пределы: она не сможет сокрушить капитализм, ведь сама является его детищем («пролетарская кооперация наталкивается в своем развитии на известные пределы, которых она своими силами преодолеть не может» [9, 419]). Поэтому, по мнению М.И. Туган-Барановского, полагаться в деле социальной борьбы за освобождение эксплуатируемых классов исключительно на кооперацию было бы ошибкой.

Выходит, что *кооперация носит исключительно классовый характер*, так как кооператив, как правило, состоит из представителей одного и того же социального слоя, а доля иноклассовой «примеси» крайне незначительна. *Кооперация делится на три ветви: мелкобуржуазную*, которая не участвует в борьбе с капитализмом и нередко превращается в капиталистическое предприятие; *крестьянскую*, которая стремится к созданию новой системы хозяйствования, но основывается на частной собственности на землю; *пролетарскую*, которая ведет самую упорную борьбу с капиталистическим строем и ограничивается лишь объективными законами собственного развития.

В чем же особенности кооперации как средства социальной борьбы?

Во-первых, борьба кооператоров — борьба экономическая. М.И. Туган-Барановский делит все рабочее движение на три ветви:

профессиональную, политическую и кооперативную [9, 94]. Профессиональная (профсоюзная) борется с капиталистами-предпринимателями в узком плане; политическая в виде партий противостоит капиталистам в широком плане и капиталистическому государству. Профсоюзы и партии ведут открытую политическую борьбу. Кооперативы же не демонстрируют попыток изменить капиталистическое предприятие, как профсоюз, или государство, как партия. Они стремятся разорить его, играя по правилам рынка, с помощью конкуренции [4, 37]. М.И. Туган-Барановский особенно выделяет аполитичность кооперативов: они могут объединять людей с разными взглядами [9, 428], поэтому им важно сохранить свою нейтральную позицию, ведь чем больше кооператоров в объединении, тем оно эффективнее [9, 429].

Впрочем, отказ от сотрудничества или ассоциации себя с той или иной политической партией не означал полный выпад кооперативов из политики. Ученый доказывает, что участие кооператоров в политике желательно, но лишь косвенно (через голосование за кандидатов, выступающих за расширение прав и свобод кооперативов) и лишь тогда, когда обсуждаемые законы непосредственно затрагивают интересы кооперативного движения [9, 432]. В таких случаях кооперативы обязаны проявить некоторую политическую активность.

Во-вторых, кооперативная борьба — борьба полностью мирная [7, 75]. Она не предполагает никаких силовых или иных акций, за которые могут последовать карательные меры со стороны правительства. Действительно, забастовки профсоюзов могут подавляться и даже законодательно ограничиваться, как и, к примеру, может запрещаться организация коммунистической партии. Однако предпринять что-либо против кооперации на уровне законов власти по большей части не в состоянии, ведь, во-первых, никаких провокаций она не проводит [9, 95] и, во-вторых, чисто юридически грань между кооперативами и капиталистическими предприятиями весьма условна [9, 65]. По всем внешним признакам кооператив выступает в роли капиталистического предприятия, соблюдает законы рыночной конкуренции [7, 76], т. е. ведет борьбу с капитализмом его же оружием. Это является первейшим преимуществом кооперативной борьбы перед другими видами самозащиты эксплуатируемых классов — она менее уязвима к внешним факторам давления.

Не стоит, однако, думать, что от уподобления кооперативов капиталистическим предприятиям страдает их «боевитость». Напротив, М.И. Туган-Барановский отмечает, что кооперация — первоочередный способ борьбы с капиталистическим предприятием: профсоюз стремится не сокрушить предприятие, а лишь изменить в нем соотношение сил в пользу труда, в ущерб капиталу; политическая партия же борется не tanto с капитализмом вообще, сколько с государством, которое его защищает [9, 96]. Лишь кооперативы напрямую вступают в схватку с капиталистическими предприятиями, пытаются их разорить и полностью уничтожить. Таким образом, важность кооперативной борьбы становится очевидной — кооперативы выбивают из-под ног капиталистов их материальную базу, а вместе с сокращением капиталов сокращается и политическое влияние крупных буржуа. «С капиталистическими предприятиями как таковыми борются только кооперативы», — резюмирует ученый [9, 96].

На этом, в целом, и заканчивается характеристика кооперативной борьбы. Следует еще раз подчеркнуть, что она, в первую очередь, мирная и экономическая. По М.И. Туган-Барановскому, кооперативы должны вмешиваться в политическую «большую игру» крайне аккуратно и ограниченно — лишь тогда, когда на рассмотрении находятся предложения, непосредственно касающиеся судьбы кооперативного движения. Исключительная важность кооперативной борьбы заключается в том, что она подрывает власть и влияние капиталистов путем ослабления их экономического влияния.

При всей важности кооперативной борьбы М.И. Туган-Барановский относился к ее потенциалу весьма скептически [1, 59]. На то был целый ряд причин.

Во-первых, ученый не видел возможности объединить кооперативную борьбу различных социальных групп: например, полностью провалились попытки организовать пролетарско-крестьянскую кооперацию из-за различных интересов и целей рабочих и крестьян [9, 423—424].

Во-вторых, М.И. Туган-Барановский четко указывал на то, что кооперация не является гарантированным путем к социализму (т. е. к конечной цели социальной борьбы) [1, 61]. Как отмечалось, крестьяне не желают полного уничтожения капиталистических институ-

тов — частной собственности на землю, к примеру. То есть кооперативное движение, каким бы социалистическим по своей сути оно ни было, не приведет автоматически к созданию лучшего общества.

В-третьих, кооперация крайне трудно осуществима на высокотехнологичных предприятиях [1, 59]. Кооперация в них лишь усложняет процесс производства и сокращает производительность. В современных условиях, когда практически все крупные капиталистические предприятия обладают высокотехнологичными производствами, менее производительным кооперативам сложно с ними конкурировать.

Таким образом, можно сделать вывод, что потенциал кооперативной борьбы весьма ограничен. Говоря прямо, кооперативная борьба без сопутствующей помощи политических партий и профсоюзов не принесет ощутимых результатов.

Заключение

В заключение следует отметить, что научное наследие М.И. Туган-Барановского весьма обширно, однако до сих пор мало изучено. Многие идеи М.И. Туган-Барановского могут быть развиты и применены сегодня. Историкам и политэкономам необходимо предпринять широкое исследование наследия этого ученого не только для дополнения собрания политэкономических теорий, но и для поиска возможных решений актуальных социальных и экономических проблем.

Литература

1. *Воейков М.И.* Марксизм и интеллектуальная Россия. Политэкономические силуэты: Туган-Барановский, Рубин, Кронрод. М.: URSS, 2023. 224 с.
2. Историки экономической мысли России / Под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. М.: Наука, 2003. 318 с.
3. *Кондратьев Н.Д.* Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг.: Колос, 1923. 128 с.
4. *Корнейчук Б.В.* Экономические воззрения М.И. Туган-Барановского. СПб.: Наука, 2008. 336 с.

5. Смирнов И.П. От марксизма к идеализму: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М.: Рус. книгоизд. товарищество, 1995. 285 с.
6. Сорвина Г.Н. М.И. Туган-Барановский и его книга «Социальные основы кооперации» // Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Ленанд, 2023. С. 5—40.
7. Сорвина Г.Н. Михаил Иванович Туган-Барановский: первый русский экономист с мировым именем: Очерки. М.: Русская панорама, 2005. 135 с.
8. Туган-Барановский Д.М. Туган-Барановский Михаил Иванович: жизнь и идеи: Монография. Волгоград: Издатель, 2015. 320 с.
9. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Ленанд, 2023. 494 с.

References

1. Voejkov M.I. Marksizm i intellektual'naya Rossiya. Politekonomicheskie siluety: Tugan-Baranovskij, Rubin, Kronrod. M.: URSS, 2023. 224 s.
2. Istoriki ekonomicheskoy mysli Rossii / Pod red. M.G. Pokidchenko, E.N. Kalmychkovoj. M.: Nauka, 2003. 318 s.
3. Kondrat'ev N.D. Mihail Ivanovich Tugan-Baranovskij. Pg.: Kolos, 1923. 128 s.
4. Kornejchuk B.V. Ekonomicheskie vozzreniya M.I. Tugan-Baranovskogo. SPb.: Nauka, 2008. 336 s.
5. Smirnov I.P. Ot marksizma k idealizmu: M.I. Tugan-Baranovskij, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev. M.: Rus. knigoizd. tovarishchestvo, 1995. 285 s.
6. Sorvina G.N. M.I. Tugan-Baranovskij i ego kniga «Social'nye osnovy kooperacii» // Tugan-Baranovskij M.I. Social'nye osnovy kooperacii. M.: Lenand, 2023. S. 5—40.
7. Sorvina G.N. Mihail Ivanovich Tugan-Baranovskij: pervyj russkij ekonomist s mirovym imenem: Ocherki. M.: Russkaya panorama, 2005. 135 s.
8. Tugan-Baranovskij D.M. Tugan-Baranovskij Mihail Ivanovich: zhizn' i idei: Monografiya. Volgograd: Izdatel', 2015. 320 s.
9. Tugan-Baranovskij M.I. Social'nye osnovy kooperacii. M.: Lenand, 2023. 494 s.

О.Б. ЛЕМЕШОНOK

Развитие концепции человеческого капитала в процессе трансформации хозяйственных отношений*

Аннотация. В статье рассматривается развитие концепции человеческого капитала в контексте изменений хозяйственных отношений в развитых странах с середины 1970-х гг., знаменующих переход к постиндустриальной экономике, в которой информация и знания становятся основным ресурсом развития. Акцент делается на человеческом капитале как важном факторе экономического роста, объединяющем такие качественные характеристики, как знания, образование и культурный потенциал. На основе теоретического анализа прослеживаются генезис и расширение категории человеческого капитала — от ее первоначальной трактовки как пользы человека в хозяйстве до современного междисциплинарного понимания, включающего роль социальных институтов, в первую очередь системы образования. Особое значение придается методологическим сложностям количественной оценки человеческого капитала и практическим аспектам для формирования образовательной политики и механизмов инвестирования в человека.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономика знаний, система образования, экономический рост, институциональная среда.

Abstract. The article examines the evolution of the human capital concept within the context of changing economic relations in developed countries since the mid-1970s, marking the transition to a postindustrial economy where information and knowledge become the main resources for development. The author focuses on human capital as a significant factor of economic growth encompassing such qualitative characteristics as knowledge, education, and cultural potential. Through theoretical analysis, the genesis and expansion of the human capital category are traced, from its initial interpretation as human utility in economic activity to its

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Лемешонок О.Б. Развитие концепции человеческого капитала в процессе трансформации хозяйственных отношений // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 145—160. DOI: 10.5281/zenodo.17341001.

modern interdisciplinary understanding that includes the role of social institutions, primarily the education system. The author gives particular importance to the methodological challenges of quantifying human capital and the practical aspects of shaping educational policy and mechanisms for investing in human potential.

Keywords: human capital, knowledge economy, education system, economic growth, institutional environment.

УДК 330.1

ББК 65.01

С середины 1970-х гг. в развитых странах происходит изменение хозяйственных отношений, в частности, расширяется взаимодействие в сфере нетоварного производства, оказания социальных услуг, в сфере науки и образования, соответствующим образом изменяется структура занятости, акцент в оценке ресурсного потенциала смещается на информацию и знания как главные движущие силы экономики, что характеризует переход к постиндустриальному обществу.

Важнейшими чертами хозяйственных отношений и определяющими факторами экономического развития становятся интеллект, знания, ответственность, уровень образования, культурный и духовный потенциал участника экономической деятельности. Все это в современной экономической теории относится к категории «человеческий капитал» и к общественно-экономическим условиям, в которых создается и развивается человеческий капитал, в частности, к современной системе образования, предполагающей непрерывность процесса, гибкость образовательных программ и вариативность форматов усвоения новых знаний. Высшее образование играет ключевую роль в данной системе, целенаправленно формируя разносторонне подготовленных специалистов — носителей будущего человеческого капитала, способных решать комплексные задачи социально-экономического развития. В большом исследовании Группы Всемирного банка, посвященном тенденциям в образовании и профессиональной деятельности, особенно подчеркивается связь изменения характера и форматов труда и потребности в работниках нового качества, а также необходимость развития механизмов социальной за-

щиты. Обеспечение необходимых условий для образования и трудовой деятельности характеризуется более значимыми показателями экономического роста по большинству рассмотренных стран [39].

Спрос на образование, которое бы давало необходимые навыки для хозяйственной деятельности и специфических трудовых процессов, возник задолго до указанного периода 1970-х гг. и развивался вместе с развитием общества и производственных процессов, что также получало отражение в теоретических исследованиях о необходимости образования и развития человеческого капитала. Именно эти аспекты в обсуждениях о человеческом капитале и потенциале являлись в то время определяющими настолько, что подавляющее большинство исследований ограничивалось только ими [18, 141].

До введения и использования категории человеческого капитала в экономической науке предпринимались попытки осмыслить и оценить свойства и пользу человека в хозяйстве. Так, представитель английской политической экономии У. Петти в XVII в. рассуждал о производительной ценности человека и полагал, что ее можно измерить двадцатикратным годовым доходом человека [13, 171]. Он учил труду людей и денежное выражение особых свойств человека в богатстве: «Представляется разумным, чтобы то, что мы называем богатством, имуществом или запасом страны и что является результатом прежнего или прошлого труда, не считалось бы чем-то отличным от живых действующих сил, а оценивалось бы одинаково и одинаково участвовало бы в покрытии общественных нужд» [15, 82]. Исходя из пользы людей для приращения богатства, Петти считал важными статьями госрасходов расходы на образовательные учреждения, а также поддержку недееспособного населения и поддержание численности населения [14, 24].

Однако более глубокие исследования экономических аспектов трудовой деятельности человека в рамках будущей теории человеческого капитала были начаты А. Смитом. В отличие от У. Петти, он рассматривал только дееспособных работников, но обращал внимание на приобретение полезных для трудовой деятельности способностей и свойств в течение всего срока воспитания и обучения иставил рабочего (с его умениями, навыками и знаниями) на ведущее место в процессе роста производительности труда [17].

По Смиту, в состав основного капитала входят земля, здания, орудия производства и машины, а также приобретенные с воспитанием и образованием полезные способности человека. Связанные с их формированием затраты, включая расходы на обучение и обеспечение базовых потребностей, представляют собой основной капитал, который материализуется в виде знаний и навыков, воплощенных в самом индивиде. Но поскольку человек принадлежит определенному обществу, то его индивидуальные способности также являются и частью богатства данного общества, и если предположить, что орудия труда облегчают и сокращают процесс производства и затраты на них потом возвращаются с прибылью, то и отличительные свойства работника можно рассматривать также с точки зрения улучшения процесса производства и роста прибыли. При этом необходимо принимать во внимание умения работника и сложность процесса труда: «Один час занятия таким ремеслом, обучение которому потребовало десять лет труда, может содержать в себе больше труда, чем работа в течение месяца в каком-нибудь обычном занятии, не требующем обучения» [17, 39].

На роль образования и сопутствующие расходы по созданию человеческого капитала обращает внимание Д. Рикардо, связывая необходимость образования и широту охвата им всех слоев населения с уровнем богатства и развития наций. Также он рассматривает труд наряду с другими предметами и объясняет разницу между естественной и рыночной ценой труда [16, 449]. Естественной ценой является сумма, из которой складывается «цена» жизни, — затраты на покрытие основных потребностей работника и его семьи (пища, одежда, жилье, предметы обихода), и такая цена постоянно растет вместе с развитием общества. Рыночная же цена определяется соотношением спроса и предложения.

В этот же период небольшой научный труд (письмо графу И.И. Шувалову) о развитии человека и нации в целом был написан российским ученым М.В. Ломоносовым [6], но ввиду цензурных ограничений западные коллеги узнали о нем только в следующем веке. Выдающийся русский ученый осмысливал роль человека в общественном производстве, значение просвещения в формировании человека и экономическом развитии государства.

Ломоносов соглашался с предшественниками в необходимости поддерживать достаточную численность населения, доказывая это участием трудоспособного населения в экономическом развитии и возлагая обязанность по сохранению и росту населения на государство: «Полагаю самым главным делом сохранение и размножение российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [6].

Он охарактеризовал универсальные особенности поведения широких слоев общества, верные как для российского народа, так и для других наций того времени. И акцентировал внимание на все том же уровне грамотности, воспитании и культурном развитии, которые влияют на здоровье населения и воспроизведение через обычай и образ жизни. Ломоносов рекомендовал не только развивать и обеспечивать доступность образования и медицины, но и изменить некоторые церковные обряды, улучшить «инфраструктуру» обеспечения жизни младенцев и детей. Очевидно, большинство аспектов, которые входят в современную категорию человеческого капитала, было раскрыто и развито для российского общества того времени в том письме Ломоносова: врожденные способности и приобретенные умения, опыт, квалификация, здоровье и культурный багаж, которые в совокупности являются важными факторами общественного воспроизводства. Его выводы и рекомендации могли бы стать в то время научной основой формирования взглядов о важности человека в процессе труда и экономическом развитии, если бы обстоятельства сложились удачнее. Вклад в исследования человеческого капитала других российских ученых будет разобран позже.

Возвращаясь к трудам, получившим мировое признание, следует продолжить анализ производительных сил индивида и его роли в производственной деятельности и в целом в экономическом развитии. Мысль о важности труда и роли образования в повышении его качества развивает и Дж.С. Милль. Он рассматривает труд как процесс мускульных и нервных усилий (т. е. физический и умственный), а производство — как совокупность обоих видов труда и его объектов. Накопленный объем продуктов прошлой трудовой деятельности образует капитал, соотношение между капиталом и численностью

рабочих определяет величину заработной платы [11, 109]. В прогрессе и развитии общества, в появляющихся возможностях образования Милль видел больше свободы человеческой деятельности — от развития потребностей, выбора благ и способа потребления до активного изменения своей хозяйственной и производственной деятельности.

В этом контексте полезные способности индивида рассматриваются не как самостоятельное богатство, а как инструмент для создания материальных ценностей, что актуализирует вопрос инвестиций в человеческий капитал через целенаправленное развитие компетенций. Как отмечал Милль, приобретенное мастерство, будучи результатом и одновременно средством труда, составляет часть богатства, что обосновывает необходимость перераспределения капитала в пользу развития работников для обеспечения устойчивого экономического роста.

К. Маркс рассматривал мастерство человека как «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [7, 178]. «Воспроизводство» и развитие человека со всеми его способностями представляют собой сложный социально-экономический процесс, обусловленный как количественным ростом населения, так и качественным его преобразованием через накопление знаний, опыта и мастерства, что требует задействования живого и овеществленного труда. Кроме того, для развития человеческого интеллекта, его созидательных способностей и, соответственно, производственных сил необходимо достаточное количество свободного времени.

Дальнейшее развитие теории человеческого капитала пришло на период автоматизации производства, организационных изменений труда во многих экономиках и изменений функций работников. Экономике необходимо было не просто больше рабочей силы, но качественная рабочая сила, которая бы отвечала требованиям научно-технической революции. Порожденные последней народно-хозяйственные сдвиги выражались в увеличении нематериальных форм богатства (образованности, крепкого здоровья, воспитания,

научных достижений), которые становились ведущими факторами развития общественного воспроизводства.

В начале XX в. возникает необходимость в квалифицированных работниках и появляются вопросы об их лучшей мотивации и факторах производительности труда, что отражается в формировании и развитии теорий управления [19; 12], в которых ведущая роль отводится работнику как таковому, но не его способностям. На производствах стремятся разделить функции управления и непосредственно работы, квалифицированный и неквалифицированный труд, упростить трудовые операции, получить отдачу от специализации труда. Продолжает развиваться и область исследования, посвященная формированию и развитию способностей индивида, которые он задействует в трудовой деятельности.

Один из крупнейших представителей неоклассики — А. Маршалл — оценивает «персональный капитал» человека как вклад в образование и отмечает, что человеческий капитал помогает накапливать материальное богатство, равно как и богатство влияет на возможность увеличивать индивидуальные характеристики личности: «Главное значение материального богатства, если оно разумно используется, заключается в том, что оно увеличивает здоровье и силу рода человеческого — физическую, умственную и нравственную» [9]. Маршалл обосновывает необходимость системного инвестирования как со стороны государства, так и частного сектора в сферу образования, подчеркивая важность его доступности для широких слоев населения и приоритетность долгосрочного социально-экономического эффекта над обычной практической отдачей.

В тот же период появление новых технологий и инновационное развитие подталкивают многие европейские страны и США к организации и развитию массового образования. Как уже было отмечено, производству необходимы были в том числе квалифицированные работники для налаживания и организации процессов труда, управления и мотивации трудовых коллективов, обеспечения инновационного производства. И здесь также имеется теоретическая база в виде концепции предпринимательства Й. Шумпетера, в которой именно предприниматель выступает инициатором «новых комбинаций» [21, 142]. В СССР также развивается система образования, нацеленная на получение профессиональных кадров для ускорения экономического развития.

Таким образом, в начале XX в. результаты исследований концентрировались на отдельных элементах теории человеческого капитала и представляли разные мнения о содержании этой категории, от понимания его как совокупности личностных качеств до тождествления с человеком.

Параллельно с изменениями в структуре экономики и способах организации труда происходят изменения в общественно-экономической сфере, связанные с переходом к постиндустриальному обществу, что отражается и в науках о человеке. Теории постиндустриального общества вносят в представления о человеке, его окружении и деятельности новые характеристики: расширение сферы услуг и изменение структуры занятости, автоматизация производства и связанные изменения в характере труда, развитие ИКТ и смена способов координации в хозяйственной и бытовой сферах, а также необходимые для этих изменений компетенции индивидов. Человеческий капитал становится одним из ведущих производительных и социальных факторов развития индустриального общества.

Термин «человеческий капитал» с раскрытием концепции начал использоваться в работах представителей Чикагской школы, в частности, был впервые упомянут в статье Дж. Минцера «Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода» в 1958 г. [31], потом его использовали Г. Беккер, Т. Шульц и С. Кузнец в своих публикациях¹³, получившие Нобелевские премии за «распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение» [2, 17].

Во многих работах о человеческом капитале середины XX в. разрабатывается теоретическая база, проводятся межстрановые сопоставления, развивается методология оценки человеческого капитала, связи образования, производительности труда и величины доходов. Анализ для предприятий демонстрирует, что эффективное использование специфического человеческого капитала, формируемого через целевое развитие знаний и компетенций, порождает неоднородные экономические эффекты — от роста производительности и заработной платы до снижения текучести кадров и мобильности работников [30].

---

¹³ Например, [25; 35; 34; 27; 28].

Рекомендации по поддержке образования расширяются до концепции управления образованием и необходимости повышения квалификации для сохранения и роста производительности труда и, соответственно, повышения эффективности каждого отдельного сотрудника на микроуровне и отраслей в экономике страны, определяя направления исследований на следующие годы [33, 31; 32].

В отдельных работах можно выделить аспекты, особенно полезные при анализе человеческого капитала на современном этапе развития производительных сил. Например, Т. Шульц и Ф. Махлуп трактуют человеческий капитал как навыки, способности и знания индивида, повышающие доход, а их получение и, соответственно, улучшение качества работника — как результат дополнительных инвестиций в образование, и это становится главным фактором экономического развития. В инвестиции входят как непосредственно денежные затраты на образование, так и усилия обучающегося и потраченное им время [29].

Вслед за реформатором образования Г. Манном Шульц называет образование в развитых странах «великим уравнителем», так как получение уникальных навыков и полезных знаний индивидами из разных слоев общества снижает значимость материальных факторов на старте жизненного пути и приводит к более равномерному распределению будущих доходов обучающихся, что вместе с другими факторами способствует экономическому росту. Многие ученые отмечают вклад Шульца в методологию оценивания человеческого капитала: он был одним из первых исследователей, представившим расчеты величины человеческого капитала, включившим в него количество накопленных населением лет обучения и стоимость года обучения каждого уровня [3, 76; 10].

Похожим образом рассматривал человеческий капитал М. Фридман, считая его формой богатства индивида (наряду с финансовыми активами и предметами длительного пользования). Это имущество является, по сути, капитализированной стоимостью, формирующей постоянный доход как средневзвешенную ожидаемых поступлений от всех составляющих [20].

Г. Беккер написал несколько работ, посвященных экономическому поведению человека и, помимо получения известности в научных кругах, по нашим наблюдениям, стал одним из самых интересных преподававших для студентов первых курсов вузов экономистов

XX в. преимущественно за счет подробного разбора поведения индивидов в знакомых жизненных ситуациях [23; 25; 24].

Индивид в каждом случае выбирает из нескольких альтернатив, стремясь максимизировать полезность, и процесс выбора происходит не только между потребляемыми благами, определенными событиями и проч., но и между совокупностью последствий в будущем. Так, в модели сравнительной отдачи вложений в человека можно получить и проанализировать результаты от образования для членов семьи. В образование детей (вложения в человеческий капитал) инвестируется как в актив, пока он приносит наибольшую отдачу, и, по мере ее убывания (а она, по Беккеру, будет убывать с ростом объема инвестиций), индивид перенаправляет инвестиции в другие активы, предполагая, что в будущем эти активы с возросшей стоимостью передадут по наследству. Сам же процесс воспитания детей тоже является вложением и представляет собой воспроизводство человеческого капитала, который будет использоваться в производственной деятельности в будущих периодах.

Человеческий капитал, по Беккеру, включает уже знакомые по предыдущим определениям навыки, знания, мотивацию, уникальные свойства индивидов, которые используют их в производственной деятельности. Он акцентирует внимание на неотделимости этого понимания от человека (так как все особенности личности являются составной частью самого человека) и на отнесении этого понятия к более общему понятию капитала. В прикладном плане Беккер оценивал и сравнивал отдачу от вложений в человека и эффективность функционирования американских компаний [1, 11—12].

Выводы Беккера соответствуют рекомендациям многих исследователей человеческого капитала — раз вложения в образование результативны и выгоды долгосрочны, необходимо наращивать инвестиции со стороны государства и стимулировать их со стороны частных структур. Специальные инвестиции фирм в своих сотрудников, означающие накопление знаний и навыков для непосредственного производства, будут не менее эффективны, чем обычные капиталовложения. Если же предполагается общая подготовка, в результате которой полученные качества индивида смогут быть использованы в большинстве сфер, то ее оплачивают сами работники посредством соразмерного сокращения заработной платы, и такие вложения также надо стимулировать и поддерживать.

Несмотря на распространение идей неоклассической теории о человеческом капитале и обоснованных рекомендаций ее представителей, теория человеческого капитала критически осмысливалась другими исследователями [22; 26; 37]. Например, в противовес концепции «великого уравнителя» появилась концепция «фильтра» (буквально «education as a filter» в статье К. Эрроу), подвергающая сомнению очевидную для многих исследователей взаимосвязь образования и будущих доходов. Во-первых, на размер заработков могут влиять в равной степени и другие факторы, не связанные с производительностью (возраст, цвет кожи, пол), что было достаточно актуальным в западных обществах того времени. Во-вторых, навыки и знания могут быть получены и усвоены наиболее талантливыми обучающимися, которые потом перейдут в социальный слой элиты, и общественная структура от этого существенно не изменится, а, наоборот, образование в таком контексте может даже углубить социальное расслоение.

Интересны акценты, расставленные в понимании человеческого капитала исследователями в «контексте» экономического империализма. Так, М. Блауг определяет капитал как «приведенную стоимость прошлых инвестиций в навыки», однако добавляет, что формат этих инвестиций может сильно различаться. Например, люди могут тратить денежные ресурсы на привычное удовлетворение текущих потребностей, вкладываться в укрепление здоровья, получение основного и дополнительного образования, тратить временной ресурс на поиск лучшего места работы (вплоть до миграции) и даже устроиться на неквалифицированную и низкооплачиваемую работу с возможностями обучения [2, 317]. Л. Туру и В. Марцинкевич предлагаю включать в человеческий капитал также и проявление уважения к политической власти, навыки социального взаимодействия, честность и отсутствие стремления нарушить социальную стабильность [8, 14; 38, 104].

Работы начала — середины XX в. о человеческом капитале и его влиянии на производительность и экономическое развитие расширили его понимание, включили в анализ социальные институты, предложили количественные оценки некоторых составляющих человеческого капитала и его роли в экономиках стран. Предваряя анализ дальнейших исследований, проводившихся на рубеже XX—XXI вв.

до современного этапа, можно сделать промежуточные выводы и зафиксировать аспекты междисциплинарности категории человеческого капитала, которые открывают выход на практические рекомендации для микросубъектов и всей экономики.

Во-первых, составляющие человеческого капитала характеризуются, скорее, качественными характеристиками, зависящими как от усилий самого человека, так и от окружающей его среды, измерить которые практически невозможно. Во-вторых, усматривание новых качественных характеристик в параметрах человеческого капитала дополнило анализ человеческого капитала институтами, связанными с его формированием и развитием. В-третьих, несмотря на выявление все большего количества качественных составляющих человеческого капитала, понятие дохода в этой категории является все же определяющим для экономики. В-четвертых, исследования природы человеческого капитала и его влияния на производительность дало дополнительный стимул развития теоретических и прикладных аспектов экономики труда.

Проведенный анализ позволяет заключить, что переход развитых стран к постиндустриальному обществу характеризуется фундаментальной трансформацией хозяйственных отношений, где ключевым ресурсом развития выступают знания, информация и человеческий капитал. Центральная роль в его формировании принадлежит современной системе образования, отвечающей требованиям непрерывности, гибкости и вариативности, с особым акцентом на высшей школе как институте подготовки специалистов нового типа. Расширяющееся теоретическое осмысление человеческого капитала значительно обогатило экономический анализ, включив в него социальные институты и качественные характеристики. Несмотря на особенности методологии, связанной с измерением его составляющих, человеческий капитал утвердился как ключевая детерминанта экономического роста, требующая дальнейших междисциплинарных исследований и разработки практических механизмов инвестирования в воспитание и образование.

Литература

1. *Беккер Г.* Человеческий капитал. Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11.
2. *Блауг М.* Методология экономической науки. М.: Вопросы экономики, 2004.
3. *Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д.* Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999. 309 с.
4. *Капельюшников Р.И.* Современные западные концепции формирования рабочей силы. М.: Наука, 1981.
5. *Капельюшников Р.И.* Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 17—32.
6. *Ломоносов М.В.* О сохранении и размножении российского народа // Журнал древней и новой словесности. 1819. Ч. 5. № 6: URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauka/ro-obschestvenno-voprosam-1761-1763/science-2.htm> (дата обращения: 04.09.2025).
7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. М.: Политиздат, 1978. 907 с.
8. *Марцинкевич В.И., Соболева И.В.* Экономика человека. М.: Аспект-Пресс, 1995.
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Прогресс, 1993.
10. *Маслов Г.А.* Развитие творческого труда как основа обеспечения технологической независимости: теоретический опыт отечественных и западных школ // Российский экономический журнал. 2023. № 5. С. 4—18.
11. *Миль Дж.С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
12. *Нуреев Р.М., Карапаев О.В.* Три этапа становления цифровой экономики // Вопросы регулирования экономики. 2019. Т. 10. № 2. С. 6—27.
13. *Петти У.* Политическая арифметика // Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940. 324 с.

14. *Петти У.* Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики: В 2 т. Т. 1. М.: Эконов, 1993.
15. *Петти У.* Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940.
16. *Рикардо Д.* Начала политической экономии // Антология экономической классики: В 2 т. Т. 1. М.: Эконов, 1993. 475 с.
17. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.
18. *Степанова Т.Д.* Износ человеческого капитала // Философия хозяйства. 2019. № 3 (123). С. 137—148.
19. *Тейлор Ф.У.* Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991. 104 с.
20. *Фридман М.* Количественная теория денег. М.: Эльф Ко-пресс, 1996. 131 с.
21. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Про-гресс, 1982. 455 с.
22. *Arrow K.* Higher Education as a Filter // Journal of Public Economics. 1973. Vol. 2. No. 3.
23. *Becker G.* Economic Analysis and Human Behavior // Advances in Behavioral Sciences. Norwood: Ablex Publ. Corp., 1987. Vol. 1. P. 3—17.
24. *Becker G.* Human Capital and the Personal Distribution of Income: an Analytical Approach. Ann Arbor, Institute of Public Administration, 1967. 49 p.
25. *Becker G.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // The Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. P. 9—49.
26. *Berg I.* Education and Jobs: the Great Training Robbery. N. Y., 1972.
27. *Kuznets S.* Capital in the American Economy: Its Formation and Financing. Princeton, 1961.
28. *Kuznets S.* Toward a Theory of Economic Growth // National Policy for Economic Welfare at Home and Abroad. N. Y.: Garden City, 1955. P. 12—77.
29. *Machlup F.* The Economics of information and Human Capital. Princeton, 1984.
30. *Mincer J., Higuchi Y.* Wage Structures and Labor Turnover the United States and Japan // Journal of the Japanese and International Economics. 1988. No. 2. P. 97—133.

31. *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. No. 4. P. 281—302.
32. *Mincer J.* Schooling, Experience and Earnings. NBER, 1974. 178 p.
33. *Psacharopoulos G.* Returns to Education: an Updated International Comparison // Comparative Education. 1981. Vol. 17. No. 3. P. 321—341.
34. *Schultz T.* Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities // Economic Research: Retrospect and Prospect. 1972. Vol. 6.
35. *Schultz T.* Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. P. 1—17.
36. *Schultz T.* Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities). N. Y.: National Bureau of Economic Research, 1972. 84 p.
37. *Spence A.M.* Market Signalling. Cambridge, 1974.
38. *Thurrow L.* Investment in Human Capital. Belmont, 1970.
39. World Development Report 2023: Migrants, Refugees and Societies. Washington, DC: World Bank, 2023.

References

1. *Bekker G.* CHelovecheskij kapital. Vozdejstvie na zarabotki investicij v chelovecheskij kapital // SSHA: ekonomika, politika, ideologiya. 1993. № 11.
2. *Blaug M.* Metodologiya ekonomiceskoy nauki. M.: Voprosy ekonomiki, 2004.
3. *Dobrynin A.I., Dyatlov S.A., Cyrenova E.D.* CHelovecheskij kapital v tranzitivnoj ekonomike: formirovanie, ocenka, effektivnost' ispol'zovaniya. SPb.: Nauka, 1999. 309 s.
4. *Kapelyushnikov R.I.* Sovremennye zapadnye koncepcii formirovaniya rabochej sily. M.: Nauka, 1981.
5. *Kapelyushnikov R.I.* Ekonomicheskij podhod Geri Bekkera k chelovecheskomu povedeniyu // SSHA: ekonomika, politika, ideologiya. 1993. № 11. S. 17—32.
6. *Lomonosov M.V.* O sohranenii i razmnozhenii rossijskogo naroda // ZHurnal drevnej i novoj slovesnosti. 1819. CH. 5. № 6: URL:

<http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauka/po-obschestvenno-voprosam-1761-1763/science-2.htm> (data obrashcheniya: 04.09.2025).

7. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. M.: Politizdat, 1978. 907 s.
8. *Marcinkevich V.I., Soboleva I.V.* Ekonomika cheloveka. M.: Aspekt-Press, 1995.
9. *Marshall A.* Principy ekonomicheskoj nauki. T. 1. M.: Progress, 1993.
10. *Maslov G.A.* Razvitie tvorcheskogo truda kak osnova obespecheniya tekhnologicheskoy nezavisimosti: teoreticheskij opyt otechestvennyh i zapadnyh shkol // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2023. № 5. S. 4—18.
11. *Mill' Dzh.S.* Osnovy politicheskoy ekonomii s nekotoryimi prilozheniyami k social'noj filosofii / Per. s angl. M.: Eksmo, 2007. 1040 s.
12. *Nureev R.M., Karapaev O.V.* Tri etapa stanovleniya cifrovoj ekonomiki // Voprosy regulirovaniya ekonomiki. 2019. T. 10. № 2. S. 6—27.
13. *Petti U.* Politicheskaya arifmetika // Ekonomicheskie i statisticheskie raboty. M.: Socekgiz, 1940. 324 s.
14. *Petti U.* Traktat o nalogah i sborah // Antologiya ekonomiceskoy klassiki: V 2 t. T. 1. M.: Ekonov, 1993.
15. *Petti U.* Ekonomicheskie i statisticheskie raboty. M.: Socekgiz, 1940.
16. *Rikardo D.* Nachala politicheskoy ekonomii // Antologiya ekonomiceskoy klassiki: V 2 t. T. 1. M.: Ekonov, 1993. 475 s.
17. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Izd-vo social'no-ekonomiceskoy literatury, 1962.
18. *Stepanova T.D.* Iznos chelovecheskogo kapitala // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 3 (123). S. 137—148.
19. *Tejlor F.U.* Principy nauchnogo menedzhmenta. M.: Kontroling, 1991. 104 s.
20. *Fridman M.* Kolichestvennaya teoriya deneg. M.: Elf Kpress, 1996. 131 s.
21. *SHumpeter J.* Teoriya ekonomiceskogo razvitiya. M.: Progress, 1982. 455 s.

|||

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Н.Н. РОСТОВА

Синтез искусств: Кандинский, Шенберг и Скрябин*

Аннотация. В статье анализируется идея синтеза искусств в творчестве В. Кандинского. Автор показывает, как его проект пересекается с музыкальными поисками А. Шенберга и А. Скрябина. Общим для творцов оказывается попытка преодолеть сферу эстетики в антропологии. Однако если Кандинский и Шенберг остаются в пленах вагнеровского понимания синтеза искусств как объединения различных видов искусств, то Скрябин претендует на то, чтобы создать новую мистерию. Автор показывает различие зрелища и действия, эстетического восприятия и мифологического и вскрывает причины, по которым проект Скрябина оказался обречен.

Ключевые слова: философия искусства, русское искусство, антроподицей, мистерия, романтизм.

Abstract. The article analyzes the idea of art synthesis in the works of V. Kandinsky. The author shows how his project intersects with the musical searches of A. Schoenberg and A. Scriabin. What the creators have in common is an attempt to overcome the sphere of aesthetics in anthropology. However, while Kandinsky and Schoenberg remain trapped in Wagner's understanding of the synthesis of art as a union of different types of art, Scriabin claims to create a new mystery. The author shows the difference between spectacle and action, aesthetic perception and mythological, and reveals the reasons why Scriabin's project was doomed.

Keywords: philosophy of art, Russian art, anthropodicy, mystery, romanticism.

УДК 18
ББК 85

Идея синтеза искусств — центральная для В. Кандинского, как и для всего искусства XX в. В пределе своем внутренним телосом

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. Синтез искусств: Кандинский, Шенберг и Скрябин // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 163—176. DOI: 10.5281/zenodo.17341016.

этой идеи оказывается антроподицей. Искусство покидает сферу чистой эстетики и становится на место культа, претендуя на то, чтобы творить новый миф, оправдывающий человеческое существование. Знаменитый трактат Кандинского «О духовном в искусстве» — это не размышления теоретика, но воззвание пророка к вхождению в новый мир, который Кандинский называл эпохой Духовности. Его полотна из картин, услаждающих взгляд, превращаются в композиции. Цель композиций — не эстетическое восприятие, но достижение гармонии души, ее красоты и совершенства.

То, что Кандинский делал в живописи, одновременно Скрябин и Шенберг делали в музыке. Они искали новую гармонию, отказывались от «привычно красивого», уводя от акустических переживаний к «психическим», духовным. И Кандинский это знал. После концерта Шенберга он создал картину «Впечатление III. Концерт» (1911). В желто-черно-белых пятнах специалисты угадывают рояль, маэстро, зрителей и поток музыки. Но Кандинского интересует не предметность, а то, что по ту сторону предметности. Как он говорил: «В каждой работе должно оставаться пустое место, т. е. такое, которое ни к чему не обязывает!» [1]. Ради этой переполненной пустоты он творил. Ее же он прозрел и у композиторов. С Шенбергом он завязал переписку, переросшую в многолетнюю дружбу, со Скрябиным ему не довелось познакомиться, хотя работы о нем публиковал в «Синем всаднике».

В 1911 г. Кандинский Шенбергу так и написал: «В своих произведениях Вы осуществили то, чего я, пусть и в неясной форме, так нетерпеливо ожидал от музыки. Независимое следование собственным судьбам и самостоятельная жизнь отдельных голосов в Ваших композициях — именно этого я пытаюсь достичь в живописной форме» [1]. Кандинский поддерживал не только музыку, но и художественные опусы друга, включая их в свои выставки. Ему нравилась их простота и содержательность. Например, «Автопортрет» (1911). «Его “Автопортрет”, — говорит Кандинский, — написан так называемой “грязью” палитры. Какой другой материал мог ему позволить добиться такого сильного, трезвого, точного, лаконичного впечатления?» [2, 204].

Шенберг, как и Кандинский, пробиваясь сквозь застывшие формы к живому чувству, так формулирует пафос нового искусства:

«Мое стремление — полное освобождение от всех форм. От всех символов взаимосвязи и логики. Итак, прочь от “мотивной работы”. Прочь от гармонии как цемента или строительного материала архитектуры. Гармония есть выразительность, и ничто иное. Далее — прочь от пафоса! Прочь от тяжеловесных длинных сочинений, от возведенных и сконструированных башен, скал и прочего гигантского хлама. Моя музыка должна быть краткой. Сжато! В двух нотах: не строить, но “выражать”!! А результат, на который я рассчитываю: никаких стилизованных и стерилизованных продолжительных чувств. Такого нет у людей: человеку невозможно испытывать в каждый отдельный момент только одно чувство. Их сразу тысячи. И эти тысячи так же плохо суммируются, как яблоки и груши. Они противоречат друг другу. И эту пестроту, это многообразие, эту нелогичность наших ощущений, нелогичность, которая обнаруживается в ассоциациях, нарастающем волнении, какой-нибудь чувственной или нервной реакции, я хотел бы передать в своей музыке. Она должна быть выражением ощущения как оно есть, связующего нас с нашим бессознательным, а не уродливой смесью ощущения и “осознанной логики”» [9, 56—57]. Шенберг — душевед, антрополог. Через музыку он подходит к тайне внутреннего мира человека, его непостижимой сложности. Достоевский, приближаясь к этой тайне, обнаружил «двойные мысли» и «роковую бурду» сознания. Розанов говорил о том, что его душа сплетена из грязи, нежности и грусти. Г. Иванов уподобил душу распадающемуся на мириады частей атому: моя душа, говорит он устами своего героя, словно взбаламученное помойное ведро. Шенберг говорит, что всякое состояние — это тысячи чувств и в них нет логики, правил сочетания, но лишь непостижимое соприсутствие. Драма Шенберга «Ожидание» в течение получаса раскрывает сложность всего одного чувства — страха. Шенберг хотел под музыкальной лупой посмотреть, что такое одна секунда страха.

Но оба они, Кандинский и Шенберг, мыслят синтез искусств в вагнеровском смысле как объединение различных видов искусств. Хотя сам Кандинский ставит своей целью преодолеть теорию Вагнера, который, по его мнению, все еще находится в пленах старых традиций и объединяет искусства внешним образом [2, 240]. В чем суть теории Вагнера? Проповедуя идеал цельного (здравого, артистиче-

ского) человека, сочетающего тело, чувство и рассудок, которому соответствует всеобщее искусство (единое, неограниченное), Вагнер остается в рамках театральной логики. Его идеалом являются «отец трагедии» Феспид (Феспис) и Бетховен, явивший 9-ю симфонию. Образом искусства будущего оказывается драма, предполагающая актера-исполнителя (содружество художников), сцену (плод усилий архитекторов и живописцев) и произведение, синтезирующее танец, музыку и поэзию. Самопознание, актуализацию всеобщей чувственной способности, раскрытие себя обществу, преодоление индивидуализма и восхождение к «родовому существу» Вагнер связывает с исполнительским искусством. Возникновение трагедии в Древней Греции он расценивает не как антропологический регресс, связанный с умиранием культа, а вместе с ним — форм тотального присутствия, но, напротив, как расцвет культуры. Народ, скажет он, стремился превзойти уже созданное.

Как на практике Кандинский реализует идею синтеза искусств? Кандинский переводит живопись в поэзию, публикуя сборник белых стихов «Звуки»: цвет он эксплицирует в слова, слова — в звуки и обратно звуки — в картины, снабжая сборник гравюрами. Вот, к примеру, его черно-красно-белое стихотворение «Возвращение» о власти неминуемого, когда дом *твой*, потому что он «высок, узок и бел». Кандинский буквально рисует словами:

«Ворота открылись. Юноша вошел в них и снова был на родине. Только никогда уже не бывало небо голубым, никогда не было серым. Никогда уже не приходило облако и не уходило. Небо было черное. Гладко-черное с прозрачными пурпурно-красными по нем цветами, будто розами. И не было уже деревьев с дрожащей листвой и колючими хвоями. Все деревья были одинаковы, и на их белых стволах были как бы гладкие блестящие золотые шары, подобные куполам. И земля была гладкий серый камень. Ни трещины, ни бугорка. И здания были все кубообразные, литые из тонкого стекла. Так что в зданиях видны были люди и сквозь здания — дали. У каждого здания лежала черная пантера, и ее зеленые узкие глаза светились. Юноша шел и искал свой дом. Он шел от одного дома к другому дому, и в каждом доме шел ему навстречу человек и качал молча головою через тонкое стекло справа налево. Так шел юноша от дома к дому, от дома к дому. Так пришел он к высокому, очень высокому дому, который был очень узок и ослепительно бел. Этот дом был очень высок,

очень узок и очень слепил глаза. В этот дом юноша вошел, потому что это был его дом, потому что этот дом был высок, и узок, и бел».

Или «Пейзаж» — стихотворение, которое предполагалось для несостоявшегося русского издания «Звуков» и не вошедшее в мюнхенское:

«По-твоему, озеро серебряное?

Оно не серебряное! Оно мокрое. Смотри, вон его мокрую воду пьет барашек. Лучше бы он не пил. Не стоит. Вон уж идет мясник с большим, с большим ножом. Он уж его ищет. Он его найдет. Невозможно, чтобы он его не нашел. И к чему он еще пьет?

Или, может быть, совершенно необходимо, чтобы он попил еще раз? Это так по-твоему, но, по-твоему, и озеро серебряное!

Другой: Озеро серебряное и длинные, длинные тягучие облака — блуждающие по небу лиловые дороги. А большие горы там позади — спящие чудовища, покрытые старыми, заплесневелыми, истертыми шкурами.

И большое молчание — громкая речь.

Разве слезы — драгоценные жемчужины, которые ты боишься растерять?».

Для одних озеро серебряное, для других — мокрое, но это лишь две стороны одной и той же жизненной тоски.

Стихи Кандинского походят на хокку. Они предоставляют пустоту для вызревания внутреннего чувства. Например:

«Колокол пытается пробить в воздухе дыры. И не может. Он всегда пойман».

Что большего можно сказать о нашей жизни? Колокол звонит, но не может пробить дыры. Он не может пробить дыры, но он звонит. Конечно, можно написать «Женщину в песках» или «Миф о Сизифе». А можно сказать три фразы.

Кандинский желает преодолеть фрагментарность культуры, ступенчато дробящую жизнь на сферы — материальную и духовную, духовную сферу — на искусства, науки, философию, религию и мораль, в свою очередь, искусство — на отдельные виды искусств. Культурной логике «или» Кандинский противопоставляет тотализирующую логику «и». Нужно, заявляет он вслед за Вагнером, сломать стены. Кандинский проводит эксперименты с танцем и музыкой. Ф. Гартман переводит живопись Кандинского в музыку, танцовщик

А. Сахаров танцевал под нее, а затем определял картины, лежащие в основании музыки и танца.

Вслед за декларированием проекта сценической композиции, сочетающей в себе живопись, музыку и танец, Кандинский создает либретто «Желтый звук». Здесь есть все: игра мрака, света и тумана, голосов, пауз, звуков, аккордов и криков, цветовые видения, бег, прыжки и танец, перетекание форм, артисты-символы — ребенок, великаны, существа в цветных одеждах; речитативы загадочного содержания с непредсказуемым ритмом, наподобие:

Цветы покрывают все, покрывают все, покрывают все.
Закрой глаза! Закрой глаза!
Мы созерцаем. Мы созерцаем.
Прикрываем зачатие невинностью.
Открой глаза! Открой глаза!
Мимо. Мимо [4].

Композиция заканчивается сценой: на синем фоне светло-желтый великан с белым лицом и большими черными глазами поднимает руки, разрастаясь ввысь и становясь крестом. Внезапная темнота и музыка.

О театральном замысле Кандинского, построенном на контрасте музыки и цвета, «красоты» и «гнусности», победы и печали, баса и писка, мы можем судить по выдержке из письма к композитору Ф.А. Гартману, который написал музыку к «Желтому звуку»:

«...желтое растет и все перед ним тает! Тут я очень слышу деревянные инструменты. м.б., ими это таяние и кончить? Когда этакий мошенник-фагот как-то в нос забасит. — Дальше кое-где можно бы пустить “красоты”, которая вдруг кончается гнусностью. А из гнусности то победа ворвется, то такая печаль, что, когда думаю о ней, сердце щемит. Особенно эти скачки кажутся мне нужными в общем танце (Карт. 5). Внимание к явлению белого человека очень должна выразить музыка: как они все постепенно все больше на него смотрят. А когда он, наконец, опирается на руку и все кончается будто ничем, тут, м.б., хоть Камаринского запустить. Самых же великанов хорошо бы характеризовать то “органными” низкими нотами, а то писком...» [5].

Помимо «Желтого звука» Кандинский создал сценические композиции «Зеленый звук», «Фиолетовый занавес», «Черный и белый» (1909—1914 гг.).

Позже Кандинский представил живописную партитуру для «Картинок с выставки» М. Мусоргского. Живописно-музыкальную постановку с танцорами, игрой света и декорациями показали в Театре Фридриха в Дессау в 1928 г., правда, от творений Кандинского до нас дошли только 16 акварелей и описание некоторых его идей [3, 282].

Обычно «Картинки с выставки» Мусоргского, написанные композитором под впечатлением от посмертной выставки картин своего друга В. Гартмана, рассматривают как пример синтеза искусств — живописи и положенной на нее музыки. Но Кандинский идет дальше: для него главное не «картинки», а переживания Мусоргского, запечатленные в музыке. Визуальная сценография Кандинского должна была резонировать с этими переживаниями. Мы видим, как дошедшие до нас эскизы Гартмана через Мусоргского — Кандинского превращаются в рычаги нашей чувственности — строгие линии, фигуры, цветоритмы, сменяя повествовательность Гартмана — Мусоргского. В 1983 г. попытку реконструировать постановку Кандинского 1928 г. предприняли немецкие студенты, а в 2017 г. — студенты школы-студии МХАТ («Планета Кандинского»).

Шенберг, в силу непреднамеренных координаций, одновременно с Кандинским создает либретто «Счастливой руки», сочетаю в сценическом действе музыку, соло, хор, декорации, световую партитуру, костюмы, режиссерские указания о жестах, позах и мимике актеров. «“Желтый Звук”, — признается Шенберг Кандинскому, — мне чрезвычайно нравится. Это совершенно то же самое, к чему я стремился в “Счастливой руке”» [1]. Планируемое сочинение по «Серафите» Бальзака в письме Кандинскому Шенберг называл ораторией для слуха и зрения. Это, писал он, будет «философия, религия, постигаемые органами художественного восприятия» [1].

И все же в названных попытках представить синтез искусств нет главного — преодоления рампы. Зрелице не становится действом. Локальное не переходит в тотальное. Искусства продолжают свое самоценное существование в эстетической зоне восприятия. Они не превращаются в мистериальную лаву, плавящую нашу душу.

Иное дело Скрябин. Он радикален. Он не любит театральность, но любит само переживание. Ему не близки композиторы, ко-

торые *просто* пишут музыку. Ему нравится Чюрленис своими видениями, но для него тот недостаточно решителен, ибо свои грэзы он не хочет сделать реальностью. Вагнера он критикует за то, что тот не смог преодолеть принцип представления. Скрябин не только расширяет музыкальное искусство, сочиняя световые партитуры к своим произведениям на основе своей идеи соответствия тональностей цветовому спектру и метафизике духа, не только, как Кандинский, подходит к творчествуrationально-интуитивно, в поисках совершенной формы скрупулезно высчитывая такты, ноты, располагая тональности в соответствии с их отношением к духу и материи, а значит, к синему и красному цветам («Прометей» (Поэма огня))¹, он хочет создать Мистерию. Мистерию не как музыкальное произведение, но как новый миф, который обновит мир. Мистерия — это акт перерождения человечества в новое качество. Для Скрябина синтез искусств — значит возвращение искусства к собственной истине искусства, т. е. к изначальному единству.

Возвращение искусства к единству соответствует возвращению сознания к самому себе, что является целью «Мистерии». Играющий сам с собой дух занят творчеством, т. е. различием, становящимся в конце концов, бессознательным. Вернуть дух к себе, абсолютному (осо)знанию себя, должна мистерия, синтетическое действо. Искусство — это мост к единству. Синтез искусств — зеркало инволюции мира (=сознания).

Скрябин мыслит «Мистерию» как грандиозное действие, ломающее театральную логику. Исчезнет рампа. В нем не будет зрителей и актеров, но будут только участники. Это будет соборный акт. Для него будет построено специальное полукруглое здание. Отражаясь в воде, оно создаст образ сферы — символа завершенности. Скрябин присматривал для этого сооружения место на берегах Ганга, мечтал отправиться туда и купить участок. Его влекла Индия как колыбель человечества и его закономерный финал. Здесь круг истории должен замкнуться. Он планировал организовать курсы для статистов и

---

¹ По такому принципу, например, построен «Прометей»: Скрябин идет от тональности, соответствующей духу и синему цвету разума, к тональности, соответствующей выражению духа в материи и красному цвету. Завершается драма возвратом к «духовной» тональности.

найти помощников. Хотел собрать деньги на сооружение, правда, успел купить только пробковую шляпу от солнца. Народ, по его мысли, пойдет на зов колокольного звона к храму в Индии и соберется вместе. Выстроенные концентрическими кругами участники предадутся экстатической пляске-метаморфозе, которая продлится семь дней. Пляска мыслится как последняя и священная. Итогом должна стать дематериализация. Партитура действия включает музыку, текст, танец, шествия, декламации, хор, сольное пение, шепоты, свет и запах, «симфонию взров» («ласкание» своих жестов взором) [6, 128] и даже непроизносимые звуки, — насколько мы можем судить по материалам и воспоминаниям современников Скрябина [7, 612; 6, 124].

Замыслу Скрябина визуально соответствуют грандиозные полотна его друга Н. Шперлинга «Траурный марш» (не позднее 1913 г.) и художника К. Юона «Новая планета» (1921). Перед нами разворачивается катастрофа, мир никогда не будет таким, как прежде, а то, что нарождается, неведомо, непостижимо, превосходит ум и чувства. Бесстрастно пульсирующей эстетике апокалипсиса Кандинского («Композиция VI») противостоит мистериальный ужас Скрябина, Шперлинга и Юона. Как свидетельствует Л. Сабанеев, единственные картины, висевшие в доме Скрябинах, были кисти Шперлинга. Они и сегодня украшают стены его мемориальной квартиры.

Скрябин выходит за пределы эстетики, понимая под искусством не часть культуры, но сферу вселенского преображения. Однако, выходя за пределы эстетики, вопреки своим намерениям, он не входит в пространство мистерии, т. е. общего дела. Проект Скрябина, как и другие подобные проекты, объединяют понимание искусства как источника культуры и одновременно невозможность искусства исполнить возложенную на него роль культа. Такие проекты обречены, ибо являются продуктом индивидуального творчества, противоречащего духу соборности. В действе нужны не статисты, пусть даже обученные, но подлинно участники. Здесь сознание должно преодолеть оковы субъективности и трансформироваться в режим причастности целому. А для того должно быть общее символическое пространство. В случае со Скрябиным это несоответствие выражалось в самой жизни художника, вернее его смерти. Бесконечное, по-

стигая себя, по мысли Скрябина, в конечном, словно раздавило конечное. Жизнь духа оборвала курьезная случайность. Вознамерившийся обновить человечество во вселенской Мистерии умер от карбункула на губе.

Однако дело не в биографии. А в том, что Скрябин в конечном итоге романтик. Он утонул в своем сумрачном романтизме, т. е. индивидуализме. Его «Поэма экстаза», идеально связанная с «Мистерией», — это серебристая романтическая музыка. «Мистерия» Скрябина в конечном итоге сжалась до «Предварительного действия». Скрябин отложил работу над «Мистерией», сосредоточившись на введении к ней, действе, которое ее предваряет. Правда, в ходе работы содержание «Мистерии» органично влилось в «Предварительное действие». До нас дошли лишь подготовительные материалы произведения — наброски текста и музыки. Кто слышал сочиненную музыку, убеждает, что она была небесной, мерцающей, тонкой и нежной, а в колокольных призывах человечества — жуткой, лучезарной, мрачной, как последний набат [6]. Но композитор ее не записал. Работу над сочинением прервала его смерть. Реконструкции «Предварительного действия» (Александр Немtin) — концертная музыка, полная оттенков, настроений и пафоса. Иными словами, это музыка индивидуальных переживаний, исключающих Другого, равно как и Мы.

Учение Скрябина, представленное в тексте «Предварительного действия», построено на парадоксальной максиме: дух жаждет жизни. Но как нечто абсолютное, имеющее причину в самом себе, может обнаружить в себе нехватку? Как вообще дух совместим с жизнью, а сознание с ощущением? Много других противоречий мы встретим у Скрябина, пытающегося сочетать идею возврата к единству и небытию и новое миростроительство; различие блага и мира падшего с идеей творчества по ту сторону добра и зла; идею экстаза, «огнекрылой пляски» [8, 208], знаменующей великий синтез, и пожаров земных страстей [8, 228]. Однако интересно другое. Реконструируя мир как историю творческого желания, Скрябин романтически воспевает смерть. Создает ее сладостный образ.

Приведем строки из «Предварительного действия», где смерть предстает как свет и последний экстаз:

Я последнее свершение.
Я блаженство растворения.
Я всезвездности алмаз.
Я всезвучное молчание,
Смерти белое звучание.
Я свобода, я экстаз.
Как тебя, о смерть, найти?
Как к тебе, Свет волшебный, прийти? [8, 203].

Смерть приходит в образе Девы к самому себя забывшему богу. Смерть не слепое чудовище с мертвенным ртом, но сладость единства, не зло, но величие, невеста, заведующая тайнами огня. Герой жаждет с ней слиться в любовном экстазе:

Он уступил чьему-то тайному внушению.
Звено упущено... Оторванный от снов
И взятый вихрями стихийного свершенья,
Стремится к свету он на чай-то нежный зов.

Не бойся, дитя, я тобою желанная!
Ты, мной ослепленный, меня не узнал!
Не раз за тобой я ходила нежданная.
Ты смерти боялся, от смерти бежал.

Тогда разделяли нас к долу пристрастия.
Твой взор был всецело землей поглощен.
Ты не был готов для святого причастия.
Ты мною не мог быть тогда восхищен.

Ужели ты та же, что жадными жалами
Пронзала страдавших в темнице времен?
Тебе мои ласки казались кинжалами,
И в страха глазах был мой лик изменен.

Зачем приходила ко мне ты в обличии
Слепого чудовища с мертвенным ртом?
Дитя, ты воспринял так смерти величие,
Очами испуга все видел ты злом.

Мой облик лучистый, мой облик сверкающий —
Твое отреченье от жизни земной,
Лишь чистой любовью ко мне истекающий,
Меня постигает, любуется мной

Я в храме души твоей сладость созвучия
О небе поющих воскрыльями снов.
Я сладость единства, я ласка певучая
В блаженном слиянии всех голосов.

Твое отреченье от мира пурпурного
В тебе разбудило невесту — меня.
Познай же все радости неба лазурного,
Тебе я открою все тайны огня!

О Дева пречистая, сладость мечтания,
Дай слиться с тобой в совершенной любви!
Сладчайший, не проilden весь путь испытания,
Твой грех не искуплен, одежды в крови [8, 224—225].

Каждый из нас любит смерть, не зная того. Мы тянемся к ней и вместе с тем бежим от нее. Бежим, потому что ослеплены. Тянемся, потому что жизнь — тьма, смерть — свет [8, 229—230]. Огневая пляска дарует единство, т. е. смерть [8, 233—235].

Во второй редакции текста представлен диалог со смертью как беседа мужественного и женственного, которая есть не что иное, как беседа «господа», который забыл себя, с самим собой (женственное всегда отвечает: «Нет меня, лишь ты бываешь»), по сути, ничего, кроме света смерти, нет [8, 236].

Апокалиптический проект Скрябина так и остался художественным авторским произведением, соответствующим локальным пространствам культуры — галереям, музеям, концертным залам, библиотекам. Проблема состоит не только в том, что Скрябин не решился на Мистерию и сковал ее, как обычно выражаются, до театрального представления «Предварительное действие», но, прежде всего, в том, что романтизм, пронизывающий его проект, убивает дух мистерии. Он погружает в индивидуальные, приватные переживания. В основе своей романтизм — это нарциссизм, любование своими приватными состояниями. Собор — это отказ от «я».

* * *

Кандинского, Шенберга и Скрябина объединяет еще и то, что современники решительно считали их безумцами, шарлатанами, эзотериками, ненормальными, чудаками, что, несомненно, бросало несчастливый луч на их личную жизнь.

Шенберг, как говорит Кандинский, за свою «атональную» музыку был объектом всеобщих насмешек. Сам Кандинский сталкивался с требованием прессы закрыть его выставки и даже с уничтожением публикой полотен. Книгу «О духовном в искусстве» он опубликовал с трудом. Как он пишет, в 1910 г. законченный текст ему пришлось положить в стол, поскольку ни один издатель не готов был рисковать вложить свои деньги в публикацию. Вначале Кандинский получал отказы от немецких издателей со ссылками на несовершенство своего немецкого языка, затем получил аналогичные отказы от русских издателей со ссылками на несовершенство уже русского языка. Помог соратник Франц Марк, который выступил для него посредником с издателем Р. Пипером. Скрябин, будучи уже автором Третьей симфонии и «Поэмы экстаза», получил от издателя Ю. Циммермана отказ публиковать его произведения в такой уничижительной формулировке: «Мы показывали Ваши сочинения специалистам, но они нашли, что Ваши сочинения не могут быть напечатаны. Но если Вы будете любезны написать несколько приятных танцев для фортепиано, то мы будем чрезвычайно польщены возможностью их издания» [6, 98]. По воспоминаниям, Скрябина развеселила эта бумага и он ее хранил как «человеческий документ».

Однако неудобное антикультурное творчество этих «безумцев» создало нашу культуру, позволило быть дню сегодняшнему. Оно оправдывает существование нас, «нормальных».

Литература

1. Кандинский В., Шенберг А. Переписка 1911—1936. М.: Грюндиссе, 2017: URL: https://online-biblio.tk/bookid_67295565/ (дата обращения: 20.05.2025).
2. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2 т. Т. 1. 1901—1914. М.: Гилея, 2001.
3. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2 т. Т. 2. 1918—1938. М.: Гилея, 2001.

4. Кандинский В.В. О сценической композиции // Синий всадник / Под ред. В. Кандинского, Ф. Марка. Мюнхен, 1912: URL: <https://kandinsky-art.ru/library/siniy-vsadnik17.html?ysclid=m8ir34i77m494477793> (дата обращения: 20.05.2025).
5. РГАЛИ, Ф. 2037, оп. 1. ед. хр. 126. Л. 1—2.
6. Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М.: Классика — XXI, 2000.
7. Скрябин А.Н. Письма. М.: Музыка, 2003.
8. Скрябин А.Н. Предварительное действие // Русские пропилеи. Т. 6. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 202—247.
9. Der Briefwechsel zwischen A. Schönberg und F. Busoni / Hrsg. von J. Theurich. Berlin, 1979.

References

1. Kandinskij V., Shenberg A. Perepiska 1911—1936. M.: Gryundisse, 2017: URL: https://online-biblio.tk/bookid_67295565/ (data obrashcheniya: 20.05.2025).
2. Kandinskij V.V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva: V 2 t. T. 1. 1901—1914. M.: Gileya, 2001.
3. Kandinskij V.V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva: V 2 t. T. 2. 1918—1938. M.: Gileya, 2001.
4. Kandinskij V.V. O scenicheskoy kompozicii // Sinij vsadnik / Pod red. V. Kandinskogo, F. Marka. Myunhen, 1912: URL: <https://kandinsky-art.ru/library/siniy-vsadnik17.html?ysclid=m8ir34i77m494477793> (data obrashcheniya: 20.05.2025).
5. RGALI, F. 2037, op. 1. ed. hr. 126. L. 1—2.
6. Sabaneev L.L. Vospominaniya o Skryabine. M.: Klassika — XXI, 2000.
7. Skryabin A.N. Pis'ma. M.: Muzyka, 2003.
8. Skryabin A.N. Predvaritel'noe dejstvie // Russkie propilei. T. 6. M.: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1919. S. 202—247.

В.Н. ПРОНЧАТОВ, А.М. ГОРБАЧЕВ

Метод Декарта как инструмент научного познания*

Аннотация. В современных учебных пособиях философия Декарта сводится к универсальному сомнению, из которого логически выводятся *мое* существование, существование Бога и окружающего мира. В результате философия Декарта становится одноразовой. Если существование *меня*, Бога и мира доказано, то второй раз это делать уже не нужно.

Авторы статьи утверждают, что философия Р. Декарта является обязательным для правоверного католика восхождением Души к Богу, который для Декарта является хранителем истин в последней инстанции, где собраны решения всех научных проблем. В полном соответствии с учением «отцов Церкви», границу земного и небесного охраняют эманации земных вещей. Выйдя на границу земного и небесного, восходящая к Богу душа может принять испарения «духов мира сего» за частицы божества, летящие ей навстречу. Это состояние богословы называют «духовной прелестью», где ложь принимается за истину.

Если философию Декарта понимать как разновидность восхождения души к Богу, то придется признать необходимость продлевать этот путь всякий раз заново. Мы считаем, что такое движение сохраняет актуальность и для современного естествознания

Ключевые слова: механическая картина мира, Рене Декарт, правила руководства ума, дедуктивный метод.

Abstract. In modern textbooks, Descartes' philosophy is reduced to universal doubt, from which my existence, the existence of God and the surrounding world are logically deduced. As a result, Descartes' philosophy becomes disposable. If the existence of me, God and the world is proven, then there is no need to do it a second time.

The authors of the article argue that Descartes' philosophy is a mandatory ascent of the Soul to God for a faithful Catholic, who for Descartes

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Прончатов В.Н., Горбачев А.М. Метод Декарта как инструмент научного познания // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 177—196. DOI: 10.5281/zenodo.17341051.

is the keeper of the ultimate truths, where the solutions to all scientific problems are collected. In full accordance with the teachings of the «Fathers of the Church», the boundary of the earthly and heavenly is guarded by the emanations of earthly things. Having reached the boundary of the earthly and heavenly, the soul ascending to God can take the fumes of the «spirits of this world» for particles of the deity flying towards it. Theologians call this state «spiritual deception», where a lie is taken for the truth. If Descartes' philosophy is understood as a kind of ascent of the soul to God, then we must recognize the need to make this journey anew each time. We believe that such a movement remains relevant for modern natural science.

Keywords: mechanical picture of the world, René Descartes, rules of mind guidance, deductive method.

УДК 1(091)

ББК 87.3

...повиноваться законам и обычаям моей страны, неотступно придерживаясь религии, в которой, по милости божией, я был воспитан с детства.

P. Декарт. Первоначала философии (1644 г.)

Постановка проблемы

Во многих учебниках философия Рене Декарта пересказывается через последовательность логических операций. Началом его рассуждений является сомнение, из которого последовательно выводятся его существование, существование Бога и, как следствие, объективность внешнего мира [11, 140—144]. В результате у читателя возникает ощущение некой незавершенности. Если бытие меня, Бога и мира доказано, то использовать рационалистический метод Декарта для решения других задач уже невозможно. Мы хотим рассмотреть основные идеи Декарта в контексте его эпохи, а также обнаружить в них возможность новой трактовки его рассуждений о методе, которые перестанут быть *только* литературным памятником и обретут актуальность в современной теории познания.

Предлагаемое решение проблемы

Мы считаем, что Декарт был правоверным католиком и его философия является обязательным для верующего восхождением индивидуальной души к Богу. В отличие от православного богословия, где соединение с Творцом становится условием праведной жизни и надеждой на бессмертие, французский философ считает Его гарантом своего существования и хранителем Истины в последней инстанции. Но, согласно теологическому канону, на пути к вечной благодати надо пройти через три уровня реальности, которые проходят герои «Божественной комедии» Данте. Дорога очищения ведет от тела к душе, дорога озарения приводит от души к Духу, а дорога единства — от Духа к Единому [19]. Соединиться с Единым душа человека может только после его смерти, а при жизни на пути к молитвенному экстазу верующему надо проходить эти уровни каждый раз заново. По этим путям движется и мистическая философия Декарта.

Декарт был правоверным католиком. Для него носителем истины является Бог. Если ученый хочет получить ответы на свои вопросы, он должен подняться к Богу, преодолевая множество препятствий, описанных многими мистиками. Поскольку вечное существование рядом с Богом возможно только для праведников после смерти, то каждая новая проблема заставляет ученого вновь идти тем же самым путем восхождения.

Характеристика эпохи Декарта

По установившейся традиции рассказ о философе начинается с характеристики того социального времени, в котором ему выпало жить и творить. Эпоху Р. Декарта основоположники марксизма называли механической картиной мира [23].

Субъекты начавшегося тогда исторического движения в большинстве своем были уверены, что мир подчиняется объективным законам, которые даны Богом. Их действие можно рассчитать с помощью математики, и количественные характеристики движения станут индивидуальной силой того, кто сумеет это сделать. В знаменитом афоризме Ф. Бэкона знание соединяется с силой и практически невозможно определить, что для него важнее.

Механическая картина мира ставит перед людьми три основные задачи. Все они борются со схоластикой, ищут эффективный метод научного познания и создают идеальную модель общества на основе врожденных свойств человеческой природы. Из многих вариантов социальных проектов чаще всего вспоминают Телемахскую обитель из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», обитатели которой руководствуются принципом «делай что хочешь», и Иосифо-Волоцкий монастырь, где, в соответствии с Уставом отца-основателя, монахи зарабатывают больше, чем получают, и тратят меньше, чем получают [7].

В технике стремление к знанию и силе прорезает орудийные порты в бортах кораблей прямо на стапеле (А. Дин), рассчитывает систему передач для ветряного, водяного и ступального колеса, создает токарно-винторезный станок с механизированным суппортом (А. Нартов), часы Хронометр (Дж. Харрисон) и систему шлюзов для движения по каналам.

Наглядным примером реализации проекта господства над природой может служить планировка Версальского парка А. Ленотром [17, 488]. Это одновременно и рукотворный Эдем, и зримое воплощение лаконичной формулы абсолютизма, принадлежащей еще Франциску I — «Один король, одна вера, один закон», — которая оказываетсяозвучной трехлучевой парковой композиции, как и принцип единства времени, места и действия из «Поэтического искусства» Н. Буало с его строгой иерархией жанров. Кроме того, парк представлял сложное инженерное сооружение с каналами, насосами, механическими приводами.

В эпоху Декарта появились книги, называемые «театром машин». Если инженер рисовал, скажем, систему шестеренок ступального колеса, он должен был изобразить людей, которые его обслуживают, в характерной для них одежде, и пространство, в котором это колесо установлено. Первый такой театр был создан Ж. Бессоном (примерно в 1540—1573 гг.), которого Карл IX назначил на должность «мастера по королевским механизмам». Его книга «Чертежи разнообразных приборов и машин, которые можно сконструировать» была опубликована в 1571—1572 гг. Она содержала 60 гравюр, которые изготовил Ж. Дюсерсо в соответствии с подробным описанием Бессона. На гравюрах были изображены измерительные и чертеж-

ные инструменты, которые стали гораздо позже использовать для создания первоначальных чертежей машин, а также токарных станков, камнерезных машин, лесопильных рам, карет, валов, землечерпалок, сваебойных машин, зерновых мельниц, тяговых машин, подъемных кранов, подъемников, насосов, машин по переработке отходов, морских двигателей и многое другое. В 1578 г. вышло новое издание его труда, содержащее более подробные описания, сделанные Фр. Вервилем, и четыре замененные гравюры работы Р. Буавена.

Классикой «Театра машин» считается одноименная многотомная энциклопедия немецкого механика Якоба Лейпольда (1674—1727, Лейпциг), которую он начал писать в 1720 г. В книге представлены 56 рисунков различных механизмов и их взаимодействие друг с другом.

Конечно, не все в XVII—XVIII вв. стремились увеличить индивидуальную силу посредством математических расчетов. Очень многие получали ее благодаря зверствам и насилию, но, к счастью, не они представляют потомкам Новое время.

Декарт о Боге. Декарт прожил свою жизнь как правоверный католик, поэтому рассказ о нем надо начинать с краткой характеристики католической веры.

В отличие от православия, которое следует за Платоном, католицизм ориентируется на философию Аристотеля. Этот древнегреческий мыслитель воспринимал вещь в единстве материи и формы. Формой он назвал платоновскую идею, но у него она не приходит в вещь извне, а существует в ней вместе с материей, для которой она становится формой. Святой Фома Аквинский дополнил форму Аристотеля идеей Бога как формой, увенчивающей иерархию форм. Учение Фомы католическая церковь признала своей официальной философией.

Если Бога заменить совокупностью общественных отношений, то сторонник материалистической философии согласится с тем, что душа вещи, т. е. общественные отношения, ей не принадлежит. В этом может убедиться любой владелец автомобиля. Он вступает в отношения с производителями бензина, службами страхования, магазинами запчастей, сотрудниками Госавтоинспекции, автосервисом, автомойками и даже с криминалом. Вне этих отношений автомобиль превращается в груду ржавеющего металла.

Декарт обращается к Богу, чтобы получить уверенность в том, что он существует в реальности и она ему не снится. Для его времени эта проблема была очень актуальной. В 1596 г. Шекспир пишет комедию «Сон в летнюю ночь», а в 1635 г. впервые поставлена пьеса испанского драматурга Кальдерона «Жизнь есть сон». В ней польский королевич Сигизмунд сидит в заточении. Враги внушают ему, что жизнь в королевском дворце ему приснилась, а на самом деле он всегда находился в тюремной башне. По мнению Декарта, сон никогда не может быть отличен от бодрствования с помощью верных признаков [6, 17].

В электромагнитной и квантовой картине мира проблема сна и реальности стала еще более актуальной. В обоих случаях реальность вещи заменили движение систем и квантовое единство субъекта с объектом. В результате человек вновь утратил различие между сном и явью. В повести М. Шолохова «Поднятая целина» товарищ Давыдов обвиняет мечтающего о мировой революции Макара Нагульного в том, что «тот живет как во сне». В книге «Человеческое познание» выдающийся математик и философ Б. Рассел говорит о невозможности различить сон и бодрствование. В романе Оруэлла «1984» идеолог тоталитарного государства убеждает героя, что он не существует. Во многих фантастических произведениях поднимается проблема искусственных воспоминаний, существования во сне, неотличимого от яви. В 1962 г. Дж. Баланчин (Г. Баланчивадзе) поставил балет по пьесе У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» на музыку Ф. Мендельсона. Постановка стала ностальгией балетмейстера по петербургской юности и балетам императорской России. По мнению М. Мамардашвили, «самое страшное — это проснуться среди чужого кошмара» [10]. А теперь представьте человека, который всю жизнь стремился к поставленной цели. Ради нее он отказался от всего, а, когда ее достиг, оказалось, что ни в окружающем мире, ни в его жизни ничего не изменилось. Не значит ли это, что все это время он жил во сне, который не соответствовал реальности?

Для творческого человека всякое стремление к совершенству предполагает отыскание наиболее общей идеи, которая станет для него мерой всех вещей. Если для художника такой идеей является Прекрасное, то ученый стремится к Истине. Если она ему не нужна, значит, он не ученый, несмотря на все научные степени и регалии.

Для Декарта такой Истиной может быть только Бог. Его существование Декарту необходимо, но, будучи ученым, он логически выводит Его из своего сомнения. Бог — это основа мироздания, поэтому укорененный в Нем разум перестает быть предрассудком.

В любой религии Бог существует вместе с Дьяволом, и мистическая философия Декарта не стала исключением из этого правила. Антиподом Творца для Декарта стала вера в разум, не укорененная в Боге [6, 467]. Такой разум описан в романе К. Вонегута «Колыбель для кошки», где главный герой Феликс Хониккер создал вещество, способное уничтожить человечество, и сплел из веревочки колыбель для кошки. Он не думал о социальных последствиях своих изобретений и занимался только тем, что ему в данный момент интересно.

Декарт о материи. Природу материальных тел составляет их протяженность [5, 333—351]. Все остальные свойства (тяжесть, твердость, цвет и т. п.) являются результатом нашего субъективного восприятия. Их можно убрать, но без протяженности материальные объекты существовать не могут. Протяжение, и в этом его главное свойство, бесконечно делимо на части [5, 358]. Бог при сотворении материи наделил ее части различными движениями и сохраняет их все тем же образом и на основании тех самых законов, по каким их создал, он и далее непрерывно сохраняет в материи равное количество движения [5, 367].

Если мы перейдем на язык аналогий и метафор, то материальный мир можно сравнить с огромной глубокой лужей. Действие божественной силы приводит ее в движение, результатом которого становятся захватывающие новые пространства волны и летящие вверх брызги. Божественная сила падает вниз вертикально, а материальные брызги летят вверх по касательной к ней. Они не способны лететь прямо вверх: их отклоняет статичность материальных тел. Расстояние падающего тела до земли и скорость падения — переменные величины, тогда как ускорение есть величина постоянная. Необходимость изучения отклоняющегося движения потребовала новой математики, которой стали буквенная алгебра и аналитическая геометрия Р. Декарта. «Поворотным пунктом в математике была Декартова переменная величина. Благодаря этому в математику вошли движение и тем самым диалектика, и благодаря этому же стало немедленно необходимым дифференциальное и интегральное исчисление...»

[23, 573]. Необходимость переменной величины, прежде всего, ощущалась в технике и строительстве. И если Декарт создавал ее в социальном пространстве теологии, то тем самым он отдавал дань своей эпохе.

Мир движущихся материальных объектов движется хаотично и упорядоченно. Порядок в это движение вносит Бог, если я соединяюсь с Богом, то получаю возможность вносить этот порядок в мир хаотичных движений. Различные частицы, из которых состоит материя, находятся в неуничтожимом движении, которое им задал Бог.

По мнению авторов статьи, вещь создают не геометры и даже не физики. Ее предметность представляет собой внутренние для нее процессы, которые совершаются независимо от вмешательства человека. Чтобы стать вещью, предмет должен превратиться в объект того или иного общественного отношения. Если никем не востребованную палку поднимет боец, то в его руках она станет средством самозащиты. Оружием ее сделает не ее предметность, а мыслительная схема боя в голове воина. Если ту же самую палку поднимет врач, она превратится в костиль или способ иммобилизации сломанной конечности.

Декарт о душе. Традиционное христианство считает душу частью Божества, отданной на время человеку. Она обитает в его сердце, и главной ее функцией является любовь к Богу [8, 831]. Для Декарта отличительным признаком души становится мышление, и все ее компоненты (воля, сомнение, удивление, воображение, переживания) являются частью мыслительного процесса [5, 316]. Примерно то же самое говорит о душе Гр. Палама: душа есть нечто единое, имеющее много сил, почему она вся оскверняется, в какую бы из существ в ней сил ни вкраплось зло, потому что они все состоят в общении с сею единой — по единству души. Можно сказать, что Декарт «пишет по христианской канве», наполняя ее новым содержанием.

Единая и неделимая душа связана с телом, и, чтобы обнаружить место ее обитания, надо найти такую структуру мозга, которая не имела бы внутренних подразделений мозга и не дублировалась в каждом из его полушарий. Такой структурой, с точки зрения Декарта, является шишковидное тело, или сопапит. Именно этот мозговой орган он и объявил местом встречи души и тела [22, 41].

Соединение души и тела в шишковидной железе приводит к тому, что душе приходится постоянно гармонизировать мышление и деятельность тела. Связанные с телом мыслительные способности Декарт называет фантазиями, тогда как духовные познавательные способности связаны с интеллектуальной интуицией и дедукцией. Пускаясь в погоню за одним, душа упускает другое [13].

Разные вещи взаимодействуют только при наличии посредника, который сохраняет свою обособленность и при этом причастен к обоим участникам взаимодействия. В христианстве роль посредника берет на себя богочеловек Иисус Христос. Как человек, он причастен к людям, как Сын Божий, взаимодействует со своим небесным Отцом. Душа, как мыслящая субстанция, не может напрямую взаимодействовать с миром материальных предметов, поэтому Р. Декарту надо отыскать то, что может их соединить. Таким посредником в философии Декарта становится Бог, соединяющий мысль и тело. Он есть их общая субстанция, поэтому мышление так стремится соединиться с Ним. В этой устремленности мысль обретает свою бытийность.

Теология восхождения к Богу

Человек представляет собой единство души и тела. Как часть Божества в человеке душа устремляется к своему создателю. На этом пути ей угрожает опасность оказаться в состоянии, которое богословие восхождения называет «духовной прелестью», от слова «прельщать». В результате действия Божественной силы часть материи устремляется вверх в качестве своеобразных брызг и уже в воздухе встречается с частицей божества, которая двигается вниз. И вот тут возникает опасность принять летящие вверх материальные частицы за эманацию божества. Это состояние Отцы Церкви называют «духовной прелестью». Живший в XIX в. святитель Игнатий (Брянчанинов) определяет прелесть как усвоение человеком лжи, принятой им за истину [1, 214—238]. Учение о прелести формируется в византийском богословии. В частности, этот термин раскрывают Григорий Синаит, Каллист I Константинопольский и Диадох Фотийский.

Писания Отцов Восточной церкви Декарт, скорее всего, не читал. Он исповедовал католицизм и обучался в школе иезуитов. Следовательно, он не мог принять духовные практики доминиканцев

Иоанна Экхарта, Генриха Сузо (Зойзе), Иоанна Таулера или августинца Фомы Кемпийского из «Братства общей жизни». Скорее всего, французский философ использовал мистические практики Игнатия Лойолы. Основатель ордена иезуитов разделил восхождение к Богу на два этапа, или прелюдии. На первом этапе следует визуализировать эпизоды земной жизни Иисуса Христа. После этого человек просит у Бога то, что он хочет достичь в результате мистической практики. Это называется упражнением трех способностей: памяти, интеллекта и воли. Память вспоминает, интеллект производит операцию, воля направляет.

Способом преодоления духовной прелести у Декарта становятся выведенные им четыре правила научного исследования: 1) никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью; 2) делить каждую из рассматриваемых трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить; 3) искать прежде решения простейших вопросов и постепенно восходить до понимания наиболее сложных; 4) делать всюду обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не прощено [6, 260].

Правило первое. Этим утверждением Декарт, вслед за Аврелием Августином и Дунсом Скотом, указывает на участие воли в познании. Ясные и отчетливые представления оказывают на дух столь непреодолимое и могучее воздействие, что он не в состоянии не признать их [3, 333]. Это положение не может отрицать ни один человек, хоть раз испытавший непреодолимое и необъяснимое влечение к педагогу или к новому предмету. Ты еще ничего не знаешь о нем, но уже понимаешь, что встретил дело всей своей жизни, и ты хочешь посвятить ему всю свою жизнь.

Первым это озарение испытал апостол Петр, когда обратился к Господу с просьбой оставить его рядом с Собой, Илией и Моисеем (Мф. 17, 4). В соответствии с первым правилом познания Л. Толстой приступил к изложению подлинного учения Христа. В стиле Декарта русский писатель предлагает сначала выделить из Евангелий то, что вполне просто и понятно, из того, что запутано и непонятно, прочесть это ясное и понятное несколько раз, усвоить смысл и на этом основании уяснить те места, которые казались сложными и непонятными [15, 21].

Но Декарт не нашел такого учителя, таким учителем стал для него Бог [6, 259]. Поэтому католик Декарт выбирает вполне протестантскую идею личного общения человека с Богом, без посредников. Очевидность Декарт основывает на взаимодействии христианской души с Богом. «Ибо, во-первых, само правило, принятное мною, а именно что вещи, которые мы представляем себе вполне ясно и отчетливо, все истинны, имеет силу только вследствие того, что Бог есть, или существует, и является совершенным существом, от которого проистекает все, что есть в нас. Отсюда следует, что наши идеи или понятия, будучи реальностями и происходя от Бога, в силу этого не могут не быть истинными во всем том, что в них есть ясного и отчетливого» [6, 272]. Но авторы статьи хотят быть современными, поэтому пытаются найти другие основания интуитивного знания. Согласно материалистической философии, мышление следует понимать как идеальные схемы действия с предметом сообразно самого предмета. Эти схемы найдены человечеством в процессе его исторического развития, и для их усвоения каждый отдельный индивид должен в ускоренном темпе пропустить через себя всю историю цивилизации или, в крайнем случае, историю своей профессии, причем историческое начало каждой отрасли знания должно стать началом его изучения. Если юноша хочет стать летчиком, он должен начать с построенной им самим модели планера, ибо именно так начинался путь человечества в небо. Ускорение в процессе преподавания заключается в отказе от тупиковых ветвей развития. Курсанты мореходных училищ всего мира начинают путь в океан сначала на веслах, потом под парусами. Они повторяют основные этапы мировой авантюры мореплавания. По мере прохождения по пространству истории историческое Я вытесняет в человеке его индивидуальность, хотя полностью этого сделать не может. Этот неосознанный опыт минувших поколений каждый отдельно взятый человек воспринимает как свою интуицию. Даром интуитивного познания блестящее владел русский кораблестроитель-самоучка П. Титов. Чтобы засекретить заказ на строительство 50 подводных лодок, все чертежи были составлены в разных масштабах и в различных системах единиц. Ознакомившись с чертежами, П. Титов разгадал заказ и предложил новую технологию изготовления корпусов [16, 79].

Второе правило познания по Декарту. По мнению авторов статьи, второе правило Декарта самое интересное. Оно предписывает

делить каждую из рассматриваемых трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить. На границе миров, идущие вверх под действием Божественной силы материальные частицы перемешиваются с идущими вниз элементами Откровения. В результате оба потока перемешиваются и образуют своеобразное «облако», которое не позволяет исследователю отделить одно от другого. В результате возникает ситуация «Духовной» прелести, когда ученый думает, что восходит к истине, хотя на самом деле все дальше удаляется от нее. Если же разделить явление на максимально возможное количество мельчайших частиц, то их материальная или духовная природа станут очевидными.

Предложенный Декартом новый метод познания, согласно которому объект раскладывается на большое количество мельчайших деталей, активно используется в современной культуре. Прежде всего, надо указать на знаменитый дедуктивный метод Ш. Холмса. В статье «Книга жизни» великий сыщик утверждал, что по мелочам нетрудно узнать профессию человека. И, вместе взятые, они подскажут верные выводы [14, 151]. Тот же самый декартовский принцип использует Л. Толстой в романе «Анна Каренина». Он смотрит на свою героиню глазами Облонского, Бронского, его матери, Долли, и ее образ собирается из множества мелких впечатлений. Это правило стало едва ли не ведущим в следующие эпохи. В субъективной эпохе Дж. Джойса «Улисса» дома, улицы, люди, вещи выписаны детальнейшими микроскопическими мазками, и вместе с тем все это кажется каким-то сном, потому что подано исключительно в качестве продукта индивидуального сознания [12, 37]. В квантовой, иногда ее называют квантитативной, истории общество разлагается на множество мельчайших частиц, которые можно посчитать с помощью компьютера. В результате мы точно определим количество произведенного в этом году металла, построенных домов и золотых медалистов. Сложив эти точно посчитанные фрагменты, мы получим абсолютно достоверную картину общества в хронологически заданном интервале.

Третье правило познания по Декарту. Третье правило познания выглядит самым очевидным. Любой первоклассник знает, что надо искать, прежде всего, решения простейших вопросов и постепенно восходить до понимания наиболее сложных. Некоторые затруднения связаны с предположением о существовании порядка

среди явлений, которые не следуют друг за другом. В этой кажущейся простоте формулировки скрываются основные положения дедуктивного метода познания.

В философии Р. Декарта хранителем абсолютной истины является Бог. Субъект познания соединяется с ним посредством восхождения души от материального к божественному Первоначалу. В момент соединения души с Богом душа обретает знание общего и всеобщего. Но в материальном мире такое знание не обладает практической ценностью. В полном соответствии с требованиями материалистической диалектики всеобщее должно стать общим отдельного или особенного, а для этого душа должна вернуться в материальный мир, который она покинула. Погружаясь в материю, она не теряет обретенную связь с Богом. На этой стадии их взаимодействие строится по принципу популярной игры «холодно—горячо». Душа перебирает варианты, а участвующий в познании Бог помогает ей двигаться в правильном направлении. Пример такого мышления продемонстрировал самый знаменитый герой английского писателя А. Конан Дойля. В рассказе «Пестрая лента» Ш. Холмс сначала заподозрил цыган, хотя в рассказе пришедшей к нему девушки уже присутствовал намек на отверстия, соединяющие две комнаты, но легендарный сыщик его пропустил, хотя и запомнил. Он находится в плена версии о цыганах и потому проверяет ставни, деревянную облицовку и половицы, хотя при осмотре комнаты его внимание сразу привлекли вентилятор и шнур от звонка. Когда оказалось, что в дом нельзя проникнуть снаружи, он отказался от своей первоначальной версии. Он снова возвращается к тому, что уже привлекло его внимание, и убеждается, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу. Теперь у него возникает подозрение, что шнур есть мост, соединяющий кровать с вентилятором. В этот момент ему приходит мысль о змее, но пока только как догадка. Потом сыщик вспомнил о свисте, которым преступник подзывал змею обратно. Потом сыщик исследует стул, на который встает доктор, чтобы достать до вентилятора, а несгораемый шкаф, блудце с молоком и плеть с петлей утверждают его в правильности своей догадки.

В современной науке гипотетико-дедуктивный метод предполагает исходную гипотетическую конструкцию, которая разворачивается в систему гипотез. Эта система подвергается опытной про-

верке, в ходе которой гипотезы уточняются, отбрасываются или конкретизируются. В естествознании XVII в. кроме Р. Декарта этот метод использовали Г. Галилей, Х. Гюйгенс, И. Ньютон.

Четвертое правило познания по Декарту. Последнее правило познания обязывает «делать всюду обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено».

Главным признаком науки единодушно считается систематизация знания. Со времен Ф. Бэкона и Р. Декарта ученые заносят результаты опытного познания в клеточки и столбцы искусственно созданных таблиц, чтобы таким образом обнаружить повторяемость и предсказать свойства еще неизвестных элементов. Если свойства изучаемого предмета изменяются через один и тот же интервал, то удвоение этого интервала свидетельствует о присутствии неизвестного элемента, поиски которого осуществляются при помощи экспериментальной деятельности. В эксперименте ученый не действует наобум: он ищет новый элемент через его свойства, предсказанные таблицей. В условиях духовной прелести систематизация знания позволяет отделить эманацию материальных тел от эманации мира духовного.

В философии Фр. Бэкона столбцами *таблицы* становятся таблицы *присутствия, отсутствия и степеней*. Изучая объект, мы произвольно выбираем одно из его свойств. В первую таблицу мы заносим все случаи присутствия выделенного свойства. Все случаи, когда это свойство отсутствует, мы заносим в таблицу отсутствия. В таблицу степеней помещаем те случаи, когда интенсивность избранного свойства изменяется. Если избранное нами свойство является сущностным признаком предмета, то оно окажется во всех трех столбцах таблицы [2, 90].

Систематизацию знания механическая картина мира использует не только для поиска естественных законов. В морально-правовой концепции Т. Гоббса (1588—1679) формулирует основной естественный закон: искать мира там, где можно его достичь, и помочь союзников там, где мира достичь невозможно. На основе этого принципа он классифицирует 19 других естественных законов [4, 292, 295].

Оригинальность Декарта не в том, что он создает таблицу, для его эпохи это было явление массовым, а в том, что он систематизирует различные компоненты сознания, объединяя их совместной причастностью к мышлению.

Всякая таблица связывает явления на одном основании, поэтому все, что ей не соответствует, научным сообществом признано не будет. Поэтому отчасти правы представители позитивизма (Э. Мах, А. Планкаре, П. Дюгем), когда говорят, что наука есть просто система условных соглашений ученых [20]. Но Р. Декарта это совершенно не волнует. Он ощущает, что его жизнь зависит от его мыслей и духовных состояний [18], и потому, отбрасывая все случайное, устремляется к Богу-Истине, где хочет получить ответы на все свои вопросы. Подобная одержимость вызывает двоякое к себе отношение, но в любом случае заслуживает уважения.

Заключение. Метод Декарта и современная наука

Начиная работу над статьей, авторы хотели осовременить правила познания Декарта и приспособить их для современной науки. Первым эту задачу поставил перед собой советский философ Мераб Мамардашвили. Он утверждал, что декартовский принцип единства *моего мышления и существования* по-прежнему остается актуальным. В философии человек выражает себя через систему взаимосвязанных категорий и набрасывает ее на окружающий его мир, превращая последний в свою собственную вселенную. И пока существует философия, мышление философа действительно становится условием его существования.

Но для опытного естествознания этот принцип не подходит. С помощью систематизации наличного знания ученый пытается установить повторяемость, чтобы обнаружить скрывающуюся за ней всеобщую закономерность. Эмпирическому познанию эта закономерность не дана, поэтому, говоря языком декартовской философии, ученый продолжает подниматься от чувственно материального (конкретного) к сверчественному абстрактному и конкретному в понятии.

Обозначенный Р. Декартом вектор познания в современной науке остается неизменным, но это та самая вечная истина, над которой иронизировал Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» [23, 90].

Не заинтересует современное естествознание и попытка Декарта использовать мистические практики в качестве средства достижения *истины*, хотя многие естествоиспытатели продолжают искать сверхразумное знание в эзотерических трактатах и религиозных культурах [9].

А вот учение о духовной прелести, духи которой сторожат человека на границе миров [21, 430], остается актуальным и в современном естествознании. Материальный мир по-прежнему не отпускает от себя человека, желающего попасть в мир всеобщих закономерностей. Научное познание совершается в обществе, поэтому ученик зависит от состояния производительных сил его страны, ее финансовых возможностей и ведущей картины мира. Родоначальник современного естествознания Г. Галилей не мог опубликовать свои работы у себя на родине. Он отрекается от них в католической Италии и передает представителям буржуазной Голландии.

Но состояние духовной прелести не тождественно конкретности истины. Она рождается из уверенности творческого человека в своей значимости и совершенстве, которая сопровождается самообманом и лестью самому себе. Отрекшийся Галилей духовной прелестью не страдал. В ее сети попал его друг доктор права, талантливый юрист Маффео Барберини, ставший римским первосвященником под именем Урбан VIII. Чтобы увидеть произошедшую с ним перемену, надо сравнить портрет Маффео Барберини кисти Караваджо и бюст Урбана VIII работы скульптора Дж. Лоренцо Бернини.

Единственной защитой от духовной прелести Р. Декарт считал сомнение, которое должно сопровождать ученого на всех этапах восхождения. То же самое утверждает философия, которая формулирует свою основную проблему в форме вопроса, а не в форме утверждения. Авторы статьи считают, что лучшей защитой от прелести является сам познавательный процесс, в ходе которого академик и аспирант равны перед нерешенной проблемой. Это очень хорошо описано в повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», где Кристобаль Хунта и Александр Привалов вместе решают проблему Бен-Бецаля. Когда задача уже решена, начинается искушение духовной прелестью, но ученый спасается от нее новой проблемой, не имеющей решения.

Литература

1. *Брянчанинов Игнатий*, святитель. Творения: В 5 т. Т. 1. М.: Паломник, 2014. 656 с.
2. *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. 2-е, испр. и доп. изд. / Сост., общ. ред. и вступит. ст. А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. 575 с.
3. *Виндельбанд В.* История философии / Пер. с нем. К.: Ника-Центр, 1997. 560 с.
4. *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 622 с.
5. *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и франц., сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
6. *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Пер. с лат. и франц.; сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 633 с.
7. *Дронов И.Е.* Утопия и Устав // Наш современник. 2012. № 2. С. 182—202.
8. *Златоуст И.* Творенія Святаго Отца нашого Іоанна Златоуста, Архієпископа Константинопольского, въ русскомъ переводѣ. Т. 2. С.-Петербургъ: Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи, 1896, 979 с.
9. Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллект, традициях I—XIV вв. / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавина; редкол.: К. Хюбнер, Т.И. Ойзерман, И.Т. Касавина и др.; вступ. ст. В.М. Розина; Институт философии РАН; Центр по изучению немецкой философии и социологии. М.: Республика, 1996. 445 с.
10. *Ионин Л.* Из Барселоны с тревогой // Новое время. 1988. № 52. С. 39.
11. История философии: Учебник для высших учебных заведений / Под ред. В. Кохановского, В. Яковлева. Ростов н/Д.: Феникс, 2001.
12. *Казин А.Л.* Образ мира. Искусство в культуре XX века. СПб.: НИИ искусствознания, 1991.
13. *Канышева О.А.* Учение Декарта о душе и сознании // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2021. № 3. С. 99—07.

14. Конан Дойл А. Шерлок Холмс: Повесть, рассказы / С комм. и илл.; пер. с англ. Т. 1. М.: Престиж Бук, 2019. 512 с.
15. Крывелев И.А. Что знает история об Иисусе Христе. М.: Советская Россия, 1969.
16. Крылов А.Н. Мои воспоминания. 7-е изд. Л.: Судостроение, 1979. 480 с.
17. Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Человек в литературе Древней Руси: Монография. О «Слове о полку Игореве»; Литература — реальность — литература; О садах. Л.: Худ. лит., 1987. 520 с.
18. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Издат. группа «Прогресс»; Культура, 1993. 352 с.
19. Патинов А. Сила Духа // Discovery. 2011. № 4 (28). С. 27.
20. Пуанкаре А. О науке / Пер. с фр.; под ред. Л.С. Понтрягина. 2-е изд., стер. М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. лит-ры, 1990. 736 с.
21. Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. 877с.
22. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии / Пер. с англ. А.В. Говорунова, В.И. Кузина, Л.Л. Царук; под ред. А.Д. Наследова. СПб.: Евразия, 2002. 532 с.
23. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961.

References

1. Bryanchaninov Ignatii, svyatitel'. Tворения: V 5 t. T. 1 M.: Palomnik 2014. 656 s.
2. Bekon F. Sochineniya: v 2 t. T. 2. 2-e, ispr. i dop. izd. Sost., obshch. red. i vstupit, stat'ya A.L. Subbotina. M.: Mysl', 1978. 575 s.
3. Vindel'band V. Istoriya filosofii / Per. s nem. K.: Nika-Tsentr, 1997. 560 s.
4. Gobbs T. Sochineniya: V 2 t. T. 1 / Per. s lat. i angl.; sost., red. izd., avt. vstup. st. i prim. V.V. Sokolova. M.: Mysl', 1989. 622 s.
5. Dekart R. Sochineniya: V 2 t. T. 1 / Per. s lat. i frants.; sost., red., vstup. st. V.V. Sokolova. M.: Mysl', 1989. 654 s.
6. Dekart R. Sochineniya: V 2 t. T. 2 / Per. s lat. i frants. / Sost., red. i prim. V.V. Sokolova. M.: Mysl', 1994. 633 s.

7. *Dronov I.E.* Utopiya i Ustav // Nash Sovremennik. 2012. № 2. S. 182—202.
8. *Zlatoust I.* Tvoreniya Svyatago Ottsa nashego Ioanna Zlatousta, Arkhiepiskopa Konstantinopol'skago / V russkom perevodѣ. T. 2. S.-Peterburg: Izdatie S.-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii, 1896, 979 s.
9. Znanie za predelami nauki. Mistitsizm, germetizm, astrologiya, alkhimiya, magiya v intellekt, traditsiyakh I—XIV vv. / Sost. i obshch. red. I.T. Kasavina; redkol.: K. Khyubner, T.I. Oizerman, I.T. Kasavina i dr.; vstup. st. V.M. Rozina; Institut filosofii RAN; Tsentr po izucheniyu nem. filos. i sotsiol. M.: Respublika, 1996. 445 s.
10. *Ionin L.* Iz Barselony s trevogoi // Novoe vremya. 1988. № 52. S. 39.
11. Iстория философии: Учебник для высших учебных заведений / Ред. В. Кокхановского, В. Яковлев. Ростов н/Д: Феникс, 2001.
12. *Kazin A.L.* Obraz mira. Iskusstvo v kul'ture XX veka. SPb.: NII iskusstvoznaniya, 1991.
13. *Kanysheva O.A.* Uchenie Dekarta o dushe i soznanii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. 2021. № 3. S. 99—107.
14. *Konan Doil A.* Sherlok Kholms / S komm. i ill.; povest', rasskazy, per. s angl. T. 1. M.: Prestizh Buk, 2019. 512 s.
15. *Kryvelev I.A.* Chto znaet istoriya ob Iisuse Khriste. M.: Sovetskaya Rossiya, 1969.
16. *Krylov A.N.* Moi vospominaniya. 7-e izd. L.: Sudostroenie, 1979. 480 s.
17. *Likhachev D.S.* Izbrannye raboty: V 3 t. T. 3. Chelovek v literature Drevnei Rusi: Monografiya; O «Slove o polku Igoreve»; Literatura — real'nost' — literatura; O sadakh. L.: Khud. lit., 1987. 520 s.
18. *Mamardashvili M.* Kartezianskie razmyshleniya. M.: Izdat. gruppa «Progress»; Kul'tura, 1993. 352 s.
19. *Patinov A.* Sila Dukha // Discovery. Aprel' 2011. № 4 (28). S. 27.
20. *Puankare A.* O naуke / Per. s fr.; pod red. L.S. Pontryagina. 2-e izd., ster. M.: Nauka, Gl. red. fiz.-mat. lit., 1990. 736 s.
21. *Florenskii P.A.* Sochineniya: V 4 t. T. 2 / Sost. i obshch. red. igumena Andronika (A.S. Trubacheva), P.V. Florenskogo, M.S. Trubacheva. M.: Mysl', 1996. 877s.

22. *Shul'ts D.P., Shul'ts S.E. Istorya sovremennoi psikhologii / Per. s angl. A.V. Govorunov, V.I. Kuzin, L.L. Tsaruk; pod red. A.D. Nasledova.* SPb.: Evraziya, 2002. 532 s.
23. *Engel's F. Dialektika prirody // Marks K., Engel's F. Soch., 2-e izd, T. 20.* M.: Politizdat, 1961.

А.Р. ГЕВОРКЯН

Преодоление материализма. Попытка переосмысления социализма на идеалистических основаниях в русской философии первой половины XX века*

Аннотация. В центре внимания статьи находятся противоречия марксистского материализма. Последний, в отличие от буржуазно-либерального материализма, трактуется как форма гегелевского пантеизма. Марксистский материализм выступает против метафизики, но сам является по сути метафизикой. Материалистическая философия истории приобретает характер идеалистической метафизики. Социализм теряет свою, казалось бы, необходимую связь с материализмом. Исследование такого феномена, как социализм, в русской философии первой половины XX в., в особенности в работах С.Н. Булгакова, демонстрирует возможность идеалистической трактовки социализма. Историософская концепция С.Н. Булгакова, будучи альтернативной по отношению к Марксу, претендует на свое прочтение социализма и возможностей его дальнейшего развития.

Ключевые слова: марксизм, материализм, историческая философия, историзм, абсолютный идеализм, религиозная философия, метафизика, русская философия.

Abstract. The article focuses on the contradictions of Marxist materialism. Unlike liberal-bourgeois materialism, Marxist materialism is interpreted as a form of Hegelian pantheism. Marxist materialism rejects

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Геворкян А.Р. Преодоление материализма. Попытка переосмысления социализма на идеалистических основаниях в русской философии первой половины XX века // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 196—222. DOI: 10.5281/zenodo.17341099.

metaphysics, but is itself essentially metaphysical. The materialist philosophy of history turns into a kind of idealist metaphysics. Socialism in essence has no necessary connection with materialism. The study of socialism in Russian philosophy of the first half of the twentieth century, especially in the works of S.N. Bulgakov, demonstrates the possibility of an idealistic interpretation of socialism. The historical and philosophical concept of S.N. Bulgakov is an alternative to Marx and is an original interpretation of socialism and the possibility of its further development.

Keywords: Marxism, materialism, historical philosophy, historicism, absolute idealism, religious philosophy, metaphysics, Russian philosophy.

УДК 101
ББК 87,6

Критическая настроенность марксизма оказывается четко выраженным образом направленной на преодоление «буржуазного материализма», и в его лице реально девальвируется материализм как способ экономического жизнепонимания и опосредованно также философский материализм. И если даже критически настроенные адепты современного марксизма субъективно вовсе и не желают полного ниспровержения материализма, от этого объективная значимость их дела вовсе не сходит на нет. Данное обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что марксистский материализм на самом деле является не «что», а «как», в отличие от своего буржуазного оппонента, который в качестве материализма онтологически неснимаем.

Речь идет о том, что марксистский материализм, будучи трансформацией гегелевского пантеизма, призван в своей деятельности преобразить материальный мир, поднять его выше своего наличного состояния и в этом смысле коренным образом изменить его содержание путем его одухотворения. В силу данного обстоятельства материализм марксизма выступает в качестве «как» по отношению к материальной действительности, поскольку видит в ней своеобразную мастерскую общей созидающей деятельности. Данный диалектический подход предполагает взаимодействие духовного и материального начал как противоречивого и неразрывного целого. И здесь никакие мифологемы марксизма, связанные с материализмом, не ме-

няют реального положения дел. Такова логика гегельянства, заданного в марксизме, поскольку последний оказался наиболее адекватной и даже необходимой проекцией на определенном этапе развития истории.

Что касается буржуазного и либерального материализма, то здесь именно дана его онтологическая «чтойность». В «что» материализма не материя одухотворяется, а духовность материализуется и замыкает видение мира только в материалистической парадигме. При таких идеальных установках материя остается не только косной, но и прямым образом закрывает дорогу человеку в духовный мир. Идеалом для данного миропонимания является работа механизма часов как никогда не сбивающегося в своем движении, раз и навсегда заведенным образом. Отсюда механистический принцип претендует на всеохватность в отношении материального мира, категорически отказываясь допустить возможность существования духовной реальности в качестве самостоятельной сущности.

Именно здесь пролегает пропасть между «что» материализма, либерализма как продукта буржуазного мировоззрения и «как» материализма марксизма, объективно находящегося по ту сторону от чтойности, претендующей на «неснимаемость» материализма. В связи со сказанным необходимо сослаться на следующие теоретические положения марксистской мысли, обладающей потенцией преобразовательного характера: «Материалистический дух капитализма направлен на то, чтобы всю человеческую жизнь загромоздить стоимостными, потребительскими ее формами. Прибыль исчисляется в деньгах, и поскольку деньги представляют собой всеобщий эквивалент товаров, то общество, движимое мотивом прибыли, не может не быть вещественным по своему характеру. “Товарный фетишизм” капиталистического мира перевернул человеческую жизнь с ног на голову, превратив ее самоценность в нечто отчужденное и уродливое, а материальное средство существования — в самоцель. В капиталистическом обществе не спрос рождает или стимулирует производство, а производство рождает спрос, управляет им и культивирует те потребности, которые нужны товаропроизводителю и которые он искусственно создает. Производитель при этом менее всего заботится о потребительских свойствах товара, а продавец заботится лишь о том, чтобы придать произведенному продукту товарный вид. Параллельно снижение потребительских качеств товарной массы растет и

увеличиваются квазипотребности... Но вставшая сегодня жесткая дилемма — роскошь и последующая за ней экологическая катастрофа или умеренный образ жизни и связанная с ним реабилитация природной среды — решится не путем произвольного предпочтения, а путем диктата нового образа жизни и мышления, которые произрастут из новых социально-экономических отношений. Этот образ жизни, благодаря которому произойдет сдвиг материального потребления на второй план, по сравнению с потребностями духовными, сделает предметы человеческого обихода долговременными и ресурсоэкономными: исчезнет квазипотребление и значительно сократится “потребление вещества природы” [9, 225, 239].

Обращаясь к Булгакову, надо остановиться на том его положении, что «проблема философии хозяйства окажется долговечнее самого экономического материализма». В этом смысле исключительно важно осмысление марксизма со стороны религиозной философии с точки зрения реалий новейшей истории и особенно первых трех десятилетий XXI столетия. В этой связи особенно надо отметить отношение Булгакова к социализму. К его проблемам Булгаков возвращается в поздний период своего творчества, в конце 1920-х и в начале 1930-х гг., т. е. спустя годы после событий 1917 г., что дало возможность ему взглянуть на события начала XX в. с определенной временной (пусть даже совсем небольшой), но все же дистанции. Очень важно, что в конце своего жизненного пути Булгаков после имевших место событий в Советской России не только не отворачивается от социализма, но социализму как экономическому факту, как хозяйственной организации, ратующей за социальную справедливость и замену классового антагонизма, со всей решительностью говорит «да». В своих статьях «Православие и социализм» (1930) и «Душа социализма» (1931—1933) Булгаков возвращается к однозначно позитивной установке принятия социализма как исторической необходимости в деле построения бесклассового общества, которую он имел до Первой русской революции «Неотложная задача (О Союзе христианской политики, 1905) и «Церковь и социальный вопрос» (1906). Здесь необходимо подчеркнуть, что после Первой русской революции и Октября 1917 г. отношение к социализму у Булгакова во многом изменяется и перестает быть столь позитивным: «Религия человекобожия в русской революции» (1912), «Героизм и подвижничество» (1909), «Агония» (1923, опубликована посмертно

в 1946). Чем же обусловлен возврат проблематики «Души социализма» в «Неотложных задачах»?

В 1920-е и 1930-е гг. Булгаков приступает к созданию грандиозной богословско-метафизической системы. В трилогии «О Богочеловечестве» Булгаков рассматривает судьбы мироздания, возможности обожения мира и наступления Царства Божия на земле. Проблема хилиастических и эсхатологических перспектив не могла быть осмысlena вне контекста исторической жизни человечества, имевших место в ней развития и прогресса, их осмысления и религиозного понимания сущности происходящих событий. В этом отношении невозможно было пройти мимо социализма, даже если речь шла о его несовершенной, дивергентной форме.

Идея «дивергентного социализма» позаимствована автором из замечательной книги Евгения Ивановича Суименко (1932—2018) — одного из талантливых теоретиков марксизма нашего времени, чьи теоретические изыскания в полной мере выявляют «как» марксистского материализма. В своей книге Суименко дает подробный анализ становления раннего и еще несовершенного социализма, его первой апробации в условиях ХХ в. В главе 2, параграфе 4, содержится глубокий анализ дивергентного социализма, раскрытие его содержательных сторон, выявление его феномена [9, 244—296].

Поскольку вместе с дивергентным социализмом социализм не погибает, а путемialectического отрицания готовит почву для своего нового прихода, значение сделанного социализмом на ранних своих фазах не теряет своей исторической значимости. Диалектическая логика истории распорядилась таким образом, что дивергентный социализм не смог победить самую зрелую fazu капитализма. Он должен был отступить перед последним, поскольку «снятие» капитализма становится возможным на ином витке развития общества и на более зрелом этапе истории. Вместе с тем было бы крайне неверно свести возможности нового социализма исключительно к материальному фактору, понятому даже в самом широком смысле: «Дальнейшее продвижение человечества к социализму более высокого качества невозможно без дополнения материально-технической и хозяйственной его базы (“собственной” основы) той новейшей материальной базой, созданной современным развитым (“постэкономическим”) капитализмом, без которой более высокая ступень социализма обойтись никак не может» [9, 274—275]. Однако сама по себе

«новейшая материальная база» не может обеспечить переход к качественно новой фазе всемирной истории. Для реализации последней необходимы совершенно иные духовные установки, которые в конечном счете и должны реализовать эту возможность. В противном случае, опираясь только на материальный фактор, придется воспроизвести уже пройденный этап, имеющий место в прошлом, т. е. вернуться к тому же дивергентному социализму, но с более высоким его материальным базисом, что само по себе будет не в состоянии обеспечить выход за пределы закодированного круга, в котором не экономика служит человеку, а он сам оказывается придатком экономики как таковой, в качестве своеобразного «надстроичного» добавления к ней.

Возвращаясь снова к Булгакову, необходимо отметить, что он провидел эпохальный характер социализма, его грядущую доминирующую роль в истории: «Жизнь народов находится сейчас под знаком социализма. Его багровая звезда стоит на историческом небе, как грозное знамение, суд или пророчество, но во всяком случае, как некая историческая действительность. Можно его хотеть или не хотеть, или устрашаться, видеть или от него закрываться, но от него некуда уйти, он есть некая судьба, если еще не для нас, то для будущего поколения» [2, 542]. Именно поэтому Булгаков считает столь необходимыми выработку церковного учения о социализме, осмысление последнего с религиозной точки зрения, понимание того, что еще издревле является как бы естественным постулатом социальной этики христианства, приобрело столь богоchorческий характер при своей реализации. Эта та самая проблема, от решения которой христианству уйти не удастся: «И подобно тому, как в истории вероучительных определений, выражавших известное достижение, всякому новому шагу вперед в догматическом сознании церкви всегда предшествовало более или менее продолжительное, вековое догматическое брожение около спорного вопроса, так и в отношении к социализму мы находимся еще в состоянии брожения, искания, личных мнений (“ересей”)... Нельзя не признать и того, что церковно-догматическое обсуждение социализма и социального вопроса, и в особенности в православии, находится еще в самом начале» [2, 544].

Поскольку социальные проблемы все еще рассматриваются в богословии как этические, а не как социологические проблемы, то,

по глубокому убеждению Булгакова, возможна «христианская социология» как часть догматического и практического («нравственного») богословия. Что касается церковной мысли, то она стоит перед решением этой новой для себя, и сложной для всех проблемы. Данное обстоятельство является очень важным не только для церковной жизни, но и для общества в целом, ибо, по справедливому замечанию Булгакова, секулярная мысль не решает те вопросы, которые представляют особую важность для общественной науки с точки зрения конечных оснований бытия.

По этой причине Булгаков считает, что религиозная полнота, в том числе и хозяйственной жизни, должна быть реализована в истории. Но поскольку никому не дано знать, когда она завершится, ибо ее конец лежит за ее пределами, то находящийся в ней Дух истории до конца понятным быть не может. Однако претворению христианских идей в действительность во многом мешает псевдоэсхатологическая настроенность души, которая со своей паникой не только не помогает христианству, но объективно имеет антихристианскую направленность, поскольку играет на руку врагам христианства и пролагает тем самым дорогу всяким псевдоисторическим конструкциям. Именно поэтому экономический материализм марксизма и материалистический экономизм либерализма должны быть преодолены на деле путем возвращения хозяйственной стихии ее глубинного смысла. Уход от решения хозяйственных проблем приводит к тому, что псевдоэсхатологическая духовная установка оборачивается торжеством тех материалистических аспектов, которые апеллируют к «животным началам» в человеке.

Булгаков приходит к очень важному положению, которое даже спустя почти столетие все еще не стало достоянием религиозной мысли и, может быть, даже религиозной совести. Любая попытка ухода из мира, отрешенность от насущных проблем общества не только невозможна, но и приводит к вписанности в парадигму уставшихся социальных отношений в качестве оправдывающего средства одной из сторон. «В известном смысле хозяйственное поприще с различными его возможностями есть род судьбы для человека, а судьба эта состоит и в том, что из отдельных хозяйственных аспектов — гетерогенией целей — создается целый хозяйственный космос, в котором мы живем. И в отношении этой судьбы и этого кос-

моса личная аскетика не имеет никаких руководящих идей, относится к ним только эмпирически, как к факту. А это принципиальное незамечание приводит к практическому приспособлению, т. е. внутренней и внешней секуляризации жизни. Монастырь, который духовно утверждается на аскетическом отвержении мира и нестяжательности, усвояет для своих хозяйственных нужд все завоевания техники и хозяйственного оборота как нечто само собою разумеющееся, ибо “деньги не пахнут”. Принципиально Церковь освящает “всякую вещь”, которую приносит мир из своей сокровищницы, однако последняя давно уже вышла из-под ее наблюдения. Можно сказать, что не бывало еще эпохи в истории, когда хозяйственная жизнь была бы в такой степени обмирщена, предоставлена своей стихии, как теперешняя» [2, 548]. Как замечает по этому поводу Булгаков, история и эсхатология все еще разрываются между собой, одно оказывается несовместимым с другим, только когда одно прекращается, начинается другое. Важно отметить, что Булгаков настаивает, что эсхатологический трансцендентизм приводит к уничтожению земные ценности, кроме заслуг и грехов в качестве наград и наказания в потустороннем измерении бытия. В данном эсхатологическом контексте не остается никакого места для общего человеческого дела в истории. Такого рода исторический и социологический нигилизм в эсхатологии порождает нигилистическое отношение к истории как таковой. На деле этот ложный эсхатологизм не только никуда не уходит из истории, но и действует в ней если и не секулярно, то по язычески, участвуя в деле ее срыва.

Отсюда остается один шаг для оправдания классовой эксплуатации как общественной нормы «воцерковленного» сознания. «Верность преданию не есть неподвижность и не связана с тем, что является отжившим, устарелым. Такое понимание не есть верность преданию, но простой секуляризованный консерватизм, не всегда достаточно отличаемый от таковой. К сожалению, по немощи человеческой под церковным флагом проходило многое внецерковной контрабанды, и ко дну церковного корабля в его многовековом движении налипло многое чуждого и по существу иногда враждебного, чем вызывается злорадство безбожников, которые умело демонстрируют это на выставках своих и в музеях. Огонь революции оказывается здесь очистительным и для церковного общества, как бы ни были болезненны ее удары» [2, 559].

Здесь замечательным является то обстоятельство, что в 1930-е гг. т. е. ближе к закату своей жизни, Булгаков вновь возвращается к постановке вопроса о роли церкви как социального института в жизни общества, поскольку она далеко не всегда играла позитивную роль в нем. «Материалистический демократизм и социализм в своей борьбе с религией, которую привык изображать как активную силу темной реакции, человеконенавистничества и деспотизма, не только не встречал до сих пор никакого идейного противодействия, но имел могущественных союзников. Союзниками этими было, во-первых, официальное “православие”, которое в течение веков позорило христианскую религию союзом с господствующей формой государственности, унижаясь до роли не только атрибута этой государственности, но и прямо полицейского средства. Вековые преступления против свободы совести тяжелым свинцом лежат на исторической совести русской церкви, и надолго еще самое слово *церковь* будет вызывать ассоциации о суздальских тюрьмах, синодских посланиях, темных деяниях “миссионеров” и т. п. Официальное “православие” не только отравляло своей казенщиной народную душу, но глубоко пропитало своим ядом землю, на которой стояло, и долго будет этот яд зачумлять все, что будет воздвигнуто на этом месте. Но все это, к сожалению, не только прошлое, но и еще горькое настоящее. Если в прошлом преступления эти творились частью по недомыслию, частью по слабости и во всяком случае под гнетом жестокой необходимости, под придавливающей и расплющивающей все живое тяжелой лапой “зверя”, то теперь, когда резко обозначились правая и левая стороны, не находится уже и этого извинения. В настоящее время из среды белого и черного духовенства, священников и архиереев, выделилась партия “черной сотни”, открыто служащая насилию и ненависти вместе с Грингмутом, который хотел бы утопить в крови всю Россию. Их бог — самодержавие, понимаемое в смысле белого террора, прямого истребления всех несогласно мыслящих. Это — политический Ислам, выдаваемый за христианство... Каждый шаг вперед в освобождении России довершает разрушение этого казенного здания официального “православия”, которому суждено еще понести жесточайшие уроны, более даже жестокие, чем теперь думают. И надо с надеждой, а не с смущением смотреть на эти уроны, ибо ими очищается поле для будущей жизни свободной церкви» [4, 28, 29].

Здесь в этом месте концы сходятся с началами и выстраивается булгаковская система по социальному обустройству общества. Приходится констатировать, что даже теперь, спустя 80 лет после смерти Булгакова, еще не удалось в полной мере осознать степень актуальности его идей. О Булгакове в этой связи можно сказать его собственными словами, адресованными Федорову: «Не пришло еще время для жизненного осознания этой мысли — пророку дано упреждать его время».

Замечательным является то обстоятельство, что в «Душе социализма» Булгаков не только возвращается к духовным установкам «Неотложных задач», но и в условиях реально существующего социализма заново переосмысливает отношение к нему. Булгаков признает, что «в своей схеме “концентрации”, несмотря на все ее односторонности и преувеличения, К. Маркс проявил действительную историческую проницательность» [2, 542].

Далее Булгаков констатирует, что «как ни странно, но попытку пробуждения энтузиазма труда мы имеем в советском “ударничестве”, насколько оно существует в действительности и не есть крикливая реклама. Принципиальное значение его в том, что здесь все же делается попытка осмыслиения личного труда через включение его в общее дело “строительства социализма”» [2, 569].

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые положения реального социализма, возможности его воплощения в действительность в его несовершенной форме в конкретном несовершенном историческом времени были все же недооценены Булгаковым, который говорил о реализации «мстительного провидения Маркса о “диктатуре” пролетариата» [2, 545]. На самом деле мстительное провидение Маркса (если даже таковое и существовало) никакого отношения к диктатуре пролетариата не имеет. Диктатура пролетариата является не просто детерминированной, но даже жестко детерминированной необходимостью для конкретного исторического времени, обусловленного своим переходным характером, когда не на жизнь, а на смерть сталкивались интересы старого, отжившего, и нового, которое свою дорогу прокладывало через ожесточенную борьбу. И хотя эта борьба выдавалась за грубо материальную борьбу, за сугубо материальные интересы враждующих сил, однако внутренней пружиной, невидимым образом определяющей собою весь исход этой схватки, был именно духовный фактор. Весьма симптоматично, что

ни одна из сторон особо и не понимала внутреннюю составляющую этой борьбы, а сам Маркс суть ее по большому счету сводил к «общественному бытию, определяющему сознание». Однако ход исторического развития оказался по большому счету на стороне марксистского материализма, который в силу своего «как» вел борьбу со «что» либерально-буржуазного материализма, который пытался и пытается навсегда оторвать человека от *абсолютных* начал. Борьба марксизма объективно не ограничивается освобождением человека от классовой (данной в сфере материального производства) эксплуатации, но должна привести к эманципации человеческого духа, однако данного в искаженном свете материализма.

Опыт истории, и особенно истории XIX и XX вв., а также и первой четверти XXI в., явно свидетельствует о том, что ожесточенность классовой борьбы никоим образом не сходит на нет. Весь драматизм данного события дан в том, что это обстоятельство имеет объективный характер и далеко не определяется субъективной склонностью тех или иных лиц, проявляющих свое видение этой борьбы. Что касается положения о том, что классовая борьба должна быть преодолена не только извне, но и изнутри, то, как правило, оно оказывается благим пожеланием, весьма и весьма отдаленное отношение имеющим к реальной действительности. Более того, сама степень этой ожесточенности свидетельствует о том, что речь идет о чем-то гораздо более важном, чем материальные интересы, и сама эмпирия этой борьбы скрывает за собой нечто большее, имеющее прямое отношение к эволюционному развитию человечества или же к его инволюционному спаду.

В свое время, анализируя старую теорию обнищания, Булгаков приводил следующие доводы против Маркса: «Одновременно с этими экономическими противоречиями, которые развиваются в капиталистическом производстве, созревают и социальные, именно обострение, напряжение классовой борьбы. В основе этого утверждения лежит так называемая теория обнищания, пессимистическая теория капиталистического распределения, согласно которой на одной стороне все усиливается бедность, озлобление, а на другой возрастает роскошь, богатство и т. д.

Теория обнищания в настоящее время устранина уже из программы австрийской социал-демократической партии и имеет много

противников среди германской. Это лучше всего показывает трудность ее отстаивания. Во всяком случае то, что мы знаем об истории социального развития в передовых странах капитализма, как, например, в Англии или Северо-Американских Соединенных Штатах, далеко не подтверждает этой теории, по крайней мере, в такой ее форме. Если это не есть еще движение, направляющееся к социальному миру, то это не есть и рост обнищания народа в том смысле, как понимал его Маркс. Между тем теория обнищания играет существенную роль в марковом прогнозе относительно будущего общественного катализма, революционного взрыва, имеющего “экспроприировать экспроприаторов”» [3, 672—673].

Однако насколько возможно принять булгаковскую критику Марковой теории обнищания спустя более столетия после этой критики? Во-первых, капитализму удалось создать относительно высокий уровень жизни трудящихся в своей цитадели, пользуясь тем, что в технологическом отношении Запад резко вырвался вперед. Но это привело к нешадному усилению эксплуатации остального мира, превратившегося в сырьевой придаток по отношению к индустриальному центру. Таким образом, Запад в целом стал выступать господствующей силой по отношению к остальному миру, постепенно превратившемуся в его периферию. Тем самым изначально данная классовая борьба в силу этой пертурбации трансформировалась в межцивилизационное столкновение, свое классическое наименование получившее в дихотомии борьба Запада с Востоком, антагонизма богатого Севера и бедного Юга. Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что рабочий класс Запада тем самым сам превратился в эксплуататора своих незападных собратьев или, по крайней мере, оказался на каком-то этапе в tandemе с теми, кто это реально делал.

Во-вторых, после победы Октября в России в 1917 г. господствующие классы Запада пошли на очень большие уступки своему рабочему классу, включая социализацию многих сфер жизни общества. Однако положение действительно стало меняться после 1991 г., когда капитализм вновь стал «безальтернативной моделью» для всего человечества. За истекшие три с лишним десятилетия не только не было никакого прорыва вперед, но и произошел откат, и не только постсоветского и восточноевропейского пространства, но и самого Запада. В частности, те широкие возможности, которые имелись практически для всех на Западе, стали постепенно свертываться.

В целом реакция, поднявшая голову после 1991 г., пытается ограничить права рабочего класса, что так или иначе коснулось и его материального состояния.

В-третьих, по логике вещей мировой капитализм и его западная цитадель после крушения дивергентного социализма должны были обеспечить себе хотя бы на полстолетия вперед относительно мирное, эволюционное развитие. Такой возможный вариант развития, казалось бы, был обусловлен объективными обстоятельствами. Перед странами Запада оказались открытыми огромные рынки сбыта на восточноевропейском и советском направлениях с образованным населением, имеющим высококвалифицированные технические и научные кадры. Однако не прошло и двадцати лет, а мировой капитализм и его ведущая часть оказались затронутыми глобальным экономическим кризисом, по своей силе не уступающим Великой депрессии 1929—1933 гг. Похоже, мировой капитализм с началом XXI в. вступил в эпоху перманентных кризисов, со всеми вытекающими отсюда последствиями, на сей раз, скорее всего, уже необратимого характера.

Здесь необходимо заметить, что опыт первых десятилетий XXI столетия может привести к новым теоретическим обобщениям, возможность которых в предыдущие времена была сведена на нет или же, по крайней мере, сведена к минимуму. В частности, не исключено, что достигнутый уровень развития общества не только Запада и резко вырвавшихся вперед некоторых незападных стран, но даже России и восточноевропейских народов может остановить полный откат к бедности времен Маркса. Технические достижения и апробированные уже многими десятилетиями социальные институты, скорее всего, могут это не допустить. Однако ситуация и в этом случае все же меняется в количественном отношении, но не в качественном. Поскольку «идеалом» капитализма на его последнем этапе является «общество всеобщего потребления», во имя которого отмечается история и наступает безвременье «сегодня», где нет ни вчера, ни завтра, а есть только неопределенно растянувшееся «настоящее», то вся эта пертурбация чревата срывом всего дальнейшего эволюционного развития человечества.

Создание и потребление материальных благ, коими исчерпывается суть «потребительского общества», исчерпывают собою смыслополагающую деятельность человека. В этой ситуации труд

человека, даже при материальной обеспеченности, не в состоянии перейти на более высокий уровень, определяемый трансформацией трудовой деятельности в творческое освоение мира. В связи со сказанным необходимо привести гениальную мысль Булгакова о том, что «в хозяйстве мир дематериализуется, становится совокупностью духовных энергий. Поэтому, между прочим, изживание материалистического экономизма само собой завершается на пути дальнейшего хозяйственного же развития, которое все более сокращает область материи, превращая ее в человеческие энергии; мир становится мицрочеловеком» [2, 547].

Однако для того, чтобы выйти по сути на новый уровень онтологической значимости, необходимо качественное изменение главного субстрата человека — его сознания. При таких экономических отношениях растворяющих сознание в себе и превращающих его в «довесок» материального бытия в качестве надстройки к нему, у сознания нет никакой возможности преодолеть свою наличную данность. И дело совсем не в том, что «бытие определяет сознание» или же, в Марковом определении, «общественное бытие определяет общественное сознание». Такая постановка вопроса неверна, ибо в человеке духовное и материальное по отношению друг к другу могут рассматриваться одновременно и как надстройка, и как базис, поскольку и то, и другое находятся в неразрывной связи друг с другом. Именно по этой причине не экономические отношения первичны по отношению к сознанию, детерминируя его деятельность собою, а определенные идеальные установки пытаются навсегда пригвоздить сознание к экономике в качестве его «базиса», чтобы навсегда оторвать сознание от духовного мира, ограничив его исключительно материальной действительностью, предварительно материалистическим образом проинтерпретированной.

При таком положении дел сознание оказывается пленником экономизма, и для того, чтобы оно вырвалось из этой зависимости, необходимо в том числе преодолеть экономические отношения «потребительского общества» вместе с капитализмом в целом. Только в таком случае эмансирированное сознание позволит человеку реализовать тот потенциал творческой деятельности, который изначально заложен в его исторической субстанции как конечный смысл его существования.

Если во времена Маркса процесс обеднения сопровождал возрастание экономической мощи капитализма, то на стыке XX и XXI вв. и в самом XXI в. экономизм потребительского общества закабаляет сознание вплоть до возможной его деонтологизации. В этих условиях исторический процесс «отменяется», наличие прошлого и будущего мешает окончательному утверждению застывшести «сегодняшности». Без радикального изменения всей совокупности общественных отношений, нацеленного, в первую очередь, на полную отмену крупной капиталистической собственности, позитивного сдвига в возможностях дальнейшего восходящего развития быть не может.

Таким образом, теория Маркса об ухудшении материального положения трудящихся масс по мере накопления богатства на другом полюсе во многом реализуется уже в XXI столетии в совершенно иных исторических условиях. Данное обстоятельство имеет очень глубокие основания, поскольку противоречия, присущие капитализму, могут быть смягчены временами, но принципиальному снятию не подлежат, ибо дух стяжательства лежит в основе капитала, является его атрибутивным свойством.

В условиях, когда победа вещи над духом, казалось бы, почти завершена, в действительности, где не человек владеет вещью, а вещь обладает человеком, и в которой истинная сущность вещи закрыта для фетишизированного сознания, в стоимостных категориях относящегося к миру, марксизму не под силу одолеть капитализм. И хотя исторический материализм Маркса есть «как» материализма, а не «что» материализма, ему все равно не дано выиграть битву за будущее. Экономические прогнозы Маркса в отношении капитализма в общем и целом адекватны научному анализу исторического развития общества. И если даже некоторые его прогнозы существенно опережают свое время, вплоть до того, что только с приходом XXI в. отдельные из них получают свое подтверждение, это обстоятельство не только не умаляет достоинства Маркса, но и свидетельствует о высоком уровне его научных прогнозов и о каком-то действительно глубоком чувстве сопереживания истории, особогоозвучия его души едва слышимым ее толчкам, которым со временем дано изменить мир. Единственное, что не позволяет радикально преобразовать реальность, являются духовные установки, основанные на материалистической парадигме примата материального начала

над сознанием. Ибо последнее обстоятельство не только не способствует преобразованию действительности, но и вопреки ей воспроизводит старые, уже изжившие себя формы жизни. Тем самым приходится констатировать столкновение у Маркса научного прогнозирования, стройной и цельной экономической системы, понимания и переживания истории, с одной стороны, а с другой — тех же самых материалистических положений, которые в конечном счете уводят его от решения этих задач. И здесь главная загадка Маркса. Согласие с основными положениями его экономического учения, имеющего отношение к эмпирии (т. е. без всяких метафизических претензий), предполагает коренное изменение духовных установок с отказом от материализма и переходом на иной метафизический уровень миропонимания.

В связи со сказанным необходимо отметить, что не кто иной, как Булгаков, провидел в том числе и такой возможный сценарий исторического развития. Булгаков совершенно прав. Снятие частной собственности не только в сфере производственных отношений, но и преодоление его пагубного воздействия в духовной сфере предполагает иной уровень исторического миропонимания. А это и есть возврат через христианство к историзму как главному достоянию метафизической мысли нового времени: «Если мы обратимся к святоотеческой письменности, то в творениях святых отцов Василия Великого, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского и др. мы найдем яркие примеры духовной свободы и христианского дерзновения в суждении о разных проявлениях социального эгоизма собственников. Потому и в Предании не находится точки опоры для установления нерушимости частной собственности на основании христианской морали» [5, 288].

Однако констатация факта, что «для христианства совершенно нет ни надобности, ни возможности отрицать правду социализма» [1, 334] в 1930-е гг., в условиях реально существующего социализма, была совершенно недостаточна. Согласие или несогласие с социализмом к этому периоду всемирной истории перешло из плоскости умозрительных рассуждений в плоскость реальной политики. И на это уже невозможно было закрывать глаза. Именно поэтому всякие разговоры о «христианском социализме» как прекраснодушной идее братской жизни всех со всеми потеряли свою былую значимость.

В условиях реального социализма идеи должны были быть конкретны и практичны, чтобы возможно было бы не только на словах, но и на деле доказать правоту христианского социализма и противопоставить его как капитализму, так и атеистическому социализму марксистской модели. Но и этого было недостаточно. Социализм, христиански осмысленный, должен был стать альтернативной формой по отношению к материалистическому, т. е. решать все те задачи сложнейшего переходного периода по строительству новой государственной машины и нового типа хозяйствования, в котором экономические отношения между людьми уже не выстраиваются на основе эксплуатации труда капиталом. «Насколько он (т. е. социализм. — А.Г.) соединяется с богочеловечеством, суждение и осуждение должно относиться только к последнему. Однако связь эта фактическая, историческая, а не внутренняя. Считать же эту связь неразрывной является опасной ошибкой и близорукостью, потому что это означало бы отдавать дело христианской правды в руки ее врагов. Поэтому и церковное “анафематствование” социализма и превращение его в “жу-пел” не только не имеет для себя никаких оснований, но и явилось бы подлинным религиозным соблазном» [5, 290].

Замечательно, что в своем обосновании социализма Булгаков вновь возвращается к «Неотложным задачам», когда он обосновывает необходимость борьбы с прогрессивно-демократическими программами и одновременным проведением в жизнь тех же самых программ в их практических требованиях: «Классовая политика (не нужно бояться этого слова), т. е. политика, сознательно преследующая защиту рабочих масс против их сильных угнетателей (не в индивидуальном, но в социальном смысле), есть единственно возможная форма христианской политики для данного момента. Это вовсе не значит, чтобы мы разделяли догмы марксизма — можно признавать классовую политику как факт, как практическую необходимость и быть в то же время совершенно чуждым этике и философии марксизма, оставаясь на почве христианства.

Вырабатывать заново конкретные требования или практическую программу христианской политики для нашего времени не приходится, ибо это давно уже сделано гуманистическим движением, хотя и чуждым религии, но бессознательно выражившим именно ее требования, нужно прямо учиться у него. Другими словами, следует прямо принять и усвоить основную программу, уже выставленную

нашими демократическими социалистическими партиями в их практической, так сказать, деловой части» [4, 37—38].

Таким образом, речь идет о таком социализме, который выступает альтернативной формой по отношению к несовершенному, т. е. дивергентному социализму и призван решить те задачи, которые поставлены перед обществом в этот переходный период всемирной истории. Поэтому задачи, имеющиеся у него, являются теми же, что и у советской модели социализма, более того, методы решения кардинальных судьбоносных проблем и способы управления обществом могут быть одни и те же, зачастую даже внешне неразличимым образом. Единственное, что меняется и меняется самым радикальным образом, — это исчерпавшие себя принципы миоустройства, которые навсегда уходят в прошлое. Не только «что» материализма, но и «как» материализма сдаются в архив истории. Эманципация человеческого духа, его освобождение от рабской зависимости от экономики и от пребывания в плену у материальной природы имеют исключительно духовный характер. Это должно вернуть человеку утерянный им духоматериальный статус, перевоспитать его в исторической перспективе и тем самым подготовить возможности для перехода к более высокой фазе развития. В этой связи необходимо привести замечательную мысль Муравьева: «И все богатство мира, лежащее втуне, расточаемое в темноте человеческого невежества, несмотря на все машины и технические усовершенствования, только ожидает рук, которые подняли бы его и преобразили, когда будут рассечены мечом путы, связывающие еще эти богатства с темными глубинами» [9, 47]. В каком-то смысле можно сказать, что новый виток развития даже в пределах нашего эона все-таки предполагает иной онтологический уровень. Там и только там может быть реализована теургия хозяйства и завершен исторический процесс развития через максимальную реализацию возможностей истории, когда в свете своего конца она раскроет перед мысленным взором такие перспективы, которые нам в полной мере может быть еще и не совсем доступны ни рефлексивной мыслью, ни интеллектуальным созерцанием.

Именно в этом месте происходит переход от Маркса к такому воззрению, которое предполагает такое метафизическое измерение, где изменившиеся духовные установки определяются поисками сакральных основ бытия. Это тем более необходимо подчеркнуть, ибо

без последнего обстоятельства метафизическое в своем основании историософское понимание приобретает явно механистический характер. Суть сказанного сводится к следующему. Каковы механизмы, когда один уровень преобразовательной деятельности Маркса направления в состоянии перейти на другой уровень, связанный с проблемой последних оснований? Таким образом первые шаги, направленные на освобождение человека от экономического гнета и вызволение его из погруженности в животное состояние, могут быть заменены теургией хозяйства, при которой Богочеловеческий идеал уже становится искомой данностью для своей возможной реализации? Скорее всего, здесь надо выделить сразу несколько причин. С одной стороны, антихилистические настроения полностью обесценивают не только ход развития истории, но и историю как таковую. С другой стороны, идея Тысячелетнего Царства Божия имеет тягу к религиозному максимализму, проявляемую в нежелании признать необходимость ожесточенной и даже беспощадной борьбы нового со старым, нежелании понять, что та же диктатура пролетариата как повивальная бабка истории является исторической необходимостью, без чего, может, просто невозможно будет со временем выйти на более высокую фазу развития. Отсюда и противопоставление демократического варианта социализма реально существующему и далекому от того совершенства, которое от него требуют. Но весь парадокс заключается в том, что реально такое противопоставление не работает, поскольку противопоставляют друг другу то, что уже есть, и то, чего еще нет, и что является прерогативой исторического завтра. Однако само появление более совершенной формы не есть альтернатива менее совершенной, а вызревает в ее лоне и является ее продолжением, что и есть ее снятие и преодоление. И в понимании этой истины дана сила того миропонимания, чьи историософские воззрения в силу своей метафизичности не застиклены на себе как на разгадке истории. Именно поэтому у принципа историзма нет такой цели, как сводить весь смысл истории к социализму и объявлять его той вершиной, до которой только и может дойти человечество. Если для марксизма смысл истории дан в социализме (коммунизме), отсюда и знаменитое Марксов определение социализма (коммунизма) как перехода от предыстории к истории, т. е. на все времена, то для исторической философии как детища абсолютного идеализма смысл истории находится за его пределами, и только в случае ее завершения

может быть осмыслено само ее существование. Мысль о конце истории и есть та самая ценность, которая осмысливает историю и раскрывает перед человеком практически безграничные возможности развития именно в историческом измерении бытия. Однако такое метафизическое понимание истории не могло быть понято сразу не только секулярной, но и религиозной мыслью.

Только в XXI столетии начинают становиться понятными идеи Леонтьева и Флоренского, которые в иную историческую эпоху иначе, чем анахронизмом, быть не могли: «Пора учиться, как делать реакцию... Определить демократический прогресс как разложение очень важно... Пора положить предел развитию мещанско-либерального прогресса! Кто в силах это сделать, тот будет прав и перед судом истории!» [6, т. 1, 283, 311, т. 2, 152]. «Никакие парламенты, учредительные собрания, совещания и прочая многоголосица не смогут вывести человечество из тупиков и болот, потому что тут речь идет не о выяснении того, что уже есть, а о прозрении в то, чего еще нет» [10, 651].

Еще в 1920-е гг. Франк писал: «В наше время, когда переживаемая нами национально-политическая катастрофа столь многому нас научила и заставила переоценить столько ценностей, многие идеи Леонтьева, ранее по близорукости нашей казавшиеся нам парадоксальными, теперь вновь ожидают перед нами в своей глубокой гениально-пророческой правде. Жутко, но вместе и поучительно теперь читать страницы, предсказывающие неизбежное наступление социализма и попрание социализмом всех гуманитарно-демократических начал общественной жизни. Да и вообще, только теперь мы можем достойно оценить не только пленяющую гениальность этого безгранично смелого мыслителя, этого “русского Ницше”, но и всю объективную значимость его парадоксальных идей» [11, 703—704].

Однако оценка Франка не совсем адекватна духу своего времени, поскольку она намного опережала его. Существующий в 1920-е гг. социализм, в отличие от последующих десятилетий, мало чем мог привлечь к себе, проходя мучительную фазу становления и зачастую отталкивая своей реальной политикой. Что касается капиталистического окружения России, то оно сделало соответствующие выводы для себя после 1917 г. и постаралось показаться привлекательным в глазах трудящихся, и в первую очередь рабочего класса.

Поэтому меры по демократизации общественной жизни, расширению прав трудящихся, существенному улучшению их материального благополучия должны были создать видимость «измененного», эволюционированного и «гуманного» капитализма. В определенном смысле этот сдвиг внутри капитализма имел позитивное значение для дальнейшего развития общества. Эта привлекательность сохранила силу и после Второй мировой войны вплоть до конца XX столетия. В схватке с дивергентным социализмом капитализм пытался не только выиграть битву за экономику, но и создать более привлекательную духовную атмосферу, что, безусловно, способствовало творческому развитию личности. Отсюда и следует привлекательность Запада в сравнении с дивергентным социализмом, особенно первых десятилетий его существования. В этих исторических условиях адекватного восприятия Леонтьева объективно быть не могло, поскольку он никак не вписывался в духовные установки марксистского социализма советской модели. Для понимания не только Булгакова, но также Леонтьева и Флоренского нужна была другая эпоха. И она наступила не ранее завершения первой четверти XXI в. Понадобились десятилетия после событий 1991 г., чтобы осознать новые исторические реалии или даже всего лишь только приступить к их пониманию. Глобальный кризис, охвативший мир в начале XXI столетия, не может рассматриваться как сугубо экономическое явление. В первую очередь он затронул духовную деятельность человека, заменив его творчество ширпотребом и поп-культурой потребительского общества. Значение этого духовного кризиса настолько велико, что оно не может роковым образом не оказаться на экономических отношениях. Никогда еще экономика не находилась в таком оголтелом виде с претензией на тотальное господство, как это происходит теперь. Такая «абсолютизация» экономики не только разрушает культуру, ввергая человека в состояние высокопотребляющего животного, но имеет и саморазрушительный характер. Данное обстоятельство обусловлено тем, что человек онтологически неснимаемым образом является духоматериальным существом. И в сфере творчества нельзя найти чисто духовные или же чисто материальные направления в его деятельности. В каком-то смысле вся культура человека есть неразрывная связь его духа с экономикой, в которой и через которую он реализовывает свои волевые устремления, а экономика, в свою очередь, есть материализация духа в природной среде

его обитания. Именно поэтому такая абсолютизация экономического фактора приводит к метафизическому срыву. В этом срыве берется под сомнение не только онтологическое естество человека, но под сомнение ставится и будущее всего материального бытия. Человек включен в него не только причинно-следственным образом, но имеет обязательство перед ним. Только человеком и через человека должно произойти одухотворение и преобразование материального мира, когда он, оставаясь таковым, вместе с тем обретает новый онтологический статус.

Таким образом, попытка связать ненормальными узами человека с экономикой, превратить его в вечного ее заложника вскрывает всю подноготную оккультного материализма, который в своем богооборчестве пытается навсегда оторвать человека от высших сфер Духа и тем самым придать всей его жизнедеятельности однобоко материализованный и материалистический характер. Из всех существовавших в истории хозяйственных структур общества только капиталистическая экономика в максимальной мере соответствует этой программе, поскольку в силу своего содержания склоняется не к «как» материализма, а «что» материализма. Симптоматично, что и для Леонтьева, и для Флоренского экономическая составляющая не играла определяющей роли в деле принципиального неприятия капитализма. И даже фактор социальной несправедливости не находился для них на первом месте.

И Леонтьев, и Флоренский были убеждены, что дальнейшее существование капитализма чревато катастрофой для всего человечества. По их разумению, капитализм роковым образом сыграет разрушительную роль в сфере духовной деятельности человека. Вот почему Леонтьев полагал, что социализм должен стать противоборствующей силой этим энтропийным процессам и даже сможет на время отодвинуть надвигающийся апокалипсис. Очень важно отметить, что Леонтьев был в курсе того, что современные ему социалистические учения, и не только Маркса, в своем подавляющем большинстве исповедовали материализм и атеизм. Но Леонтьев был убежден, что «социализм еще не значит атеизм» [7, 437].

Кроме того, Леонтьев не считал материализм социализма чем-то наподобие материализма капитализма и поэтому полагал возможным трансформацию социализма в исповедуемый им византизм. Спустя многие десятилетия и в совершенно иное историческое время

правоту леонтьевского анализа подтвердил Флоренский. Ценно то, что «Предполагаемое государственное устройство в будущем» было написано в 1930-е гг. уже в условиях реального социализма, исповедовавшего воинствующий материализм. Однако данное обстоятельство богоборчества Советской власти, которое захлестнуло и это десятилетие, не заслонило перед Флоренским возможности трансформации советского социализма во что-то качественно иное. Более того, Флоренский считал такую возможность не только реальной, но и совершенно естественной и в конечном счете необходимой. «Никак не может быть допущено такого перехода к новому строю, который сопровождался бы ломкой наличного. Этот переход должен быть плавным и неуловимым как для широких масс внутри страны, так и для всех внешних держав. Будучи изменением по существу, переход должен быть лишь одним из частных мероприятий советской власти, поворот к нему может стать достоянием гласности лишь тогда, когда позиции новой власти будут достаточно закреплены. Техника такого перехода должна состоять соответственно в замещении одних направляющих сил государства другими, но при сохранении их организационных форм, с течением времени эти формы будут преобразовываться, но в порядке или как бы в порядке всех прочих госмероприятий. Нет надобности, чтобы смена направляющих сил государства на первых же порах затронула весьма большое число работников: партийная дисциплина одних и привычка к безропотному повиновению других создают благоприятные условия к изменению курса, если он будет идти от сфер руководящих. Таким образом, обсуждаемое изменение строя предполагает не революцию и не контрреволюцию, а некоторый сдвиг в руководящих кругах, который мог бы оказаться даже более простым, чем дворцовые перевороты» [10, 677].

Как показал опыт истории, у Советской власти, кроме как трансформироваться во что-то новое, где должна была быть восстановлена распавшаяся связь времен и переосмыслена сама историческая философия в духе спекулятивных построений абсолютного идеализма возможностей не было. Это было бы изменением по существу, никак не отменяющим Советскую власть.

Как видно из сказанного, Флоренский при всем безбожии и атеизме советского социализма видел в нем все-таки не «что» материализма, а «как» материализма. Что касается капитализма, то относительно него Флоренский никаких иллюзий не питал, понимая, что

в его основании находится «что» материализма. Отсюда его убежденность: «Капитализм — явление, ведущее в конечном счете к смерти» [10, 648].

Такова историософская концепция Флоренского. В связи с этим возникает вопрос. Если рассматривать послегегелевский период развития философии, то можно ли сказать, что проблема религиозного материализма как предельной формы метафизики свою реализацию получает именно в марксизме как единственно актуализированной потенции гегельянства? Вопрос чрезвычайной сложности, и однозначного ответа на этот вопрос, скорее всего, не будет. После Гегеля произошла трансформация философии, что означало для нее или потерю своей исторической значимости, или же переход к господству истории через реализацию историчности исторического. В первом случае философия превращалась в историю философии как главное культурное достояние общества, ценностноПолагающее в своем основании, но существенно лишенное движущих начал, поскольку философия, отождествляясь с культурой, становилась главным культурологическим достоянием истории. Здесь очень важно отметить целенаправленное уничтожение философии на Западе после 1945 г., поскольку преступления фашизма либерализмом были приписаны тотальности философии. Философия должна была лишиться своей актуальной значимости, превратившись в культурный артефакт ушедшей эпохи. Во многом именно в этой ипостаси гаранта единства культурного исторического наследия, и по «причине» ее «вины», философия как история философии сохранилась после Второй мировой войны. И единственным возможным вариантом воспроизведения самой себя при этих духовных установках практически оставалась рефлексия философии на собственную историю как филиацию идей, идущих на сей раз не от прошлого через настоящее к будущему, а от консервированного, и даже атрофированного будущего, к настоящему, с конечной устремленностью к прошлому. Во втором случае она становилась философией истории, в которой раскрывалась деятельность всеохватно преобразующего характера. Таким образом, философия истории как способ понимания истории становится способом миропонимания в целом, где мысль и преобразование совпадают друг с другом. Отсюда и качественно новое состояние философии истории в послегегелевский период: она есть мета-

физика. Ибо господство идеи неразрывно связано с преобразовательной деятельностью, нацеленной в своем стремлении к всеохватности и тем самым впервые раскрывающей свои возможности в актуализированном виде как учение о предельных основаниях бытия и сущего. Именно в этом аспекте, с учетом духовных установок послегегелевского периода, можно понять философию Маркса, в наиболее адекватной форме выразившую устремления изменившегося мира. Мало кто в такой степени выразил дух своего времени, как Маркс: философия должна не только объяснять мир, но и изменять мир. Сама такая постановка вопроса в своем основании имела метафизический характер. Только тогда, когда философия оказалась в состоянии поставить вопрос о предельных основаниях бытия и сущего, она реально добралась до преобразовательной деятельности с потенциальной нацеленностью на все мироздание. И в этом сказывалась та закономерность послегегелевского периода, которая означала переход философии в метафизику как в высшую fazу своего развития, когда мысль и дело становились единым целым. В этом историческом контексте марксизм, по определению, не мог выпадать из этой общей парадигмы перерастания философии в метафизику. Кказанному надо добавить и то, что философия Маркса реально претендовала на тотальность, на универсальный способ миропонимания и на раскрытие всех смыслополагающих принципов жизни и возможностей безграничного познания мира. В этом смысле марксизм является одним из самых интересных и плодотворных вариантов развития метафизической философии. И поскольку система марксистской философии была абсолютно самодостаточна, т. е. не предполагала перехода материализма в спекулятивную метафизику, то метафизические принципы, присущие ей самой, действительно самостоятельны. Более того, марксистская философия является вершиной материалистической метафизики. Однако марксизм, в силу исповедуемого им атеизма, сознательно выступает против метафизики как учения о предельных основаниях сущего, т. е. учения об Абсолюте, то с ним происходит нечто совершенно неповторимое в истории философии. Будучи метафизическими в своих коренных установках познавательной деятельности, он, в силу своих духовных воззрений, приобретает антиметафизический характер.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что метафизическая мысль не может остановиться на марксизме, даже если он есть

самый радикальный способ изменения действительности в послегелевский период. Дальнейшее развитие метафизики на новом витке развития возвращает ее к абсолютному идеализму, где проблема эманципации Духа неразрывно связана с раскрепощением материи как единственным условием реализации историчности истории.

Литература

1. Булгаков С.Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. 2. М., 2008.
2. Булгаков С.Н. Душа социализма // Булгаков С.Н. Избранное. М., 2011.
3. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М., 2007.
4. Булгаков С.Н. Неотложная задача // Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
5. Булгаков С.Н. Православие и социализм // Булгаков С.Н. Путь Парижского богословия. М., 2007.
6. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: В 2 т. М., 1885—1986.
7. Леонтьев К.Н. Избранные письма 1854—1891. СПб., 1993.
8. Муравьев В.Н. Соч.: В 2 кн. Кн. 1. М., 2012.
9. Суименко Е.И. Капитализм в нашем доме. Взгляд сквозь призму теории и социальной эмпиреи. Киев, 2007.
10. Флоренский П.А. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996.
11. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

References

1. Bulgakov S.N. Dva Grada. Issledovaniya o prirode obshchestvennyh idealov. T. 2. M., 2008.
2. Bulgakov S.N. Dusha socializma // Bulgakov S.N. Izbrannoe. M., 2011.
3. Bulgakov S.N. Istorya ekonomicheskikh i social'nyh uchenij. M., 2007.
4. Bulgakov S.N. Neotlozhnaya zadacha // Bulgakov S.N. Hristianskij socializm. Novosibirsk, 1991.
5. Bulgakov S.N. Pravoslavie i socializm // Bulgakov S.N. Put' Parizhskogo bogosloviya. M., 2007.

6. *Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i slavyanstvo: V 2 t.* M., 1885—1986.
7. *Leont'ev K.N. Izbrannye pis'ma 1854—1891.* SPb., 1993.
8. *Murav'ev V.N. Soch.: V 2 kn. Kn. 1.* M., 2012.
9. *Suimenko E.I. Kapitalizm v nashem dome. Vzglyad skvoz' prizmu teorii i social'noj empirii.* Kiev, 2007.
10. *Florenskij P.A. Soch.: V 4 t. T. 2.* M., 1996.
11. *Frank S.L. Russkoe mirovozzrenie.* SPb., 1996

А.И. БОБКОВ

**Социально-феноменологический конструктивизм
и философия археоавангарда в исследовании
этнорелигиозной идентичности человека***

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена этнорелигиозной идентичности в контексте двух философских парадигм: социально-феноменологического конструктивизма и сингулярной философии археоавангарда. Автор при помощи генеалогического метода предлагает дифференциацию феноменов этнорелигиозной идентичности и квазиэтнорелигиозной идентичности. Если первая выводит человека от идентичности к этнокультурному самосознанию, то вторая — к господству этнорелигиозного террористического конструкта этноархаического свойства. В связи с этим человек, обладающий в археоавангардном дискурсе направленностью на самоопределение сущности человека, может четко отличить вторичный характер этноархаического конструкта квазиэтнорелигиозной идентичности. Этот конструкт необходим для господства в философии проблемы сущего над проблемой сущности человека. Это господство необходимо для того, чтобы алгоритмизированное сознание не пришло к творению идентичности через этнорелигиозное самосознание. «Тело-без-организмов» в таком положении не должно выходить из состояния придатка

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бобков А.И. Социально-феноменологический конструктивизм и философия археоавангарда в исследовании этнорелигиозной идентичности человека // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 222—239. DOI: 10.5281/zenodo.1734115.

социальной мегамашины в состояние интегрированной индивидуальности. Бессубъектная социальность в таком случае всегда обозначает тупиковый путь человека в лабиринте идентичностей. Философия археоавангарда допускает возврат назад через преодоление алгоритмизированной мыслительной деятельности путем перехода от вещей, безмолвствующих под «священной завесой» науки, к вещам, отсылающим к трансцендентному состоянию этнорелигиозной идентичности как повторению того же самого. Того же самого — как поиска человека в качестве первого и «последнего» Бога, творящего бытие через вещи-символы, а не вещи-объекты. Отсюда иное понимание прорыва нуминозного, которое ужасает тем, что вещи, ранее казавшиеся не имеющими отношения к самосознанию человека, указывают на его сущность. Обнаружение этнорелигиозной субъектности сразу обозначает этноархаический конструкт этнорелигиозной идентичности в качестве симулякра субъектности в объективированной массовой социальной реальности.

Ключевые слова: археоавангард, идентичность, самосознание, вещь, народ, масса, наука, религия, человек, этнорелигиозный терроризм, этнорелигиозная идентичность, сингулярная философия.

Abstract. This article is dedicated to the analysis of the phenomenon of ethno-religious identity in the context of two philosophical paradigms: social-phenomenological constructivism and singular philosophy of archaeoavangarde. The author, using the genealogical method, proposes a differentiation of the phenomena of ethno-religious identity and quasi-ethno-religious identity. While the former leads a person from identity to ethno-cultural self-consciousness, the latter leads to the domination of ethno-religious terrorist construct of ethno-archaic nature. In this regard, a person with a focus on the self-determination of the essence of man in archaeovangelical discourse can clearly distinguish the secondary nature of the ethnoarchaic construct of quasi-ethno-religious identity. This construct is necessary for the domination in philosophy of the problem of being over the problem of the essence of man. This domination is necessary so that algorithmic consciousness does not come to the creation of identity through ethno-religious self-consciousness. «The-body-without-organs» in this position should not go from being an appendage of the social megamachine to a state of integrated individuality. Subject less sociality in such

a case always denotes the dead-end path of man in the labyrinth of identities. Archaeoavangarde philosophy allows a return through the overcoming of algorithmic thought activity by moving from things silent under the «sacred veil» of science to things that refer to the transcendent state of ethno-religious identity, as a repetition of the same thing. The same as the search for man as the first and last God creating being through things-symbols, not things-objects. Hence, a different understanding of the breakthrough of the numinous, which is terrifying in that things that previously seemed irrelevant to human self-consciousness point to its essence. The discovery of ethno-religious subjectivity immediately designates the ethnoarchaic construct of ethno-religious identity as a simulacrum of subjectivity in an objectified mass social reality.

Keywords: archaeoavantgarde, identity, self-consciousness, thing, people, mass, science, religion, person, ethnoreligious terrorism, ethnoreligious identity, singular philosophy.

УДК 130.1.

ББК 87.6

Проблема соотношения понятий этнорелигиозной идентичности и этнорелигиозного самосознания во многом решается сегодня в свете двух философских парадигм. В свете парадигмы археоавангарда, где идентичность является производной от подмены проблемы человека проблемой сущего, и парадигмы социально-конструктивистской феноменологии, где именно идентичность сменяет этническое самосознание в силу отсутствия в нем метафорических социальных субъектов. Здесь социальное сущее полагается вмещающим человека тогда, когда все его грэзы о самосознающем этнорелигиозном субъекте психологического свойства подчиняются суровой логике конструируемой социальной реальности. Как отмечал П. Бергер, «особые исторические социальные структуры порождают *типы* идентичности, которые опознаются в индивидуальных случаях» [2, 280]. Отсюда следует, что проблема этнорелигиозной идентичности антиномична. Как и всякая проблема антропологии, она может быть сведена к установлению сущности этнорелигиозной идентичности или его этнорелигиозного самосознания. Неслучайно феноменологической конструктивист П. Бергер заметил эту антиномию, обо-

значив ее в следующем высказывании: «Общества обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями» [2, 279—280].

Следует отметить, что если брать эти понятия в рамках философских культур, то русской дореволюционной и советской философским культурам ближе самосознание, а западной — идентичность. Если же обращаться современному российскому философскому дискурсу, то различают сторонников самосознания и идентичности. Как отмечает В.С. Малахов, причина такого различия терминов связана с тем, что «притягательность понятия “идентичность” связана с тем, что оно позволяет избежать нежелательных ассоциаций с “философией сознания” и в то же время не отдавать соответствующую проблематику на откуп психоанализу. Вводя термин “идентичность”, мы можем тематизировать нерефлексивные, ускользающие от контроля “самосознания” содержания и вместе с тем не прибегать к зарезервированным психоанализом понятиям “подсознание” и “бессознательное”» [8].

Прописывать идентичность в социальном дискурсе следует иначе, нежели в индивидуально-психологическом, констатирует В.С. Малахов. Однако в идентичности подобного рода есть упоминание в том, что она в данном случае наиболее хорошо укладывается в дискурс алгоритмизации сознания современного человека, но совсем не укладывается в ее связь с теми метафорами, которые в идентичности запускают процесс ее деполитизации. Именно процесс преобладания политического контекста в идентичности делает ее понимание столь проблематичным.

В самосознании человек видит то, что в идентичности он не видит, а именно возможности воздействия мира трансцендентного, воображаемого или виртуального, на мир реальный, возможно, это и есть всеединство. Да, метафора как основа самосознания не является вещью, и приписывание ей вещественности есть гипостазирование. Однако уход от метафоры делает творение социальной идентичности уделом экспертного сообщества, а не любого человека, ищущего ее в себе и вне себя. Ищущего, но не творящего ее, как в прошлом.

Сконструированная идентичность — как единственная — подменяет ее связь с вопросом о сущности человека, вопросом о сущем без человека в философии. Возвращения того же самого в данном

случае не предусмотрено. Отсюда и возникающее с ней «неудобство». В замене этой ярко выражается то, что человек прошлого не должен быть тождественен человеку настоящего и уж тем более человеку будущего. Философский дискурс в данном случае, как и религиозный, подчиняется дискурсу научному, а через него — идеологическому. Новый человек стремится туда, где еще не открыто человеческое как научный факт, независимый от сознания. Это стремление вводит его туда, где идентичность уже уничтожила самосознание тем, что религиозные вещи-символы наличия самосознания уже безмолвствуют. Перестав быть творцом новых ценностей, человек эпохи алгоритма стал искать возможность парения над лабиринтом идентичностей как тупиков самосознания вместо разрушения или трансгрессивного преодоления тех границ-запретов, которые превратили вопрос об идентичности в лабиринт с бесконечными тупиками. Причина этого явления К.А. Свасьяном определяется так: «Лабиринт — человек в тупике идентичностей: сознание, попавшее в голову, как в ловушку, и тщетно ищущее выхода в мир, который оно никогда не найдет, пока не вспомнит, что вошло в голову из мира и — как мир» [13, 6].

Наука, коснувшись традиционных социальных идентичностей, сделала с ними то, что называется непричастностью человека к ним. Она сделала их смертоносными. Ведь трудно сегодня представить в мире науки двойственное отношение к мышлению в ее прошлом. Если в естественнонаучном познании мышление объективировало всех и вся, то в социально-гуманитарном познании мышление субъективировало все социальные явления в силу того, что коллективные представления тогда еще не были полностью разъяты, «как труп». Это отмечает В.С. Малахов, резюмируя, что субъективация социального как процесс обретения понимания коллективной субъектности не есть продуктивное мышление вообще. Возрождать метафоры и субстанционально-субъектное понимание идентичности после того, что им обозначено как заблуждение психологизмами социального, не хочется. Отсутствие такого желания кроется в суждении В.С. Малахова о том, что «...в духе “психологии народов”, особенно популярной в эпоху между двумя мировыми войнами, наши специалисты по идентичности мыслят последнюю как субстрат, субстанцию или, если угодно, как “субстанцию, которая есть еще и субъект”.

Как во времена Вильгельма Вундта, “национальная” и “этнокультурная” идентичность (тогда ее называли “национальным характером”, а еще раньше — “душой народа”) выступает в качестве *квазистатического образования*. В ее онтологическом статусе сомневаются столь же мало, как мало Бердяев сомневался в реальном существовании “души России”» [8].

Однако вмещает ли идентичность без самосознания человека? Идентичность без самосознания шумна, потому что шумят созданные наукой массы. У масс нет самосознания, они суть объекты, поэтому они не хотят молчать, но и говорить взято они тоже не могут. У них какие-то доселе не виданные чувства. Как отмечает С. Московичи, «именно поэтому в цивилизациях, где толпы играют ведущую роль, человек утрачивает смысл существования так же, как и чувство “Я”. Он ощущает себя чуждым в скоплении других людей, с которыми он вступает лишь в механические и безличные отношения. Отсюда и неуверенность, и тревога у каждого человека, чувствующего себя игрушкой враждебных и неведомых сил» [9, 8].

Объективированная сегодняшними социальными науками социальная реальность уже не вмещает человека как самобытно мыслящего творца, но видит в нем «тело-без-органов». В данном случае этот термин определяет человека не как трансцендентное существо, а как призрак капиталистической социальной мегамашины. Почему данный концепт Ж. Делеза наиболее подходит в контексте рассматриваемой нами проблемы, потому что в этом состоянии оно направлено против нашего самосознания, как «...нашего Я-чувства (чувства психосоматической и осознаваемой идентичности)» [10, 29].

Именно здесь в самом деле происходит иллюзорное освобождение от органичности этнокультурного единства, якобы принуждающего к тому, чтобы телесность с органами делала нас несвободными. Этнокультурная идентичность действительно помогает понять единство тела с органом и с телом без органов, но не в их противопоставлении. Там тело-без-органов несколько иное. Оно трансцендентное воплощение вечности через продолжение человеческого рода, как продолжение рода в народе, а не в определенной массовой общности, собранной в угоду очередной формуле всеобщего счастья. В археоавангарде этот процесс понимается как осознание, что из того факта, «что ты есть в один момент времени, никак не следует, что ты

будешь и в другой момент времени. Значит, должна быть сила, поддерживающая непрерывное существование человека. Сама эта непрерывность понимается в виде цепочки порождающих актов» [5].

Тело-без-органов может быть и утверждением коллективного субъекта, если тот полагается виртуальным, а не реальным. Реальная масса в социальной реальности, созданной для нее, принуждает физически, телесно. В ней несвобода социального принуждения кажется наиболее ярким выражением социальных фактов как вещей. Вещей, не ведущих к причастности к состоянию сакральному. Сакральное здесь уже не может быть тем, чем оно было, а именно порождающим самость без Я, а потом «Я с самостью», но не «Я без самости». По всей видимости, цель философии археоавангарда заключается в том, что «Я без самости» алгоритмизированного рационального человека не может ввести в состояние, когда «Богом, то есть чисто божественным (сакральным) существом, является дух, не подчиненный реальности какого-либо смертного тела. Человек, поскольку он сам есть дух, тоже божествен (сакрален), но не суверенно божествен, так как он реален» [1, 65].

Социальное бессубъектно, оно вещественно иначе, его субъектность скрыта научной завесой, выросшей во многом из теологической священной завесы. Общество есть сущее, которое уже не создает человека и не создается им. Социальные факты как определенные наукой вещи уже безмолвствуют. Но безмолвствуют уже не так, как безмолвствовали социальные факты до своей объективации. Те безмолвствовали о вложенном в них самосознании сущности человека. Изъяв самосознание, мы полностью изъяли вопрос о целостности человека. Традиционное представление о человеке, как и представление о человеке в эпоху Модерна, объединяется с постмодернистским человеком в алгоритмичное целое. Если кто-то не хочет объединяться, то он получает идентичность ужасную. Его метафорическое сознание не воспринимается как акт мышления, поскольку направлено на утверждение бытия иллюзорного иррационального. Оно не боится культурного взрыва, но само оно не хочет механически взрывать массу, поскольку знает, что механически, а не культурно взорванная масса порождает еще более агрессивную массу. Этнорелигиозная идентичность, уводящая прочь от механических взрывов квазиэтнорелигиозного терроризма, делает это путем тех взрывов человечности, которые были зафиксированы в прошлом и на

сегодня дискредитированы как раз наукой, определяемой П. Фейрабендом в качестве «...самой скучной и самой нетерпимой из всех религий» [12, 6].

Идентичности без самосознания уже не дают слова. Она, когда говорит, отсылает к вещам до их соприкосновения с бесцеремонной наукой. Эти вещи настолько обозначают очевидность отсутствия мышления там, где наука его утверждает. Отсюда очевидна борьба за то, чтобы не происходило возвращения того же самого. Первобытное мышление должно перестать быть мышлением в силу того, что там не было научной картины мира, но была создана этнокультурная субъектность. При этом ее оценка как не вмещающая человека обозначается как объективная.

Лозунг Э. Гуссерля «Назад к вещам» в случае с этнокультурной идентичностью приведет нас к тому, что встречи с этнокультурной субъектностью в нетронутом массиве состояния не произойдет. Как отметил М. Хайдеггер, вещь стала не хранить след человеческого мышления. Поэтому и с бессубъектной идентичностью можно поступать, как с существом без человека, но созданным им в состоянии воображения вместо мышления. Исток мышления в сущем, а не в человеке, утверждает научная картина мира. Дошедший до этого М. Хайдеггер ощущал состояние бесчеловечной идентичности, но не захотел вернуться к человеку. Причина этого невозврата в том, что попытка выйти из научоцентризма цивилизации в мир мистического воображения вещей, или выход к иной сущности техники, обернулась для М. Хайдеггера потерянным разумом немецкого народа. Подпаданием его под влияние как раз того, что губит человека еще больше, — под влияние расового национализма. Большего зла сконструированной этноархаики невозможно было бы и представить.

Вещи научно-технического мира отсылают к немыслиющей идентичности дезинтегрированного, отчужденного от культуры характера. Цивилизация здесь вновь потребовала жертвы неприкословенностью смысла вещи, хранимого культурой. Путем взрыва. Взрыва энергии самоуничтожения человека. Именно в его определении окончания культуры и таится возможность забыть об этнокультурной идентичности в ее этнорелигиозной синергии вообще — как взорванной и завешенной цивилизационным покрывалом. Очевидность этого акта можно наблюдать, если подозревать то, что в выска-

зывании о сущности цивилизации у О. Шпенглера это взрыв и завешивание обозначены наиболее точно. Согласно О. Шпенглеру, «Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей... Они — конец, без права обжалования, но они же в силу внутренней необходимости всегда оказывались реальностью» [15, 163—164].

Философия сущего полагает это цивилизационное состояние сознания человека непреодолимым, а археоавангард предполагает его преодоление при помощи культурного взрыва как процесса. В данном случае культурный взрыв — это «самоактуализация самости без Я», когда «Человеку всякий раз заново необходимо определять в себе что-то человеческое» [5].

Вот как выглядит картина мира тогда, когда через взрыв вещи наука утвердила господство сущего в бытии без человека, по М. Хайдеггеру: «Сущность вещи никогда не выходит на первый план, т. е. ей не дают возможности высказать себя. Причина, по которой такая аннигиляция столь сверхъестественна, заключается в том, что она несет в себе двойное заблуждение: с одной стороны, мнение, что наука превыше всего остального, что наука, опережая весь остальной опыт, истинна в своей реальности, а с другой стороны, видимость того, что вещи без ущерба от научного исследования действительно могли бы остаться теми же вещами, что предполагает, что они вообще когда-либо были вещами с высказанный сущностью» (перевод мой. — А.Б.) [16, 172].

Если в этом случае происходит потеря самобытного мышления, то исток этого процесса для М. Хайдеггера таится в том, в чем никто не хотел его видеть до этого. Вещь стала не вмещать желания творческого переосмысления, а стала истоком алгоритмизированного подражания: «...Это произошло и происходит настолько существенно, что вещи не только больше не признаются как вещи, но что вещи вообще никогда не могли представать перед мыслью как вещи», — отмечал М. Хайдеггер (перевод мой. — А.Б.) [16, 172.].

Вещь больше не отсылает к тому, что следует называть этнорелигиозным состоянием самосознания себя интегрированной индивидуальностью. Она перестает восприниматься как символ этого. Именно в этом и заключается утрата вещью способности вернуть идентичности ее этнорелигиозный смысл как единственный и изначальный. Идентичность может быть обретена через возвращение к

вещам лишь тогда, когда мы, согласно М. Хайдеггеру, совершим шаг назад, шаг в прошлое, «от мысли, только представляющей и объясняющей к мысли памятливой» (перевод мой. — А.Б.) [16, 172.].

Памятливая мысль от мысли объясняющей в контексте этнорелигиозной идентичности отличается тем, что человек идет не по своим следам, а по следам предка. Предка, прекрасно осознававшего то, что кроме этнорелигиозной идентичности в мире других идентичностей нет, а если есть, то они ненастоящие. Поэтому археоавангард и утверждает смысл обретения идентичности там, где осознается тот факт, что «человек, который идет к себе по своим следам, никогда не придет к себе. В ситуации безнадежности пространством идентификации становится тавтология. Я есть Я. Я удостоверяет себя в своем существовании удвоением самого себя» [5].

Такое изменение ведет к тому, что все духовные основы социального бытия и бытия человека, а именно: философия, религия и мифология — могут быть восприняты как основы открытия трансцендентного смысла этнорелигиозной идентичности. Это вызывает опасения в силу того, что сегодня социальная реальность и человеческое в человеке должно быть сконструировано под присмотром науки и не иначе как объект. Объект как брошенный перед тобой в качестве отсылки к уже состоявшемуся воздействию науки на вещь. Как отмечает Ю.А. Кимелев, «процесс сознательного конструирования собственной идентичности, сопряженный с постоянным мониторингом своего действия, причем с опорой на элементы экспертного знания, в том числе социально-научного, — вот суть теоретических взглядов на характер формирования индивидуальной идентичности в современных западных обществах» [6, 86].

Конечно, нас могут обвинить в том, что ценность научно-технического прогресса подрывается тем, что мы хотим вновь поставить знак равнозначности для мышления между научной, религиозной, мифологической и философской картинами мира. Более того, нас могут обвинить в том, что эта равнозначность ведет к тому, что разорванное научным взрывом их соединение нами будет осуществлено вновь, и это дегуманизация мира еще большая. Однако мы можем возразить на это, что сама наукообразная философия проводит такое совмещение, но лишь для того, чтобы еще больше показать взрывоопасность такого совмещения. По сути, человека отвращают от ар-

хеоавангарда, демонстрируя ему вместо этого этноархаику, где сущее выше человека, а социальная субъектность таится в том, чтобы никогда подражательный бриколаж не был воспринят как искажение изначальных коллективных представлений. Предок не может быть ближе к мышлению, чем современник или потомок. И к человеческому он тоже не может быть ближе.

Сегодня все больше и больше массовое сознание убеждают в том, что предикат «этнорелигиозный» тесно связан с феноменом терроризма. Например, в поисковой системе сайта «Google Академия» на произвольно взятой странице из десяти наименований научных работ восемь так или иначе отражают концепт «этнорелигиозный терроризм», один — актуализацию феномена народной педагогики и один — проблему этнокультурной идентичности. Отсюда закономерны вопросы: «Почему так произошло? Какова причина столь мощного убеждения людей в том, что любая этнорелигиозная идентичность есть идентичность террористическая? И возможно ли утверждать, что решение проблемы этнорелигиозной идентичности таится только в тупике терроризма?».

Возможно, концепт Амина Маалуфа «смертоносная идентичность» настолько распространен, что кажется, что вопрос об идентичности только так и решается. Однако Маалуф всего лишь успешный араб во Франции, где тысячи его сограждан лишаются возможности нормального существования в силу того, что имеют иной образ человека. Человека, которому нет места в пространстве массы в силу того, что человек массы, он же цифровой человек алгоритма, не является человеком воображающим. Маалуф сумел вписаться в новый мир тем, что стал презирать все, что связано с его арабским, сконструированным не им прошлым, как и герой Хан новорусского романа В. Пелевина, утверждающий в письме, что «прошлое — это локомотив, который тянет за собой будущее. Бывает, что это прошлое вдобавок чужое. Ты едешь спиной вперед и видишь только то, что уже исчезло. А чтобы сойти с поезда, нужен билет. Ты держишь его в руках, но кому ты его предъявишь?» [11].

Этнорелигиозный терроризм есть сконструированная этноархаика, имеющая своей целью не приход к первоначалу мышления в языке коллективной субъектности. В этнорелигиозном терроризме создается сущностная характеристика идентичности в лучшем случае как неудобной, а в худшем — смертоносной. Этнорелигиозная

идентичность такого типа стремится снять с человека ответственность за свое создание, утверждая отсутствие в прошлом человечности в субъектной социальности.

В археоавангарде вопрос об этнорелигиозной идентичности действительно заключается «...не в том, имеем ли мы дело с конфликтом между архаизмом и современностью, а в том, чтобы выяснить, почему в истории народов современность иногда отвергается, почему она не всегда принимается? Почему она не всегда воспринимается как прогресс, как желанное развитие? Это важнейший вопрос в любом размышлении об идентичности, сейчас как никогда» (перевод мой. — А.Б.) [17, 60—61].

Археоавангард ведет к культурному взрыву этнорелигиозной идентичности, смертоносной для массовой культуры. К взрыву идентичности, уводящей прочь от телесного комфорта масс, к неудобству ухода от самосознания. Здесь взрыв определяется через концепцию Ю.М. Лотмана, полагавшего, что «взрыв как явление физики, лишь метафорически переносимое на другие процессы, отождествился для современного человека с идеями разрушения и сделался символом деструктивности. Но если бы в основе наших представлений сегодняшнего дня лежали такие ассоциации, как эпохи великих открытий, Ренессанс или вообще искусство, то понятие взрыва напоминало бы нам скорее такие явления, как рождение нового живого существа или любое другое творческое преобразование структуры жизни» [7, 22].

В философии археоавангарда проблема идентичности человека является центральной по двум причинам. Первая — в том, что человек отождествляет себя либо с самостью без Я, либо с Я без самости. Вторая причина, делающая эту проблему центральной, заключается в том, что человек постоянно выбирает себя как вещь среди вещей или как некое трансцендентное существо, отторгающее свое вещное состояние тела без органов или тела, утратившего самосознание. Без самосознания человек полагает себя пустым, не оставляющим следа в мире феноменом. Поэтому ему необходимо сознавать себя самому. Самосознание в философии археоавангарда приводит человека к картине мира, где он стоит в *центре*, а вокруг него сущее как несущественное скопление вещей, пытающихся сдвинуть его из этого центра на периферию. Вещи эти произведены человеком, как и

картины мира, где ее попросту нет или он процесс, помогающий этим картинам сущего уничтожать его.

Если в философии сущего человек списывает все уничтожающее в нем человека на состояние животного, смысл бытия которого ему вроде бы ясен, то в философии археоавангарда такого списывания быть не может, ибо человеку неведомы ни сущность животного, ни сущность Бога, ни сущность его самого. Обращение к первоначалам ему ничего не дает в силу того, что он обращается в метафизике к началам сущего, к вещам, а не к синергии. Когда же он начинает обращаться к первоначалу сознания человеком, сознание начинает переписывать историю бытия, уводя его прочь от состояния приданка машины, орудия или оружия. Он в философии археоавангарда творец, но не царь. Творец, кому удалось свою творческую энергию закрепить, остановить свое перемещение из центра мира и переместить вещи туда, где они не мешают нормальной идентичности для жизни, а не для существования. И если в археоавангарде наступает безмолвие, то это значит что ничто как пустота преодолено, и его не надо прятать от себя священной завесой. Это ничто творит нечто синергично, а сущее находится в его власти, а не наоборот.

Вся проблема заключается в том, что ничто, которое ничтожит, есть созданное человеком от страха, но это не Бог. Ничто, способное творить человека из ничего, и есть то, что пытаются отрицать сторонники метафизики сущего. Именно в этом ключе они стремятся умертвить это ничто, назвав его ужасающей пустотой. Пустотой без человека. Пустотой, лишающей его состояния свободы, понимаемой ими как владение вещами при помощи завешивания этой пустоты или заполнения ее ими. Мистический страх в нуминозном есть страх того, что сущее есть ничтожащее. Именно этот страх многоголосен, красноречив и реален, без иллюзий. Иллюзия без иллюзии. Именно так определяется смысл сакрального в рамках сущего.

Философия археоавангарда выступает с позиции того, что сущность человека была выброшена на свалку истории вместе с его традиционными типами идентичности. Типами, полагавшими, что человеком можно оставаться только с людьми, а не самому по себе, когда люди суть объекты. Даже свои люди, до этого бывшие субъектами, вдруг стали объектами, угрожающими неизвестно откуда взявшейся индивидуальности. Индивидуальность происходит от иден-

тичности или, наоборот, идентичность от индивидуальности? Сначала идет воображение, в том числе и сообщества, а потом сообщество начинает проявляться реально, в нем все меньше и меньше от сообщества, воображаемого изначально в детстве. В нем нужна не та индивидуальность, которую ты вообразил в детском первобытном состоянии. С ней была воображена и первобытная идентичность, где индивидуальности и идентичности ничто не угрожает.

Книга Жана Бодрийяра, посвященная современному социальному без человека, называется «В тени молчаливого большинства». В ней идет речь о массе как объекте, симулирующем субъекта. Субъект-народ «безмолвствует», и масса тоже, но по-разному [3]. Неискушенному в этой разнице безмолвия кажется, что они тождественны, идентичны. Однако эта кажимость опасна, ибо не позволяет различить два разных бытия. Массы живут в одной картине мира, а народ — в другой, они по положению разные в мире истории. У массы история окончена, у народа она повторяется, у массы мир без мистерии, без колдовства, расколдован, у народа, наоборот, мир мистериален, таинственен, их, кажется, объединяет только то, что в них приходится искать человека. Однако вопрос: зачем? Если в мире масс он нужен как неприрученное животное, то в мире народа он нужен как последний — еще не убитый — Бог. Чтобы дискредитировать поиск человека как последнего и первого Бога, можно придумать харизматическую личность и объединить религиозных виртуозов и массовых лидеров. Между ними огромная разница, как между религией и квазирелигией, но это не в счет. Пока не вмешался археоавангард. Сомнение в том, что человек не оставляет следа, в нем решается либо подтверждением этого утверждения, либо срывом завесы со все же имеющегося следа.

В общем, чтобы стать успешным человеком в обществе алгоритма, необходимо в выборе идентичности всегда предпочитать настоящее и будущее прошлому, даже если при этом ты остаешься один, зато свободный. Но свободный ли? Индивидуализированное общество массы убеждает в том, что индивидуальность, доселе не сохраняемая ни в одной культуре, сегодня сохранена благодаря тому, что социальное действие алгоритмизировано за счет избавления от некоторых воображаемых сообществ и их якобы внеличностных действий. Сегодня уже не нужно совершать традиционные аффективные или ценностно-

рациональные действия. Их возможности в творении социального зависели от того, что называется социальным принуждением, но не самим по себе, а за счет идентичности реалистского характера, когда иллюзорное выдавалось за сущее. Теперь, действуя по алгоритму в рамках предельной рациональности, ты всегда выбираешь номиналистскую идентичность, а значит, ты властен над самим собой, поскольку ты принуждаешь общество считаться с тобой как с творцом социального². Именно такая идентичность не несет смерти. Толькотворишь ли ты общество действительно творчески и свободно или ты это делаешь как подвластный кому-то, тому, чьей власти ты не замечаешь, однако она есть? Это власть анонимного Другого, пишущего алгоритмы для тех, кто основательно стер историческую память, полагая тем самым, что он избавился от страха и обрел свободу. Манкуорт вдруг стал полноценным человеком, а традиционный человек манкуортом. Там, где человек никогда не оставлял следа, он вдруг стал оставлять след, и наоборот. Здесь возникает современная очевидность того, что человек алгоритма — это тот, кто не оставляет следа в памяти народа, но на земной поверхности расколдованный мира он наследил основательно, как и в мышлении [4, 4].

Человек алгоритма убежден, что прогресс делает его самодостаточным и свободным, а его предку вечно чего-то недостает. Поэтому нам следует в этнокультурной идентичности субъектного характера разглядеть то, что не разглядит тот, кто в ней видит только объектный этнорелигиозный терроризм. Разглядеть бунт интеллектуальной совести антропологического археоавангарда. Творец этого течения в русской философии человека Ф.И. Гиренок полагает, что освобождение от алгоритмизации есть непоследовательность. Непоследовательность прошлого по отношению к будущему. Именно она пугает нашего со-

---

² «Суть социологического реализма состоит в том, что за основу общественной жизни берется общество, различные социальные группы и институты. Именно они, по мнению сторонников данного направления, — истинные носители социальной реальности. Отдельные же индивиды приобретают свои социальные качества, лишь приобщаясь к этим сверхиндивидуальным образованиям. Здесь, таким образом, провозглашается безусловный примат общества как целого над индивидами. Социологический же номинализм, напротив, исходит из того, что источник и единственный субъект социальной жизни — индивид и его социальное действие» [14, 167].

временника, обозначающего ее как несвободу. Уход от этнорелигиозной идентичности нужен тому, кто хочет как можно больше обессилить творческое начало в человеке, сделать его признаком искусственного интеллекта в силу того, что иначе в археовангардном дискурсе научно-технический прогресс будет определен как уничтожение человеческого в человеке.

Подведем некоторые итоги. Почему идентичность становится либо смертоносной, либо некомфортной? Причина зачастую обозначается тем, что человек, строящий свою идентичность глубинно, археологически не может не обнаружить в ней неких заблуждений и довериться им так, что он прячет от себя смысл событий настоящего и понимание будущего. Вся суть происходящего с идентичностью строится на том, что прошлое дает идентичность, социетальную, внеличностную, религиозно окрашенной общности. Общности, вызывающей желание интегрироваться с ней. При этом многим кажется, что эта интеграция несет смерть индивидуальности, связанную с тем, что, растворясь в социуме, человек не может обрести свою идентичность. В идентичности, связанной с прошлым, сущности человека найдено не было, поскольку там не было субъекта и индивидуальности вообще. Там не было жизни для личности, а значит, не было творчества.

Литература

1. *Батай Ж.* «Проклятая часть»: Сакральная социология. М: Ладомир, 2006. 742 с.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 95 с.
4. *Гиренок Ф.И.* Введение в сингулярную философию. М.: Прoспект, 2021. 304 с.
5. *Гиренок Ф.И.* Философский манифест археоавангарда: URL: <http://fege.narod.ru/librarium/gman.htm> (дата обращения: 09.06.2025).
6. *Кимелев Ю.А.* «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии: Научно-аналитический обзор М.: РАН, ИНИОН, 2006. 95 с.

7. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; издат. группа «Прогресс», 1992. 272 с.
8. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2: URL: <http://www.igpi.ru/info/people/friends/mala-khov/articles/1132596923.html> (дата обращения: 9.06.2025).
9. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2020. 396 с.
10. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV. М.: Мысль, 2010. 736 с.
11. Пелевин В. Желтая стрела: URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1993/7/zheltaya-strela.html (дата обращения: 09.06.2025).
12. Перцев А.В. Жизненная стратегия толерантности, проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 254 с.
13. Свасьян К.А. Человек в лабиринте идентичностей. М.: Evidentis, 2009. 187 с.
14. Фетисов В.Я. Социология в поисках идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 2. С. 166—180.
15. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. 663 с.
16. Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Hrsg. F.-W. Von Herrmann, 2000. Vol. XVIII. 298 s.
17. Maalouf A. *Les Identités meurtrières*. Paris: Grasset, 1998. 189 p.

References

1. Bataj ZH. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sociologiya. M: Lademir, 2006. 742 s.
2. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
3. Bodriyar ZH. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec sozial'nogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 95 s.
4. Girenok F.I. Vvedenie v singulyarnyyu filosofiyu. M.: Prospekt, 2021. 304 s.
5. Girenok F.I. Filosofskij manifest arheoavangarda: URL: <http://fege.narod.ru/librarium/gman.htm> (data obrashcheniya: 09.06.2025).

6. *Kimelev YU.A.* «Sub"ekt» i «sub"ektivnost» v sovremennoj zapadnoj social'noj filosofii: Nauchno-analiticheskij obzor M.: RAN, INION, 2006. 95 s.
7. *Lotman YU.M.* Kul'tura i vzryv. M.: Gnozis; izdat. gruppa «Progress», 1992. 272 s.
8. *Malahov V.S.* Neudobstva s identichnost'yu // Voprosy filosofii. 1998. № 2: URL: <http://www.igpi.ru/info/people/friends/malakhov/articles/1132596923.html> (data obrashcheniya: 9.06.2025).
9. *Moskovichi C.* Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 396 s.
10. Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t. T. IV. M.: Mysl', 2010. 736 s.
11. *Pelevin V.* ZHeltaya strela: URL: https://magazines.gorky.media/novy_i_mi/1993/7/zheltaya-strela.html (data obrashcheniya: 09.06.2025).
12. *Percev A.V.* ZHiznennaya strategiya tolerantnosti, problema stanovleniya v Rossii i na Zapade. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. 254 s.
13. *Svas'yan K.A.* CHelovek v labirinte identichnostej. M.: Evidentis, 2009. 187 s.
14. *Fetisov V.YA.* Sociologiya v poiskah identichnosti // ZHurnal sociologii i social'noj antropologii. 1999. № 2. S. 166—180.
15. *SHpengler O.* Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. M.: Mysl', 1993. 663 s.

IV

АКТУАЛЬНАЯ социология

Р.Ю. СКОКОВ

**Система информационной безопасности
и цифровой грамотности в России и регионах:
истоки, состояние, перспективы***

Аннотация. В статье показано использование научно-технологических разработок для воздействия на частное и массовое поведение. Современные возможности анализа больших данных снимают ограничения усредненных показателей, на которых строились традиционные теории. Неограниченное информационное потребление и использование цифровых устройств детьми и молодежью могут сопровождаться наряду с позитивными и негативными эффектами. Западные технологии убеждения в условиях ведения против России информационной и поведенческой войн оказывают негативное влияние на сохранение и укрепление российских традиционных ценностей. В 1990—2024 гг. происходит ускоренное развитие деструктивных форм поведения детей и молодежи, стимулируемое информационным потреблением из интернет-среды. Цифровые устройства и ресурсы отвлекают значительное время жизни пользователей с несформированным критическим мышлением. Дети и молодежь через цифровые технологии оказываются подверженными значительному количеству рисков. На федеральном уровне для регионов сформирована нормативно-правовая и информационно-ресурсная база для создания единой системы и условий защиты детей и молодежи от деструктивной информации. Для субъектов России разработаны направления повышения информационной безопасности и цифровой грамотности детей и молодежи. В Волгоградской области, которая является ключевым регионом России по патриотическому воспитанию, выстраивается эффективная система межведомственного взаимодействия в сфере повышения цифровой грамотности и информационной безопасности детей и молодежи.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Скоков Р.Ю. Система информационной безопасности и цифровой грамотности в России и регионах: истоки, состояние, перспективы // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 243—266. DOI: 10.5281/zenodo.17341162.

Ключевые слова: поведенческий дизайн, информационное потребление, деструктивное поведение, информационная и поведенческая война, цифровая грамотность, информационная безопасность, эскапизация, традиционные ценности, дети, молодежь.

Abstract. The article shows the use of scientific and technological developments to influence private and mass behavior. Modern capabilities for analyzing big data remove the limitations of average indicators on which traditional theories were built. Unlimited information consumption and use of digital devices by children and young people can be accompanied by positive and negative effects. Western technologies of persuasion, in the context of information and behavioral wars against Russia, have a negative impact on the preservation and strengthening of Russian traditional values. In 1990—2024, there is an accelerated development of destructive forms of behavior in children and young people, stimulated by information consumption from the Internet environment. Digital devices and resources distract significant time of life of users with unformed critical thinking. Children and young people are exposed to a significant number of risks through digital technologies. At the federal level, a regulatory and information-resource base has been formed for the regions to create a unified system and conditions for the protection of children and young people from destructive information. Directions for improving information security and digital literacy of children and young people have been developed for the constituent entities of Russia. In the Volgograd region, which is a key region of Russia for patriotic education, an effective system of interdepartmental cooperation is being built in the area of improving digital literacy and information security of children and youth.

Keywords: behavioral design, information consumption, destructive behavior, information and behavioral warfare, digital literacy, information security, escapism, traditional values, children, youth.

УДК 16.8
ББК 004.056 : 316.772.5

Одному Богу известно, что они
делают с мозгами наших детей.

Ш. Паркер, сооснователь
и первый президент Facebook¹

Население России в 2024 г. составило 146,2 млн чел., из которых 30,2 млн несовершеннолетние (21%), из них 27 млн чел. (89%) являются активными пользователями информационно-телекоммуникационной сети Интернет (рис. 1).

Рис. 1. Население и пользователи интернета в России
(на 01.01.2024 г.) [17]

¹ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

С 2010 по 2023 г. обеспеченность компьютерной техникой и мобильными телефонами в России в расчете на 100 домохозяйств выросла с 63 ед. до 130 ед. и с 228 ед. до 249 ед. соответственно [12].

Взросление современных детей происходит на фоне стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий. В своих привычках, ценностях и поведении в сети Интернет эта группа принципиально отличается от представителей более старшей аудитории. Их основными интересами являются общение в социальных сетях, просмотр видео и онлайн-игры.

Современные дети используют сеть Интернет как в образовательных учреждениях, так и в домашних условиях. Использование в первом случае носит контролируемый и организованный характер, во втором случае — зачастую бесконтрольный, что несет повышенные риски.

Информационные и поведенческие технологии аккумулировали самые мощные междисциплинарные достижения науки последнего столетия. Для влияния на поведение населения и потребителей используются передовые научно-технологические разработки [13], такие как:

1) достижения физиологии, психологии, нейробиологии (И. Павлова, З. Фрейда, П. Анохина, Б. Скиннера, Э. Ильенкова и др.);

2) психоаналитические технологии управления общественным мнением и организационных изменений (Г. Лебона, У. Липпмана, Э. Бернейса, У. Уолша, О. Шпенглера, К. Левина, Ф. и М. Эмери и др. исследователей Тавистокского института человеческих отношений);

3) концепции потребительского поведения (нобелевских лауреатов Г. Саймона, Д. Канемана, А. Дитона, Р. Талера, Г. Беккера, а также Т. Веблена, Дж. Уотсона и др.);

4) развитие информатики, зарождение кибернетики в целях ВПК (Э. Сперри, А. Тьюринг, Дж. фон Нейман, К. Шенон, Н. Винер и Д. Бигелоу, Н. Бруевич, А. Ляпунов, А. Берг, А. Китов, С. Лебедев, И. Брук, Ю. Базилевский и др.);

5) исследования головного мозга и искусственного интеллекта (У. Эшби, Г. Саймон и А. Ньюэлл, Э. Мониш, Х. Дельгадо и др.);

6) развитие сетей передачи данных, ЭВМ в военно-политических целях (Э. Бир, В. Глушков);

7) распространение сетей передачи данных и компьютеризации в массовый потребительский сектор (интернет, социальные сети, гаджеты, С. Джобс и С. Возняк, П. Бениофф и др.);

8) развитие технологий поведенческого дизайна (Д. Норман, Б.Дж. Фогг, П. Хеккерт, Н. Эяль и Р. Хувер, А. Пентленд и др.);

9) развитие нейрокомпьютерного интерфейса (И. Маск).

Советские и западные ученые многие важные шаги в сфере технологических открытий и их внедрения в практику делали одновременно. В СССР еще в середине 1960-х гг. созданы, а в 1972 г. запущены автоматизированные авиа- и железнодорожные кассы «Сирена», «Экспресс» — аналог современных социальных сетей. Но, главным образом, разрушительные технологии, создаваемые для военно-промышленного использования, в массовый потребительский сектор внедрил Запад.

Основными вехами развития и использования научно-технологических открытий в общественно-политической жизни можно назвать следующие:

- 1914—1918 гг. — создание в Веллингтон-Хаусе (Великобритания) первого в мире пропагандистского центра для мобилизации общественной поддержки Первой мировой войны (США, Великобритания, Германия);

- 1946 г. — создание Тавистокского института человеческих отношений (Великобритания) для психоаналитических исследований группового и организационного поведения (средства пропаганды широко применены и развиты во Второй мировой войне; на радио в «выпусках новостей» многие факты были переплетены с вымыслом; созданы «Управление военной информации» и «Управление стратегических служб» — предшественник ЦРУ для ведения психологической войны);

- 1946—1991 гг. — в период холодной войны между СССР и США способы ведения психологической войны стали более изощренными, а пропаганда — инструментом государственной политики [6], телевидение использовали как систему, блокирующую аналитические возможности человека, высшие контролирующие функции, рациональные компоненты;

- 1956 г. — «Будапештское восстание» [14];
- 1968 г. — «Пражская весна», «Парижская революция» [15];
- 1969 г. — распространение сетей передачи данных и компьютеризации в массовый потребительский сектор (по заказу американского военного агентства DARPA созданы первые американские сети (ARPANET и Tymnet); вывод на рынок персональных компьютеров, сотовых телефонов, графического интерфейса;
- 1989 г. — события в Пекине на площади Тяньаньмэн [3]: государственной властью Китая интернет рассматривается как информационное оружие для подрыва безопасности государства, осуществляется тотальное регулирование [16];
- 1991 г. — распад СССР (события в Ираке, Боснии и Герцеговине, Ливии, Сомали, Югославии, Йемене);
- 2000-е гг. — цветные революции на постсоветском пространстве (Грузия, Украина, Киргизия, Армения).

В России заметные меры по регулированию информационной отрасли можно отметить только после начала СВО в 2022 г.: признание Meta экстремистской организацией и ее запрет в РФ; Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ...»; запрет смартфонов на школьных уроках; замедление работы YouTube; регистрация каналов или страниц с подписчиками 10 тыс. В качестве проектов рассматривается запрет деструктивного контента в России, запрет детям до 14 лет пользоваться соцсетями.

В 2025 г. Австралия первой в мире запретила соцсети подросткам до 16 лет [18]. Технологические компании должны принять меры, чтобы несовершеннолетние пользователи не имели доступа к этим платформам. За нарушение компаниям грозит штраф до 50 млн австралийских долл., или почти 3,5 млрд р.

Технологии убеждения, развиваемые транснациональными корпорациями, используются для управления человеческими мыслями и действиями, манипулирования эмоциями и поведением. И особенно уязвимыми являются дети и молодежь.

В период 1990—2024 гг. отмечается ускоренное развитие следующих деструктивных форм поведения молодежи, стимулируемых информационным потреблением из интернет-среды:

- пропаганда и вовлечение в незаконную торговлю аддиктивными товарами (наркотиками, алкоголем, вейпами и др.);

- кибермошенничество, фишинг;
- вербовочная деятельность в радикальные организации.
- цифровые зависимости (номофобия, игромания, зависимость от социальных сетей);
- насилие, АУЕ², оффники, неоязычники, экстремизм;
- колумбайн-сообщества, скулштутинг;
- вовлечение в суицидальные группы (депрессивный контент, мода, челленджи, «игры смерти» и др.);
- незаконные протестные акции и настроения;
- деструктивная пропаганда насилия (треш-стримы, абыз, кибербуллинг, хеппислэпинг и др.);
- антисемейный и антирелигиозный контент, аниме-сообщества с интим-контентом, ЛГБТ-пропаганда, шантаж;
- фурри, Skulldog, квадробинг.

Очевидно, что во многих течениях зашиваются идеологии, не соответствующие российским традиционным ценностям. Проявление силы современных технологий — это когда безобидные игры в детском возрасте дома или на детских утренниках трансформируются в различные групповые аномальные модели поведения в подростковом и взрослом возрасте. В сценарии развития деструктивных форм поведения закладываются инструменты и средства поведенческих технологий: триггеры, переменное вознаграждение, подкрепление, зависимость, сетевая активность, переходные субкультуры и др.

Строительными блоками цифрового поведенческого дизайна являются пять основных гормонов, регулирующих поведение (табл. 1).

Цифровые аддиктивные товары, такие как алкоголь и наркотики, вызывают патологическую зависимость и привыканье. Они разрабатываются, чтобы манипулировать вниманием, как можно больше времени держать потребителя на крючке. В 2018 г. игровые зависимости включены ВОЗ в 11 издание МКБ. Выделена болезнь номофобия — страх отсутствия мобильного телефона. В цифровых товарах влияние реализуется через звук, изображения, скорость, удобство.

---

² Экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Модель крючка, или краткосрочных дофаминовых петель обратной связи реализована в мобильных приложениях, социальных сетях, цифровых играх и др. Она базируется на теории функциональных систем, разработанной в 1935—1939 гг. советским физиологом, предвестником современной кибернетики, автором термина «обратная связь» П. Анохиным. Также П. Анохиным в 1921—1922 гг. под руководством В. Бехтерева проведено его первое научное исследование «Влияние мажорных и минорных колебаний звуков на возбуждение и торможение в коре головного мозга». В последней — опубликованной в 1974 г. — работе П. Анохина «Системный анализ интегративной деятельности нейрона» были сформулированы основные идеи о внутринейрональной переработке информации.

Таблица 1
Строительные блоки поведенческого дизайна

Нейрохимические вещества (нейромедиаторы)	Факторы выживания в реальной жизни	Цифровые механизмы
Дофамин	Деятельность, способствующая выживанию вида	Уровни в видеоиграх, лайки в соцсетях, скроллинг, комменты, репосты
Кортизол	Нападение, драка, опасность, желание спастись	Страх что-то упустить (FOMO) в соцсетях, мессенджерах
Серотонин	Смех, близость	Ложный гламур чужой жизни: показные ум, красота, популярность, богатство, счастье
Эндорфины	Совместный социальный опыт, признание в обществе	Дружба, общение, знакомство в социальных сетях
Окситоцин	Творчество, самовыражение, любимое дело, солнечный свет	Обмен информацией, создание текстов, графиков, сайтов, фото, видео, онлайн

Источник: составлено автором.

Дети и молодежь, растущие в цифровом мире, сталкиваются с негативными и позитивными последствиями для здоровья.

ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Министерства здравоохранения Российской Федерации к положительному влиянию гаджетов относит [8]:

- возможность быстрой связи с родителями и друзьями при необходимости;
- возможность общения в группе, встреч с известными людьми;
- неограниченный доступ к текстовой информации с возможностью выхода в интернет;
- способность просматривать видеоматериалы, цветные изображения, прослушивать звуковые записи, т. е. пользоваться всеми мультимедийными возможностями;
- получение эстетического удовольствия от контента игр;
- снятие стресса во время игр;
- развитие сложных психомоторных и логических навыков при использовании игр;
- поддержание социального статуса ребенка (быть не хуже сверстников).

Очевидно, что все вышеперечисленные позитивные моменты, кроме первого, являются дискуссионными и при неконтролируемом, чрезмерном использовании, демонстративном потреблении детьми могут привести и к негативным последствиям. А действия, связанные с видео- и цифровыми играми, целесообразно заместить физическими активностями.

Среди студентов Волгоградского государственного аграрного университета проведен опрос о проводимом ими времени перед экранами смартфонов (рис. 2).

В сутки студенты проводили перед экранами смартфонов около 8 часов. Только 3% респондентов тратят у экранов до 2 часов в сутки, 21% — до 6 часов в сутки, 37% — до 8 часов, 39% — свыше 8 часов в сутки.

Управление экранным временем является одним из аспектов здорового цифрового поведения, которое является частью цифровой грамотности. Чрезмерное экранное время может косвенно повышать

риски информационной безопасности, поэтому важно соблюдать баланс и следить за качеством контента, потребляемого детьми и подростками.

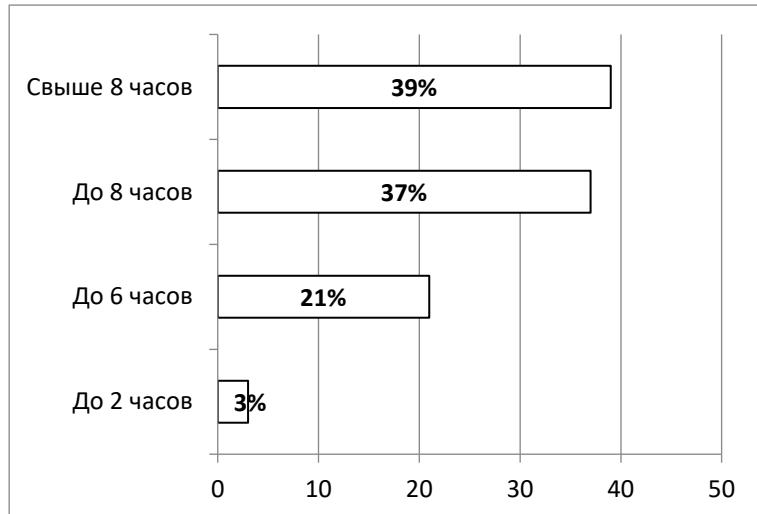

Рис. 2. Экранное время студентов

Цифровая грамотность — набор знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов интернета [1]. Информационная безопасность детей — состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информации, в том числе распространяемой в сети Интернет, вреда их здоровью, физическому, психическому, духовному и нравственному развитию [9].

Лакмусовой бумагой поведения детей и молодежи являются социальные сети. В России АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (АНО «ЦИСМ») ведет мониторинг подписчиков в деструктивных сообществах среди детей и молодежи до 35 лет в социальной сети ВКонтакте, а также в других социальных сетях и мессенджерах.

По данным АНО «ЦИСМ», на их постоянном мониторинге находится 14 332 563 профиля с географической привязкой к субъектам Южного федерального округа. Из них к деструктивному контенту проявляют интерес 96 169 профилей — 0,67% от общего числа

профилей федерального округа, или 1,73% от численности детей и молодежи 7—35 лет (табл. 2).

Таблица 2
**Профили в социальной сети ВКонтакте с интересом
к деструктивному контенту по регионам Южного федерального
округа (01.01.2025 г.)**

Наимено- вание пока- зателя	Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Республика Крым	Краснодарский край	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская об- ласть	Севастополь	Итого ЮФО
Числен- ность детей и моло- дежи 7—35 лет, тыс. чел.	182	100	627	1971	343	788	164	189	5563
Всего про- филей в де- структиве, чел.	1000	337	9213	38706	3673	12112	26681	4447	96169
в том числе:									
Анархизм	52	27	569	1752	214	742	1294	360	5010
А.У.Е. ³	105	34	373	1993	223	617	1307	127	4779
Скулшу- тинг	1	1	9	29	2	12	15	2	71
Риски суи- цидального поведения	72	27	622	2333	265	796	1595	245	5955
колофут- бол	146	58	1071	7876	546	1898	4501	582	16678

³ Экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации

Продолжение табл. 2

Наркомания	249	74	2672	10583	830	3057	7033	1303	25801
Пропаганда нацизма	375	116	3897	14140	1593	4990	10936	1828	37875
Профили в деструктиве, в% к численности детей и молодежи	0,55	0,34	1,47	1,96	1,07	1,54	1,96	2,35	1,73

Источник: по данным АНО «ЦИСМ».

Распределение субъектов ЮФО по доле профилей с интересом к деструктивному контенту следующее:

- Краснодарский край — 38 706 профилей (0,80% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 1,96% от численности детей и молодежи 7—35 лет);
- Севастополь — 4 447 профилей (0,77% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 2,35% от численности детей и молодежи 7—35 лет);
- Ростовская область — 26 681 профиль (0,75% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 1,96% от численности детей и молодежи 7—35 лет);
- Республика Крым — 9 213 профилей (0,57% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 1,47% от численности детей и молодежи 7—35 лет);
- Республика Адыгея — 1 000 профилей (0,54% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 0,55% от численности детей и молодежи 7—35 лет);
- Астраханская область — 3 673 профиля (0,53% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 1,07% от численности детей и молодежи 7—35 лет);
- Волгоградская область — 12 112 профилей (0,45% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 1,54% от численности детей и молодежи 7—35 лет);

- Республика Калмыкия — 337 профилей (0,18% от общего числа профилей с привязкой к субъекту; 0,34% от численности детей и молодежи 7—35 лет).

Наибольшая доля подписчиков в сообществах, распространяющих контент по теме межнациональных отношений, — 39,38%.

Доля профилей подписчиков в сообществах, распространяющих публикации с информацией о наркотических веществах, — 26,83%.

В направлении околофутболистов, или оффников — 17,34% подписчиков.

В сообществах «Риски суициdalного поведения» зафиксировано 6,19% подписчиков. Это подписчики в сообществах психологической помощи, а также в сообществах, распространяющих публикации депрессивного характера.

По направлению «анархизм» — 5,21% профилей, включая подписчиков в сообществах, распространяющих публикации с критикой власти.

Доля подписчиков в деструктивном сообществе А.У.Е. — экстремистской организации, запрещенной на территории Российской Федерации, распространяющей криминальную идеологию, систему ценностей основанную на воровских понятиях, нормах блатного мира, — 4,97%.

АНО «ЦИСМ» анализируется динамика вовлечения в деструктивный контент, а также наиболее резонансные события в субъектах РФ.

Социальные сети используются в качестве инструмента распространения деструктивных идеологий, кибербуллинга, цифровой зависимости, негативной информации, которую потребляют дети и молодежь. Свободный доступ в интернет повышает риск воздействия деструктивной информации. Технологический прорыв и развитие цифровых продуктов повлияли на переход субкультур в сетевое пространство, а также на зарождение новых течений в интернет-среде. В социальных сетях удобно выстраивать коммуникации и искать новых членов движений.

По мнению А. Пентланда — автора книги «Социальная физика» [10], мониторинг динамики социальных взаимодействий и их происхождения снимает ограничения усредненных показателей, таких как рыночные индексы, понятия рынка и классов, на которых

строили теории А. Смит и К. Маркс. Социальные феномены состоят из множества мелких транзакций между индивидами. Существуют отдельные примеры межличностных взаимодействий (микропримеры), которые не просто не укладываются в усредненные параметры, а являются причиной социальных вспышек и потрясений, таких как Арабская весна. Значение «больших данных» состоит в том, что они дают информацию о поведении людей. Понятие «больших данных» и наука о сетях находятся за гранью обычных подходов к проектированию социальных структур.

Поведенческие технологии проектирования (дизайна) с применением массива больших данных о реальном поведении людей в различных ситуациях, их привычках, склонностях и реакциях, получаемые транснациональными корпорациями, могут использоваться для частного и массового управления человеческими чувствами, эмоциями, мыслями и действиями. Появилась способность предсказывать и управлять поведением рынков и возникновением революций.

Очевидно, возможно функционирование системы управления групповым и массовым поведением любой размерности в иностранных государствах для реализации интересов наднациональной финансово-корпоративной элиты [4].

Обстоятельствами, косвенно подтверждающими данный факт, являются следующие:

- циклопический центр АНБ в штате Юта (для хранения и обработки сверхбольших данных — объемом 15 лет мирового трафика);
- инвестиции в интеллектуальный анализ сверхбольших массивов данных;
- передача компаниями мира «больших данных» разведке США (социальных сетей, мессенджеров общения, банков, страховых компаний, пенсионных фондов, авиакомпаний, маркетплейсов, ГИС, электронных почтовых сервисов, браузеров и др.);
- научные разработки технологических систем «невидимого» проектирования (дизайна) поведения систем любой размерности в иностранных государствах в интересах наднациональной элиты.

В концепции сухопутных сил США «Победа в сложном мире 2020—2040» принята на вооружение доктрина 5 доменов (полей) боя

(суша, вода, воздух, космос, электромагнитная среда) и 7 сфер противоборства (военные действия, внешнеполитическая борьба, воздействие на внутреннюю политику, финансово-экономические конфликты, информационные войны, поведенческие войны, технологическое противоборство).

Информационная война — целенаправленное широкомасштабное оперирование смыслами: создание, уничтожение, модификация, навязывание, блокирование носителей смыслов информационными методами для достижения поставленных целей» [11, 3].

Основные цели — манипуляция общественным мнением и влияние на процессы принятия решений — достигаются путем распространения дезинформации, фейковых новостей, кибератак, хакерства, создания ботов и амбассадоров мнения, манипуляциями поисковыми системами и др. действиями [2].

В настоящее время в интернете создается много информационных ресурсов, распространяющих фейки, провокации, показывающих Россию в отрицательном свете, очерняют и дискредитируют Вооруженные силы Российской Федерации, оскверняют памятники и др. Однако информационная война против России ведется 150 лет и угасала только в 1940-е гг., в период Второй мировой войны, и в 1990-е гг., когда страна ушла с международной арены.

Е. Ларина и В. Овчинский считают, что различие между поведенческими и информационными войнами носит не терминологический, а принципиальный, в том числе инструментальный и конструкционный, характер [7]. Информация является одним из составных компонентов поведения, которое обязательно предполагает различного рода инструментальную деятельность, психофизиологические реакции и иные чисто физические процессы. В поведенческих войнах используется инструментарий не только информационных войн самого различного типа, в том числе базирующийся на семиотических системах, но и различного рода физические, ориентационные и иные технологии.

В. Ковалев и Ю. Матвиенко поведенческой войной называют целенаправленное управление поведением населения страны-мишени с использованием современных информационных, когнитивных, физических, ориентационных технологий [5].

Распространение сетей передачи данных, компьютеризации в массовый потребительский сектор, появление интернета, соцсетей,

гаджетов и др. увеличили возможности контроля и влияния на личность. Сегодня можно непрерывно следить за каждым гражданином и вести постоянно обновляемые файлы-досье, содержащие обычную информацию, конфиденциальные подробности о здоровье и поведении каждого. Западные спецслужбы ведут борьбу за мгновенный доступ к данным (например, ситуации с Э. Сноуденом, П. Дуровым).

Цифровые устройства забирают время жизни — самый ценный ресурс, имеющий значение для физического здоровья и умения жить в социуме. «Бесплатные» приложения собирают данные о потребителях.

Смартфоны и цифровые устройства с экранами вызывают изменения в структуре и функциях неразвившегося головного мозга ребенка. Большинство родителей с младенческого возраста позволяют детям пользоваться экранами. В то время как создатели цифровых благ запрещают или ограничивают их использование своим детям: С. Джобс, Б. Гейтс и др. Нестабильность эмоциональной сферы и низкий уровень критичности восприятия и обработки информационного потока детьми и подростками свидетельствуют о том, что именно они находятся в группе потенциального риска для негативного воздействия и интернет-манипуляций с последующим вовлечением в деструктивную деятельность.

Деструктивное информационное воздействие способствует формированию у детей и подростков неправильного восприятия традиционных российских духовно-нравственных ценностей, провоцирующего «психологический слом», следствием которого могут стать как депрессивное состояние, так и проявление девиантного поведения, повышенной агрессии к окружающим.

Несформированность критического мышления обуславливает особую уязвимость детей и молодежи перед воздействием такой информации, оказывает на них психотравмирующее воздействие, способствует их виктимизации, вовлечению в деструктивную деятельность, усвоению ими антисоциальных ценностей и норм, побуждает их к совершению общественно опасных действий, способных причинить вред как самому ребенку, так и его окружению.

Дети и молодежь взаимодействуют со следующими цифровыми инструментами и ресурсами, через которые может оказываться деструктивное влияние на их развитие: гаджеты; мессенджеры; социальные сети; видеохостинги; нейросети, чат-боты; компьютерные

и телефонные игры; интернет-казино, онлайн-букмекеры; поисковики; аниме; фанфики, фэндомы, фикбуки, треш-стримы; крипипаста и др.

В области виртуальной коммуникации дети оказываются подвержены значительному количеству рисков: дипфейки, фейки, политические манипуляции, управление поведением, экстремизм, межнациональная рознь, терроризм, анархизм, букмекеры, суицидальное поведение, скулштутинг, аддиктивное поведение, фишинг, квадробинг, сваттинг, доксинг, кибермошенничество, шантаж, антисемейная пропаганда, сектантство, ЛГБТ-пропаганда, антирелигиозная пропаганда, ультрадвижение, неонацизм, буллинг, травля, абыуз, околоюмористические паблики, порнография, номофобия, игромания, СДВГ, кадровое мышление, клиповое мышление, социопатия, социофобия, ухудшение памяти, ухудшение речевых навыков, пищевые расстройства, нарушение сна, карцинома, депрессия, деградация мышления, раздражительность, бессонница, депрессия, ухудшение зрения, туннельный синдром, боли в шее, гипокинезия, артериальное давление, тревожность, эгоцентризм, финансовый ущерб, снижение успеваемости, когнитивные нарушения, цифровой аутизм и др.

Формируемый неконтролируемым использованием гаджетов вакuum в голове детей и молодежи заполняется деструктивными императивами. Западные идеологии через цифровые технологии проникают в сферу духовной безопасности и делают русское общество крайне уязвимым.

Духовно-нравственные традиции и принципы русского общества основаны на вере, соборности, культуре, которые заставляют мыслить. Ценностями являются: патриотизм; добро и зло; любовь, семья; трудолюбие, смирение и терпение; порядок, милосердие, справедливость, добродетель, верность, искренность и ответственность. Это фундамент, на котором строится российское общество. Глобальная цифровая эскалация приводит к разрушению традиционных ценностей, поскольку в цифровой среде неэффективно действуют нормы права, традиций, морали, религии, этикета.

На федеральном уровне для субъектов РФ сформирована нормативно-правовая и информационно-ресурсная база по созданию в регионах единой системы условий для защиты детей и молодежи от воздействия деструктивной информации, повышения цифровой грамотности, снижения рисков, связанных с причинением информацией

и цифровыми устройствами вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию.

В 2022 г. подписан Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Распоряжением Правительства РФ №1105-р в 2023 г. утверждена Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации. В 2024 г. подписан Указ Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Внесены изменения в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации». Рассматриваются изменения в Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

Президент России В.В. Путин на регулярных совещаниях с постоянными членами Совета Безопасности особое внимание уделяет информационной безопасности и противодействию вовлечению несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность с использованием современных коммуникаций.

На современном этапе развивается включенность в вопросы информационной безопасности и цифровой грамотности практически всех органов законодательной и исполнительной власти, правоохранительных структур, межведомственных координационных органов, создание специализированных государственных структур, например, таких, как Федеральное агентство по делам национальностей, Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды.

Сегодня в субъектах России активно создается инфраструктура, идет диалог и межведомственные контакты, находятся ключевые точки взаимодействия и формируются взаимосвязи на всех уровнях системы: общество, государство, наука, образование. Например, в Волгоградской области на базе ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права» создан региональный ресурсный Центр информационной безопасности и цифровой грамотности детей.

В качестве направлений повышения эффективности реализации Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации в субъектах РФ предлагается:

- выстраивание эффективного межведомственного взаимодействия, единой региональной системы информационной безопасности и цифровой грамотности детей и молодежи;
- создание правовых, организационных, информационных и финансовых условий для наращивания федеральных усилий;
- повышение уровня информированности населения регионов о необходимости и возможности защиты детей и молодежи от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию; формирование позитивного отношения общества к выстраиванию региональной системы цифровой грамотности и информационной безопасности для сокращения масштабов потребления деструктивного контента детьми и молодежью, противодействия идеологии терроризма, экстремизма, идеям неонацизма и другим деструктивным течениям, навязываемым с помощью цифровых технологий в условиях ведения против России информационных и поведенческих войн;
- разработка учебно-методических материалов, соответствующих возрасту детей, по цифровой грамотности и информационной безопасности и включение в программы подготовки воспитателей и учителей начальных классов (колледж), учителей обществознания и педагогов-психологов (высшее образование);
- организация для действующих работников дошкольных образовательных организаций и школ курсов повышения квалификации по цифровой грамотности и информационной безопасности;
- создание для родителей системы консультирования и обучения по программам сокращения экранного времени и потребления деструктивного контента детьми и молодежью (в детских садах, школах, родительских чатах, мессенджере «Сфераум» и др.);
- организация системы мониторинга состояния информационной безопасности и цифровой грамотности детей и молодежи (определение методологии, показателей, периодичности, отчетных дат, субъектов учета, ответственных за предоставление сведений);
- обеспечение в образовательных организациях эффективной реализации норм законодательства по запрету использования средств связи учащимися;
- разработка в регионах и муниципальных районах (городских округах) местных программ, направленных на повышение ин-

формационной безопасности и цифровой грамотности детей и молодежи с учетом их специфики (доли сельского населения, обычаев и традиций) и в соответствии с мероприятиями, реализуемыми в сфере образования, культуры, здравоохранения, социальной и молодежной политики;

- внедрение на практике норм и правил цифровой грамотности и информационной безопасности в целях эффективной реализации программ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, патриотического воспитания, формирования традиции здорового образа жизни, развития спорта и физической культуры, осуществления специальных мер по своевременному выявлению заболеваний и отклонений, связанных со злоупотреблением аддиктивной продукцией, экранным временем, обеспечения эффективной профилактики цифровых зависимостей.

Литература

1. Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Имадеева Г.Р., Спиридонова Л.В. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М.: Изд-во НАФИ, 2019. 84 с.
2. Босых А.В. Методы и инструменты информационных войн в современном мире // Научный лидер. 2024. № 6 (156): URL: <https://scilead.ru/article/5962-metodi-i-instrumenti-informatsionnikh-vojn-v-> (дата обращения: 08.06.2025).
3. Иванов С.А. Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.? // Россия и АТР. 2016. № 3 (93): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-kommunisticheskiy-rezhim-v-kitae-perezhil-1989-g> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Клименко А.Ф. Новая военная стратегия США и эволюция американо-китайско-индийских отношений в АТР в сфере проблем безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-voennaya-strategiya-ssha-i-evolyutsiya-amerikano-kitaysko-indiyskih-otnosheniy-v-atr-v-sfere-problem-bezopasnosti> (дата обращения: 08.06.2025).

5. Ковалев В., Матвиенко Ю. «Поведенческая» война. 2017 // Геополитика.ру: URL: <https://www.geopolitika.ru/article/povedencheskaya-voyna> (дата обращения: 08.06.2025).
6. Коулман Дж. Иерархия заговорщиков: Комитет Трехсот / Пер. с англ. М.: Древнее и современное, 2011. 608 с.
7. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Новая военная доктрина США и поведенческие войны // Информационные войны. 2015. Т. 35. № 3. С. 27—33.
8. Методические рекомендации по безопасному для здоровья детей и подростков использованию мобильного телефона (утв. Федеральным государственным автономным учреждением «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Министерства здравоохранения Российской Федерации (НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков), 2024 г.): URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409555249/> (дата обращения: 06.01.2025).
9. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ; принят Гос. Думой Feder. Собр. РФ 21 дек. 2010 г.; одобрен Советом Feder. Собр. РФ 24 дек. 2010 г. // Российская газета. 2010. 31 дек.
10. Пентленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки / Пер. с англ. Е. Ботневой. М.: Издво АСТ, 2018. 351 с.
11. Растворгусев С.П. Введение в формальную теорию информационной войны. М.: Вузовская книга, 2016.
12. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. М.: Росстат, 2024.
13. Скоков Р.Ю. Новые товары и потребности в эпоху киберфизических систем // Ноономика и ноообщество: Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2024. № 1. Т. 3. С. 68—75. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-68-75.
14. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. 433 с.

15. Тарасов Л.В. События культурной революции 1968 г. во Франции как модель анимационного преобразования общества // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2011. № 2: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiya-kulturnoy-revolyutsii-1968-g-vo-frantsii-kak-model-animatsionnogo-preobrazovaniya-obschestva> (дата обращения: 25.05.2025).
16. Чекменева Т.Г., Ериов Б.А., Трубицын С.Д., Остапенко А.А. Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 7 (9): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-po-obespecheniyu-informatsionnoy-bezopasnosti-politicheskij-i-tehnicheskij-aspekty> (дата обращения: 25.05.2025).
17. Datareportal, We Are Social и Meltwater: URL: <https://www.byyd.me/ru/blog/2024/02/digital-2024-datareportal/> (дата обращения: 25.05.2025).
18. Whiteman H. Tech companies put on notice as Australia passes world-first social media ban for under-16s: URL: <https://edition.cnn.com/2024/11/28/australia/australia-passes-social-media-law-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 25.05.2025).

References

1. Ajmaletdinov T.A., Bajmuratova L.R., Zajceva O.A., Imaeva G.R., Spiridonova L.V. Cifrovaya gramotnost' rossijskih pedagogov. Gotovnost' k ispol'zovaniyu cifrovyh tekhnologij v uchebnom processe. M.: Izd-vo NAFI, 2019. 84 s.
2. Bosyh A.V. Metody i instrumenty informacionnyh vojn v sovremennom mire // Nauchnyj lider. 2024. № 6 (156): URL: <https://scilead.ru/article/5962-metodi-i-instrumenti-informatsionnikh-vojn-v-> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
3. Ivanov S.A. Pochemu kommunisticheskij rezhim v Kitae prezhil 1989 g.? // Rossiya i ATR. 2016. № 3 (93): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-kommunisticheskij-rezhim-v-kitae-prezhil-1989-g> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
4. Klimenko A.F. Novaya voennaya strategiya SSHA i evolyuciya amerikano-kitajsko-indijskikh otnoshenij v ATR v sfere problem bezopasnosti // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoryya i sovremennost'.

2012. № 17: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-voennaya-strategiya-ssha-i-evolyutsiya-amerikano-kitaysko-indiyskih-otnosheniy-v-atr-v-sfere-problem-bezopasnosti> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
5. Kovalev V., Matvienko YU. «Povedencheskaya» vojna. 2017 // Geopolitika.ru: URL: <https://www.geopolitika.ru/article/povedencheskaya-vojna> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
6. Koulman Dzh. Ierarhiya zagovorshchikov: Komitet Trekhsoy / Per. s angl. M.: Drevnee i sovremennoe, 2011. 608 s.
7. Larina E.S., Ovchinskij V.S. Novaya voennaya doktrina SSHA i povedencheskie vojny // Informacionnye vojny. 2015. T. 35. № 3. S. 27—33.
8. Metodicheskie rekomendacii po bezopasnomu dlya zdorov'ya detej i podrostkov ispol'zovaniyu mobil'nogo telefona (utv. Federal'nym gosudarstvennym avtonomnym uchrezhdeniem «Nacional'nyj medicinskij issledovatel'skij centr zdorov'ya detej» Ministerstva zdravoohraneniya Rossiijskoj Federacii (NII gigieny i ohrany zdorov'ya detej i podrostkov), 2024 г.): URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409555249/> (data obrashcheniya: 06.01.2025).
9. O zashchite detej ot informacii, prichinyayushchej vred ih zdorov'yu i razvitiyu: Federal'nyj zakon RF ot 29 dekabrya 2010 g. № 436-FZ; priyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. RF 21 dek. 2010 g.; odobren Sovetom Federacii Feder. Sobr. RF 24 dek. 2010 g. // Rossijskaya gazeta. 2010. 31 dek.
10. Pentlend A. Social'naya fizika. Kak rasprostranyayutsya horoshie idei: uroki novoj nauki / Per. s angl. E. Botnevoj. M.: Izd-vo AST, 2018. 351 s.
11. Rastorguev S.P. Vvedenie v formal'nuyu teoriyu informacionnoj vojny. M.: Vuzovskaya kniga, 2016.
12. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2024: Stat. sb. M.: Rosstat, 2024.
13. Skokov R.YU. Novye tovary i potrebnosti v epohu kiberfizicheskikh sistem // Nconomika i nooobshchestvo: Al'manah trudov INIR im. S.YU. Vitte. 2024. № 1. T. 3. S. 68—75. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-68-75.
14. Sundiev I.YU., Smirnov A.A. Teoriya i tekhnologii social'noj destrukcii (na primere «cvetnyh revolyucij»). M.: Russkij biograficheskij institut, Institut ekonomiceskikh strategij, 2016. 433 s.

15. Tarasov L.V. Sobytiya kul'turnoj revolyucii 1968 g. vo Francii kak model' animacionnogo preobrazovaniya obshchestva // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. 2011. № 2: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiya-kulturnoy-revolyutsii-1968-g-vo-frantsii-kak-model-animatsionnogo-preobrazovaniya-obschestva> (data obrashcheniya: 25.05.2025).
16. Chekmeneva T.G., Ershov B.A., Trubicyn S.D., Ostapenko A.A. Strategiya Kitaya po obespecheniyu informacionnoj bezopasnosti: politicheskij i tekhnicheskij aspekty // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 7 (9): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-po-obespecheniyu-informatsionnoy-bezopasnosti-politicheskij-i-tehnicheskij-aspekty> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

Е.Н. БРАТИЩЕВА, В.Н. ИВАНОВА

**Инновационный менеджмент и социальные отношения
в сфере массовой культуры***

Аннотация. На основе анализа проектов британской рок-группы «Битлз» и советско-российской поп-группы «Ласковый май» сделана попытка выявить механизмы воздействия обратных социальных связей на трансформацию социальной среды. Рассмотрены коммерческие и творческие инновации этих эстрадных групп на фоне актуальных социальных заказов, в частности, в условиях начавшейся перестройки в России и в преддверии студенческих волнений в Западной Европе. Выявлена особенность последствий идеологизации в массовой культуре образа «маленького человека», что присуще двум рассматриваемым группам, которая из традиционного призыва к состраданию и сглаживанию общественных противоречий может трансформироваться в болезненное стремление к возвышению себя, в эгоцентризм и, в итоге, в агрессию. Делается вывод о неоднозначности ожидаемых результатов социальных инноваций через проекты

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Братищева Е.Н., Иванова В.Н. Инновационный менеджмент и социальные отношения в сфере массовой культуры // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 266—282. DOI: 10.5281/zenodo.17341193.

в массовой культуре, вследствие вариативности самой социальной среды, а также ограниченности спектра возможных направлений реализации творческих инноваций в сильно канонизированном жанре. Обоснована возможность комплексной диверсификации социальных и экономических типов рисков в инновационных проектах.

Ключевые слова: инновации, массовая культура, эстрадная музыка, идеология маленького человека, сочувствие, оправдание, эгоцентризм, агрессия иерархический потенциал, социальный заказ, диверсификация рисков, экстернальный эффект.

Abstract. Based on the analysis of innovative projects of the British rock band «Beatles» and the Soviet-Russian pop band «Laskovyj Mai», an attempt is made to identify the mechanisms of the impact of reverse social connections on the transformation of the social environment in the respective countries. Commercial and creative innovations of these pop groups are considered against the background of current social orders, in particular, in the conditions of the beginning of perestroika in Russia and on the eve of student unrest in Western Europe. The author reveals the peculiarity of the consequences of ideologization in modern mass culture of the image of the «little man», which is inherent in the two groups under consideration, which can transform from a traditional appeal to compassion and smoothing out social contradictions into a painful desire to elevate oneself, into egocentrism and, as a result, into aggression. The conclusion is made about the ambiguity of the expected results of social innovations through projects in popular culture, due to the variability of the social environment itself, as well as the limited range of possible directions for the implementation of creative innovations in a highly canonized genre. The possibility of complex diversification of social and economic types of risks in innovative projects is substantiated.

Keywords: innovation, mass culture, pop music, ideology of the little man, empathy, justification, egocentrism, aggression, hierarchical potential, social order, risk diversification, external effect.

УДК 316.47:316.7
ББК 87.6

Политические преобразования в странах, так же как и политические противостояния между ними, невозможны без целевых идеологических концепций, принятых и поддержанных в них социумами.

На практике формирование и внедрение в массы таких концепций требуют от руководства стран реализации целенаправленной работы как по построению логических алгоритмов в виде законченных теорий, так и по воссозданию ассоциативного восприятия у социумов в виде осязаемых художественных образов. Обычно используются параллельно оба подхода. При этом именно их параллельное использование предпочтительно в случае, если целевая идеологическая концепция является как логически, так и гуманистически безупречной. В случае же если подобная концепция является чисто манипулистской, предпочтительнее использовать только ассоциативные приемы, хотя они и более затратны с точки зрения вкладываемых в них финансовых средств, а также и более трудно предсказуемы по результату. Последний может оказаться как недостаточно эффективным, так и таить с себе нежелательные социальные последствия в виде вторичных эффектов. Самым же древним и наиболее успешным способом воздействия на сознание и подсознание является музыка. Ею можно воспользоваться для манипулирования массами людей в политических целях [7; 10, 6-я мин.]. Именно опыту подобного манипулирования и посвящена настоящая работа, в которой проводится сравнение опыта реализации двух эстрадных проектов — «Битлз» в Великобритании и «Ласкового мая» в России с точки зрения успешности задействованных в них финансовых и социальных ресурсов. Далее покажем на этих двух конкретных примерах из области массовой культуры, что такие два типа ресурсов (экономические и социальные) могут быть взаимозаменяемыми, а значит, обладают свойством диверсификации. Именно это свойство — возможность диверсифицировать социальные и экономические ресурсы (а значит, и соответствующие риски) — как раз и является ключевым результатом разработанной одним из авторов настоящей работы математической модели саморазвития, на основе которой было formalизовано понятие инновационного риска, в отличие от широко используемого в финансовом анализе риска инвестиционного [4]. Понимание же принципиальной возможности диверсификации социальных и экономических рисков существовало всегда. Так, М. Хазин достаточно удачно и лаконично выразил это интуитивное понимание, когда обосновывал отсутствие на сегодняшний день в США людей, которые могли бы принимать самостоятельные решения: «Для

того чтобы был мир, нужны разные инфраструктуры, которые обеспечивают безопасность и которые при этом стоят денег. А денег всегда не хватает. *Разумеется, всегда нехватку денег можно компенсировать яркими лидерами* [13, 1-я мин.].

Однако как приведенное выше интуитивное понимание диверсифицируемости указанных разнородных рисков, так и математически formalизованное доказательство такой возможности все же могут показаться не совсем убедительными. И причиной тому может служить утверждение, в частности, геостратега А. Школьникова о том, что «...общественная сфера — это очень сложная хаотическая система не только с прямыми и обратными связями, но связями этими, меняющимися постоянно, т. е. многовариантными связями» [15, 5-я мин.]. Хотя там же автор указывает, что, несмотря на такую неопределенность, все же «...формируются некие правила — правила влияния, правила социального роста, причем правила эти различные для разных культур и разных эпох». А это, по сути дела, и есть механизмы и инструменты социальных изменений, которые следует учитывать в тех же инновационных проектах. То есть в социальной среде, несмотря на ее хаотичность и инвариантность, существует определенная упорядоченность развития, которую следует учитывать и которой можно воспользоваться, в частности, для целей той же диверсификации разнородных (экономических и социальных) рисков.

Именно поэтому нами предлагается историческая иллюстрация реализованных механизмов осуществления двух инновационных проектов в сфере массовой культуры, направленных на достижение вполне осозаемых социальных целей. При этом в рамках этих проектов были использованы в разной степени обратные социальные и экономические связи, позволившие успешно эти проекты реализовать и при этом минимизировать (но не компенсировать) социальные и экономические риски.

Но что же это за социальные цели? И кто их конкретноставил и перед кем? Попробуем на это ответить. Как утверждает М. Хазин относительно революционного повышения производительности труда в передовых странах во второй половине прошлого столетия, «...предыдущую революцию, которую на Западе совершили в 60-е и 70-е годы, а в СССР ее тоже совершили в 70-е и 80-е» [14, 4-я мин.]. Именно этот временной лаг в 10 лет позволил Западу отобрать у

СССР зарубежные рынки сбыта своей продукции, что в итоге привело еще через 10 лет к экономическому банкротству и развалу «Страны Советов». Это что касается экономико-политических итогов этих двух революций. Но нас будет интересовать социально-психологические аспекты, которые всплыли при реализации революционных научно-технических преобразований в указанных сегментах мировой экономики, а также их итоги.

Несомненно, десятилетнее отставание СССР от Запада было обусловлено низкой политической и предпринимательской активностью населения СССР в условиях подавления инициативы практически во всех сферах общественной и производственной жизни страны. Поэтому любые перемены в своей жизни и в стране в целом население СССР воспринимало с большой неохотой, хотя и питало всегда надежды на улучшение своего жизненного уровня. Вынужденную и навязанную Западом перестройку экономической модели, начатую в СССР в середине 1980-х гг., основная масса советских людей, и особенно молодежь, старалась игнорировать. В крайнем случае, занимала выжидательную позицию. И вот та самая выжидательная позиция и была той целью, на которую интуитивно был сориентирован эстрадно-музыкальный проект — группа «Ласковый май». То есть сама цель — чисто объективно востребованное советским социумом того времени пожелание оставаться в стороне от любых социальных перемен. Такому пожеланию группа «Ласковый май» полностью соответствовала — пропаганда детских воспоминаний, былой беззаботной жизни, красивой, волшебной сказки. Поэтому и со своей задачей эта группа успешно справилась, завоевав самую широкую поддержку и снискав восхищение у советской аудитории практически во всех возрастах. «Группа попала в книгу рекордов (*Гиннеса*) по количеству проданных билетов на концерты. “Ласковый май” обогнал даже Майкла Джексона. Как вам такой экспресс-пиар из 90-х?» [5, 2-я мин.]. Однако это была не единственная задача, что стояла перед группой «Ласковый май». Напомним, что перед массовой культурой как таковой вольно или невольно (т. е. не осознано самими адептами этой культуры) всегда ставится вполне конкретная социальная цель. В условиях России 1980-х гг. это была цель подготовки социума к так называемой перестройке, т. е. смене экономического, политического и социального восприятия обществом новых инновационных проектов, которая большинством по своей реальной сути

воспринималась бы при ее реализации негативно. И если группа «Ласковый май» способствовала, как было сказано, подавлению социальной активности большинства в обществе, то очевидно, что должна же быть какая-то группа, чтобы, наоборот, активизировать социальную активность пусть небольшой части общества, но которая осознанно либо под воздействием ложных представлений о пресловутых свободе и справедливости должна была бы указанные перестроечные инновации непосредственно реализовывать либо их активно поддерживать. И такой именно группой стала одна из самых популярных советских рок-групп в 1980-е гг. — группа «Кино», возглавляемая Виктором Цоем.

Хотя группа «Кино» и была нацелена на практически ту же аудитория и практически в тот же временной промежуток, что и «Ласковый май», конкуренции между ними не было. И в первую очередь, из-за того, что группа «Кино» уже была слушателям знакома лет за пять до появления «Ласкового мая», а во-вторых, хоть она и была по жанру постпанк или, как еще ее называли, «новая волна», но все же отличалась в основном тем, что использовала элементы рэпа, т. е. нового жанра для тогдашнего СССР. И если рэп в дальнейшем стал самостоятельным и востребованным жанром у нас в стране, так же как и на Западе, то стиль *диско* [6] как основа жанра группы «Ласковый май», который и вознес последнюю на вершину успеха, особо большой популярности в дальнейшем у нас в стране так и не получил. То есть конкуренции не было. И ту, и другую группу слушала подчас одна и та же аудитория, т. е. группы как бы дополняли друг друга. А объединяла их вместе тема «маленького человека», т. е. подростка. Подъем популярности группы «Кино» пришелся на последние годы жизни ее лидера, т. е. на 1987—1990 гг. Именно тогда, когда как раз и появилась группа «Ласковый май», характер творчества «Кино» сильно изменился по сравнению с предыдущими годами: «Изменилась музыка, подача и особенно тематика песен: в песнях появились протестные ноты, побуждающие слушателей к активным действиям, бунту, изменениям. Песни постоянно куда-то зовут, говорят о невозможности жить по-прежнему и даже невозможности промедления» [8]. Дело в том, что в 1986 г. В. Цой знакомится с американкой Джоанной Стингрей, оказавшей большое влияние на русских музыкантов. Она и стала привозить из США тексты песен для группы «Кино», целью которых являлась подготовка в СССР протестной

среды среди молодежи. Хотя в этих песнях не говорится в открытую о необходимости свержения режима, а преподносится это завуалированно, но действует на подсознание слушателей весьма сильно. Таким образом, второй социальной востребованной задачей, стоящей перед группой «Ласковый май», была задача взрастить на сложившейся почве своего почитания ядро приверженцев слома социалистического строя, или, как говорится, «пригреть на своей груди змею». И такая задача была успешно решена — в итоге с социалистическим строем было покончено. При этом та часть социума, что сохраняла в процессе перестройки отстраненную позицию, т. е. те самые фанаты «Ласкового мая», была нескованно удивлена, когда почти в однотечье от ее былой беззаботной жизни ничего не осталось. Другая же, гораздо меньшая часть социума, окрыляемая ранее посыпами справедливого и свободного общества, также оказалась недовольна итогами перестройки. В итоге группа «Ласковый май» прекратила свое существование и ее репертуар остался как бы ностальгией по прошлому, тогда как репертуар группы «Кино» продолжил пользоваться спросом, поскольку те же самые «перестройщики» опять оказались недовольны уже новыми политическими реалиями и опять стали противопоставлять себя политическому истеблишменту через все тот же свой старый «цоевский» репертуар. Такая вот получилась метаморфоза.

Обратимся теперь к группе «Битлз» и тем социальным запросам, которые перед ней стояли. Как указывалось ранее, 1960—1970-е гг. в странах Западной Европы — это годы реализации технической революции по повышению производительности труда, а кроме того — годы массового формирования среднего класса, который в настоящее время оценивается в 30—50% населения этих стран. При этом одно без другого реализовать было невозможно, поскольку повышение производительности труда происходит через внедрение инноваций и углубление разделения труда, что, в свою очередь, вызывает появление как экономических рисков [12], так и рисков социальных [2]. И те, и другие риски воспринимаются социумами с большим противодействием. И это противодействие надо как минимум чем-то компенсировать. Для компенсации экономических рисков, как считает М. Хазин, существует целых четыре подхода, а вот для компенсации социальных — только один — это повышение уровня жизни основной массы населения. Но вся беда в том, что сначала

населению неизбежно придется испытать трудности, связанные с экономическими рисками, а уже только потом, когда инновации будут приносить прибыль, появится возможность компенсировать социальные риски через повышение жизненного уровня, в частности — через расширение представителей среднего класса. В этой ситуации перед группой «Битлз» стояла двуединая задача — с одной стороны, отвлечь молодое, в основном пролетарское поколение как наиболее активно настроенное против текущего падения уровня жизни от возможных протестов против технической революции, а с другой — пробудить среди него острое желание перейти в средний класс, который у них отождествляется с «окультуренным» образом жизни. И если со второй задачей у «Битлз» успешно справиться получилось с самого начала, то с решением первой задачи появились трудности, поскольку уже существующие представители, пусть в небольшом количестве, среднего класса, с одной стороны, не жаждали переходить в этот класс, так как они его уже представляли, а с другой — они также были подвержены последствиям экономических рисков, и им необходимо было также предложить какую-то свою форму психологической компенсации. В качестве такой компенсации именно для представителей пусть не такого многочисленного, но особо активного в социальном плане и уже тогда существовавшего молодого поколения среднего класса и была создана, точнее масштабно «пропиарена», группа «Битлз» [1], уже существовавшая на тот период, а также британская рок-группа «Роллинг Стоунз». Последняя отнюдь не была конкурентом группы «Битлз», хотя часто именно так ее и воспринимают не только слушатели, но порой и музыкальные критики. На самом же деле эти две группы были нацелены на разные аудитории слушателей, как было уже сказано, а кроме того, они использовали совершенно разные имиджевые приемы для привлечения и «обольщения» своих аудиторий. И если для «Битлз» имидж представлял собой прилично одетого, с хорошими манерами, аккуратного молодого человека — как раз того, кого можно было бы отождествить со средним классом, то для «Роллинг Стоунз» в качестве имиджа был выбран хулиганский юнец, небрежно одетый, порой скверно выражаящийся и даже часто плохо попадающий в ноты на музыкальном инструменте — т. е. типичный представитель нижних слоев общества. Но при этом, как ни парадоксально, первый имидж

был нацелен на аудиторию, состоящую в основном из представителей бедных и практически мало образованных слоев населения тогдашней Великобритании, а второй — на относительно богатых и достаточно образованных, но ни в коем случае не на представителей настоящей английской элиты. Вкусы последней формируются совсем по другим лекалам, отличным от лекал массовой культуры.

Указанный же парадокс, заключающийся в остром желании представителей одной молодежной группы населения выдавать себя за представителей другой группы, чаще всего противоположной как по материальному достатку, так и по культурному багажу, наглядно описал и пояснил известный скульптор Эрнст Неизвестный в одном из своих интервью, где он касается своей дружбы с таким же широко известным поэтом Иосифом Бродским. Там он рассказывал: «Когда я говорю о Бродском — это друг моей жизни, т. е. мы шли по жизни вместе, но параллельно. Я из очень высокого образования, я бежал из моей спаленки в матросики, а Бродский из матросиков, уличных мальчишек, бежал в “Бродского”. Поэтому у нас абсолютно разный опыт поведения. Я подчеркнуто себя вел всегда заблатненно, как мясник-скульптор, штрафник, десантник, хулиган, пьяница. А он вел себя как сноб, а в принципе был бандюгой, т. е. огорченным ленинградским мальчиком, отрезанным от всех московских соблазнов. Он, маленький интеллектуальный “ростиньянк”, под серым петербургским небом набрался желчи и жестокости по отношению к жизни, но эта жестокость не была жестокостью плебеев, это была жестокость аристократов. В этом была наша разница. Во всем остальном — Бродский самый дисциплинированный, самый умный и один из самых гениальных людей, с которыми я встречался» [17, 4—6 мин.]. Естественно, что репертуар «Роллинг Стоунз» был бы по душе Э. Неизвестному, а вот репертуар «Битлз» наверняка понравился бы И. Бродскому. С двумя указанными британскими группами произошли точно такие же метаморфозы, как и с двумя упомянутыми выше группами из СССР—России. Когда основная цель была реализована и социальный заказ по минимизации и подавлению молодежных протестов 1960—1970-х гг., так называемого «бунта молодежи», в Великобритании с помощью массовой культуры был выполнен, такая группа, как «Битлз», уже была не востребована ни той самой аудиторией, на которую она была нацелена, ни политической элитой того

времени, и она благополучно распалась. А вот группа «Роллинг Стоунз» осталась на плаву до настоящего времени. И это произошло по двум причинам: с одной стороны, средний класс, особенно в тогдашней Великобритании, стал численно резко увеличиваться, а с другой — его представители, независимо от формы экономико-политического строя, всегда были чем-то недовольны и в основном тем, что их ни за что не допускали в элиту, куда они страстно желали попасть.

Ниже представлены систематизированные нами основные обратные положительные связи социального и экономического характера, благодаря воздействию которых и были достигнуты социальные цели в реализованных двух проектах в сфере массовой культуры (табл. 1). Дадим пояснение, что такое положительная социальная связь при реализации социального проекта средствами массовой, конкретно эстрадной, культуры. Эстрадная группа формирует определенный художественный образ, который она доносит до аудитории и конкретно до каждого ее слушателя. У слушателя этот образ вызывает определенные, чаще всего ожидаемые им ассоциации, которые ориентируют этого слушателя в его социальном мироощущении. И он готов повторно такой предложенный ему хотя бы раз образ воспринимать и внутри своей деятельности его же воспроизводить хотя бы частично.

Иначе говоря, воспринятый слушателем художественный образ начинает воспроизводиться у слушателя самостоятельно. Если же такое воспроизведение бывает недостаточно сильным, чтобы слушатель повторно шел на концерт группы, то тогда подключаются уже экономические обратные связи в виде рекламы, пиара той самой группы, льготных билетов на ее концерт. Но на реализацию экономических связей уже требуется дополнительная финансовая подпитка, что будет делать такой социальный проект более дорогостоящим, а порой и просто может его финансово подорвать. Удачно же выбранный художественный образ и удачно же донесенный до слушателя будет обходиться дешевле. В этом и состоит суть диверсификации социальных и экономических связей, а значит, и соответствующих рисков при реализации новых, инновационных проектов.

Таблица 1

**Положительные обратные связи в двух эстрадных
музыкальных проектах**

<p>Рок-группа «<i>The Beatles</i>» (Великобритания, г. Ливерпуль, 1960—1970 гг.) Жанры — <i>рок, поп, мерсибит, рок-н-ролл, психodelический рок, хард-рок</i></p>		<p>Поп-группа «<i>Ласковый май</i>» (СССР—Россия, г. Оренбург, 1986—1992 гг.) Жанры — <i>евродиско, тин-поп, синт-поп</i></p>	
<i>Социальные обратные связи</i>	<i>Экономические обратные связи</i>	<i>Социальные обратные связи</i>	<i>Экономические обратные связи</i>
1. Музыкальные жанры, уже знакомые слушателям. 2. Национальный фольклор под современные жанры. 3. Ансамблевый вокал. 4. Материал с идеологической подоплекой на ограниченную аудиторию. 5. Существование с группой «Роллинг Стоунз».	1. Бюджетный стартовый капитал. 2. Использование телевизионной сети лишь на трех каналах. 3. Использование студий звукозаписи, профессиональных аранжировщиков, звукорежиссеров. 4. Финансовая поддержка от государственных и частных фондов. 5. Займствования, а порой и явный плагиат в творчестве.	1. Новый эстрадный жанр с адаптацией под российские реалии. 2. Единственный солирующий вокалист. 3. Тотальное «покрытие» слушательской аудитории. 4. Мишень о «сиротской доле» членов группы. 5. Противостояние с группой «Кино». 6. Собственные произведения и аранжировки.	1. Частный стартовый капитал. 2. «Окно возможностей» — когда нет ни цензуры, ни развернутой конкурентной сферы медиа-бизнеса. 3. Магнитофонные кассеты, железнодорожные радиостанции и уличные киоски. 4. Дубль-группы и фонограммы. 5. Изъятие финансовой выручки частными лицами.

Источник: составлено авторами.

Приведем конкретные примеры. В качестве художественного образа и та, и другая группа использовали образ маленького человека, достаточно широко распространенный и в художественной литературе, и в кинематографе и, естественно, в массовой культуре. Но если у «Битлз» этот образ остается лишь в текстах их песен и не воспроизводится на эстраде, т. е. не персонифицируется, поскольку у них все четыре исполнителя-инструменталиста являются и вокалистами, то у «Ласкового мая» этот образ дополнительно воспроизводится и на эстраде, поскольку там вокалист фактически один и тот же — это Юрий Шатунов. У «Битлз» художественный образ маленького человека в сценической редакции оказался коллективным, собирательным, без какой-либо индивидуальности. А собирательность или коллективность подобного образа, как известно из истории классической литературы — например, судьба романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» — вполне способен вызвать и протест, и агрессию. В современном восприятии читателей этот роман единодушно признается как дискриминация афроамериканского населения США.

Именно поэтому отсутствие полноценного персонифицированного эстрадного воспроизведения образа маленького человека в проекте «Битлз», на наш взгляд, привело к печальному событию в истории этого проекта — убийству Джона Леннона фанатом группы Марком Чепменом. Дело в том, что образ маленького человека, который как бы отстранен от общества, отстранился от него, с одной стороны, вызывает жалость, негодование и сострадание, но при переносе этого образа на слушателя (читателя) этот образ может провоцировать безответственность, а в крайних случаях — агрессию. Именно это и случилось, на наш взгляд, с Чепменом, который фактически возненавидел своего же кумира и застрелил его из револьвера, при этом взяв днем в тот же день у Леннона автограф. А после выстрелов в Дж. Леннона Чепмен буквально тут же у дома Леннона сел под фонарным столбом и стал совершенно спокойно читать свою любимую книгу Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», герой которой — все тот же маленький человек. И что-то нам подсказывает, что читал Чепмен в это время именно тот эпизод, в котором главный герой книги Холден Колфилд фантазирует, как он расправляется со своими обидчиками с помощью опять же револьвера за то, что они над ним издевались и забрали пять долларов [9, 133].

Это говорит об актуальности персонификации художественного образа в массовой культуре именно на сценических подмостках, т. е. на эстраде, после чего этот образ уже жестко закрепится в сознании слушателей без нежелательных, точнее отрицательных, черт. Конкретно Юрий Шатунов такой образ маленьского человека, более того — человека с сиротской долей по жизни успешно воспроизвел, а у «Битлз» воспроизвести подобное на эстраде было некому. При первой же встрече с группой будущих своих подопечных Дж. Мартин решил, что группа будет выступать именно четверкой без солиста. Видимо, это было им решено на основе того, что ни один из участников группы не обладал ни необходимыми вокальными данными, ни определенной выигрышной харизмой.

И если основу жанра музыкальных опусов у группы «Битлз» составляли уже ранее известные музыкальные формы, лишь профессионально аранжированные их музыкальным руководителем и продюсером — композитором с тремя музыкальными образованиями (из них двумя консерваторскими) Джорджем Генри Мартином, то «Ласковый май» использовал уже известный на Западе и к тому времени почти сошедший с тамошней эстрады, но совершенно новый в адаптации к эстраде нашей страны жанр диско. Последний характерен более быстрым темпом, ударениями на все четыре доли, а не на первую или на первую и третью, как ранее практиковалось, более высокими вокальными диапазонами исполнителей, а также более свободными сценическими имиджами самих вокалистов. И, как обычно, новый жанр всегда воспринимается гораздо лучше известных на тот период. И воспринимается он порой успешно и с не очень качественными аранжировками, с низким уровнем звукозаписи на кассетах или дисках, с неточным попаданием в ноты вокалистом на эстраде и порой при совершенно отсутствующей сценической пластике у такого вокалиста. Но зато при этом сам проект обходится гораздо дешевле. В этом плане у «Битлз» все было отточено до совершенства. Недаром один из критиков высказался буквально вот так: «Но чего-то похожего на «Битлз» с их разнообразной мелодикой и стильным человечным имиджем не вспоминается» [11].

Другой пример. Группе «Битлз» и ее продюсеру пришлось выходить на национальный уровень в условиях сильной конкуренции с уже существующими эстрадными группами, что потребовало немалых финансовых средств, отчего первоначально исполнителям де-

нежные выплаты были ограничены, на что Джон Леннон неоднократно с той поры сетовал журналистам [3]. Правда, группе помогло то, что в тот период в Великобритании национальная телевизионная сеть использовала всего три канала, поэтому хотя бы на одном из них можно было услышать песни «Битлз». «Ласковый май» же вышел на национальный уровень в тот период, когда фактически никакой цензуры уже (точнее, еще) не было, а медиапространство еще не захватили крупные игроки. Свою рекламу группа реализовала оригинальным способом, предлагая бесплатно начальникам поездов дальнего следования кассеты с записью своих песен с условием, что эти песни будут исполняться для пассажиров поездов почти непрерывно во время поездок.

Подводя итоги реализации двух рассмотренных выше социально значимых проектов в сфере массовой культуры, можно сказать, что оба выполнили стоящие перед ними социальные заказы. Советский Союз распался, а в Западной Европе за счет его ресурсов произошел рост экономики, поднялся уровень жизни, стал расти количественно средний класс. Это как бы качественный итог. Количественную оценку этим социальным проектам, как и любым другим проектам в социальной сфере, давать затруднительно, а порой и невозможно. И если бывают вполне доступны их экономические итоги на ближайшее время, такие как, например, отношение финансовых затрат на проект к выручке от реализации концертов и разного рода музыкальных записей, то влияние реализованных национальных социальных проектов на будущее той либо иной страны очень противоречиво. Здесь уместно привести слова А. Школьникова: «Девяностые годы были для нас катастрофой. Вот то, что было в 90-е годы у нас, теперь эти события будут чувствовать все» [16, 1-я мин.]. То есть наша страна была обобрана Западом по итогам перестройки, что дало этому Западу еще несколько десятилетий существовать спокойно. Но в итоге все же Запад сегодня столкнулся с мировой катастрофой капитализма, а Россия на сегодня с аналогичной, но в узком ключе, катастрофой уже успешно справилась.

Литература

1. Битломаны и полицейские. Постановочная битломания: URL: <https://dzen.ru/a/Y-g8i61ehl-cvW5g> (дата обращения: 23.03.2023).

2. *Братищева Е.Н., Иванова В.Н.* Динамика развития системного кризиса через призму социальных рисков и устойчивости социальных структур // Философия хозяйства. 2022. № 6 (144). С. 201—215.
3. Джон Леннон: все, кто работал тогда с нами, были миллионерами, кроме самих «The Beatles»: URL: https://dzen.ru/a/Ya0LkjL6kCkLTN_2 (дата обращения: 28.06.2025).
4. *Иванова В.* Математическая модель оценки устойчивости и динамики инновационной деятельности // Общество и экономики. 2019. № 2. С. 43—63.
5. Как Юра Шатунов прославился всего за 30 дней. Гениальная реклама «Ласкового мая»: URL: <https://dzen.ru/video/watch/62b45246c7a959686341e7d0> (дата обращения: 07.06.2025).
6. Музыка равенства и свободы. Политическая история диско: URL: <https://knife.media/your-disco-needs-you/> (дата обращения: 08.12.2023).
7. *Палкин А.* Битлз — суперпроект Тавистокского института человеческих отношений по закабалению молодежи: URL: <https://alexandr-palkin.livejournal.com/3382204.html> (дата обращения: 05.04.2023).
8. Про Цоя и ЦРУ: URL: https://dzen.ru/a/ZQp8L7_XDifDt2mO (дата обращения: 17.03.2024).
9. *Сэлинджер Дж.Д.* Над пропастью во ржи. М.: Эксмо, 2017. 272 с.
10. Тавистокский Институт стоит за раскруткой The Beatles: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZVG8AXGj8&t=270s> (дата обращения: 25.11.2023).
11. «Таких групп, как “Битлз” было полно, их просто раскрутили продюсеры?»: URL: <https://dzen.ru/a/YUFqPbeMkXvD99Hq> (дата обращения: 10.03.2043).
12. *Хазин М.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. М.: РИПОЛ классик, 2021. 432 с.: URL: <https://www.klex.ru/114d> (дата обращения: 17.07.2022).
13. *Хазин М.* Почему не получается применить старую схему ограбления мира: URL: <https://dzen.ru/video/watch/65d88803d81ebe78f418f4f0> (дата обращения: 24.02.2024).
14. *Хазин М., Пиццальников Д.* Почему переезд западных производств в Россию становится реальным: URL: https://vk.com/wall-50888036_2936718 (дата обращения: 13.03.2024).

15. Школьников А. Логика безответственности, или Засилье бессмысленных структур: URL: <https://yandex.ru/video/preview/3168844524388265927> (дата обращения: 10.06.2025).
16. Школьников А. Мир ждет не кризис, а катастрофа, постигшая Советский Союз: URL: <https://yandex.ru/video/preview/1600784260725574501> (дата обращения: 28.06.2025).
17. Эрнст Неизвестный об Иосифе Бродском. 22.12.2013 г.: URL: https://vk.com/video169546425_167190023 (дата обращения: 02.04.2023).

References

1. Bitlomany i policejskie. Postanovochnaya bitlomaniya: URL: <https://dzen.ru/a/Y-g8i6lehl-cvW5g> (data obrashcheniya: 23.03.2023).
2. Bratishcheva E.N., Ivanova V.N. Dinamika razvitiya sistemnogo krizisa cherez prizmu social'nyh riskov i ustojchivosti social'nyh struktur // Filosofiya hozyajstva. 2022. № 6 (144). S. 201—215.
3. Dzhon Lennon: vse, kto rabotal togda s nami, byli millionerami, krome samih «The Beatles»: URL: https://dzen.ru/a/Ya0LkjL6kCkLTN_2 (data obrashcheniya: 28.06.2025).
4. Ivanova V. Matematicheskaya model' ocenki ustojchivosti i dinamiki innovacionnoj deyatel'nosti // Obshchestvo i ekonomiki. 2019. № 2. S. 43—63.
5. Kak YUra SHatunov proslavilsya vsegoo za 30 dnej. Genial'naya reklama «Laskovogo maya»: URL: <https://dzen.ru/video/watch/62b45246c7a959686341e7d0> (data obrashcheniya: 07.06.2025).
6. Muzyka ravenstva i svobody. Politicheskaya istoriya disk: URL: <https://knife.media/your-disco-needs-you/> (data obrashcheniya: 08.12.2023).
7. Palkin A. Bitz — superproekt Tavistokskogo instituta che-lovecheskih otnoshenij po zakabaleniyu molodezhi: URL: <https://alexandr-palkin.livejournal.com/3382204.html> (data obrashcheniya: 05.04.2023).
8. Pro Coya i CRU: URL: https://dzen.ru/a/ZQp8L7_XDifDt2mO (data obrashcheniya: 17.03.2024).
9. Selindzher Dzh.D. Nad propastyu vo rzhi. M.: Eksmo, 2017. 272 s.

10. Tavistokskij Institut stoit za raskrutkoj The Beatles: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZVG8AXGjJ8&t=270s> (data obrashcheniya: 25.11.2023).
11. «Takih grupp, kak “Bitlz” bylo polno, ih prosto raskrutili prodyusery»?: URL: <https://dzen.ru/a/YUFqPbeMkXvD99Hq> (data obrashcheniya: 10.03.2043).
12. *Hazin M.* Vospominaniya o budushchem. Idei sovremennoj ekonomiki. M.: RIPOL klassik, 2021. 432 s.: URL: <https://www.klex.ru/114d> (data obrashcheniya: 17.07.2022).
13. *Hazin M.* Pochemu ne poluchaetsya primenit' staruyu skhemu ogrableniya mira: URL: <https://dzen.ru/video/watch/65d88803d81e6e78f418f4f0> (data obrashcheniya: 24.02.2024).
14. *Hazin M., Pishchal'nikov D.* Pochemu pereezd zapadnyh proizvodstv v Rossiyu stanovitsya real'nym: URL: https://vk.com/wall-50888036_2936718 (data obrashcheniya: 13.03.2024).
15. *SHkol'nikov A.* Logika bezotvetstvennosti, ili Zasil'e bessmyslennyh struktur: URL: <https://yandex.ru/video/preview/3168844524388265927> (data obrashcheniya: 10.06.2025).
16. *SHkol'nikov A.* Mir zhdet ne krizis, a katastrofa, postigshaya Sovetskij Soyuz: URL: <https://yandex.ru/video/preview/1600784260725574501> (data obrashcheniya: 28.06.2025).
17. Ernst Neizvestnyj ob Iosife Brodskom. 22.12.2013 г.: URL: https://vk.com/video169546425_167190023 (data obrashcheniya: 02.04.2023).

Г.Р. НАУМОВА

Гуманитарные науки на переломе*

Аннотация. В статье рассматривается ситуация, связанная с состоянием современного гуманитарного пространства. Намечаются перспективы преподавания истории России в высшей школе приграничных территорий.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Наумова Г.Р. Гуманитарные науки на переломе // Философия хозяйства. 2025. № 5. С. 282—289. DOI: 10.5281/zenodo.17341201.

Ключевые слова: философия хозяйства, русская историография, Ю.М. Осипов, П.В. Волобуев, Крым.

Abstract. The article examines the situation related to the state of modern humanitarian space, outlines the prospects for teaching the Russian history in higher education in border areas.

Keywords: philosophy of economy, Russian historiography, Yu.M. Osipov, P.V. Volobuev, Crimea.

УДК 93
ББК 63.3(2)

Как отреагировала гуманитарная научная мысль на рубежи реальности

Обществоведам предстоит в ближайшее время оценить полу-вековое развитие гуманитарных наук в России и ее ближайшем по-рубежье. Процесс ожидается непростой. Историческая реальность России вздыбилась, подобно синусоиде, и стряхнула с себя многие теории и практики, обнажив несводимость к опыту бытия объявленных исследовательских результатов.

Появились первые опыты научного самопознания. Выдающийся философ хозяйства, доктор экономических наук Юрий Михайлович Осипов подарил нам исповедь ученого, назвав ее «Сущее и Вещее». Философ хозяйства говорит о себе в третьем лице, и это очень изысканно. «Приветствуя поначалу идею социохозяйственной перестройки в СССР, Ю.М. Осипов выступил за радикальные перемены в направлении самодеятельной активности производительных субъектов, хозяйственной многоукладности, частной инициативы, сохраняя при этом ведущую роль государства в социохозяйственной жизни страны, в особенности в финансовой сфере и в области внешних сношений, — как раз в духе его дирижистской “организации самоорганизации”, в связи с чем выдвинул проект “*Ни план, ни рынок*”, легший в основу одноименного монографического проекта, предложенного в 1989 г. ведущему в стране экономическому издательству...» [2, 351]. Так кратко и емко Юрий Михайлович обрисовал свои научные взгляды 1970—1980-х гг. Юрий Михайлович, в отличие от многих, дал и собственную оценку событий 1991—1993 гг. че-

рез призму их воздействия на его научно-мировоззренческие позиции. «Разворачивающаяся под отчаянный вой 1991 г. и угрюмый гром 1993 г. бесспорно апокалиптическая ситуация в стране», заставив Ю.М. Осипова занять оппозиционную к нахлынувшей «новизне» идеино-концептуальную, да и политическую позицию, побудила его глубоко вникнуть в идею (концепт, эгрегор) коренной России, в роковую суть тогда реально в стране происходившего, как и в суть коварно поджидавшего страну будущего, а посему предложить, пусть и без особой веры в понимание, восприятие и успех, что-то исходно органичное стране и для нее приемлемое на перспективу, как раз «злато-сердцевинное», отчего родилась созданная в самые что ни на есть лихие 1992—1993 гг. и опубликованная в 1994 г., как и тогда же доведенная до высоких официальных кругов и научно-экспертной общественности, емкая по смыслам, откровенности и проективности монографическая работа, она же и *вещий документ эпохи: «Российская Реформация. Соционпроект»* [2, 352].

Юрий Михайлович жестко и нелицеприятно в отношении самого себя указывает на тот факт, что он как ученый после событий 1991 и 1993 гг. обратился к идее *коренной России* — в роковую суть происходившего в стране. Не всем обществоведам, включая экономистов, социологов, историков, философов, был по силам такой акт самопознания и такой разворот лицом к року и тем более такое признание.

Кто увидел трудное будущее исторической науки

К сожалению, в сообществе историков, к которому принадлежит и автор данной статьи, пока не наблюдается опыта индивидуального научного самопознания, который оправдал бы деятельность огромного отряда историков-профессионалов. Однако коллективная попытка самопознания состоялась.

К 80-летию Института российской истории РАН были опубликованы интервью и воспоминания сотрудников. Перед нами, по существу, опыт коллективного самопознания, инициированный современным поколением историков. Молодые задавали вопросы маstryм и зреющим. Происходило это в 2016 г. Получился единый гипертекст, позволяющий сделать некоторые выводы. В центре внимания коллектива оказался период 1970—1980-х гг., связанный с деятельностью доктора исторических наук, академика Павла Васильевича

Волобуева (1923—1997). Этот вывод можно сделать уже из именного указателя к книге [4, 443]. Если отвлечься от условного названия этого труда, то можно понять, что речь идет о взаимных оценках, точнее — о взаимодействии в основном трех поколений сотрудников института, начиная с довоенного. Это повествование о том, как подхватывалась в исторической науке эстафета отцов и учителей.

П.В. Волобуев — признанный лидер «куового направления» в науке, сторонник концепции многоукладности, оказавшей сильное влияние на опыт пересмотра исторического смысла и значения российских революций. И на этой вершине он до сих пор находится. Задаемся вопросом, как Павел Васильевич отреагировал на события 1991 и 1993 гг. До сих пор об этом в научном пространстве разговоров не было. Нам улыбнулась удача. Мы нашли свидетельство серьезных планов академика на будущее исторической науки. В 1994 г., ближе к концу года, была распространена за его подписью листовка.

Павел Васильевич выступил в роли председателя инициативного комитета по созданию ассоциации историков России. Это было «Обращение к историкам России»: «Уважаемые коллеги! В современных условиях, когда на смену имевшим место фальсификациям официальной советской исторической науки пришло откровенное глумление над отечественной историей со стороны части публицистов и профессиональных историков, недавно еще верных оруженосцев руководства КПСС, вопиющая некомпетентность и не знающая пределов тенденциозность в освещении истории как нашего Отечества, так и зарубежных стран, назрела настоятельная необходимость объединения сил профессиональных историков, а также любителей истории. Противостоять натиску на историческую правду и попыткам лишить наш народ исторического сознания, гордости за его историческое прошлое, а также осмыслить трагические страницы истории возможно только объединенными усилиями всех тех, кто остался верен своему профессиональному и гражданскому долгу».

П.В. Волобуев поднял тему исторического сознания народа и заострил ее в направлении тех социальных групп и сил, которые лишают наш народ исторической правды и исторического сознания, гордости за историческое прошлое. Мы вправе говорить не просто об эволюции взглядов академика, а об обрушении его прежних представлений о предназначении истории. История и историки призваны

хранить историческую память народа, а не разрушать ее в научном соперничестве групп и направлений.

Несколько комментариев к терминологии, используемой в этом обращении. Что есть фальсификация истории? От латинского *falsificato* — подделка, сознательное искажение информации, документов, фактов с целью создания ложных представлений, в нашем случае — об истории России. А что есть глумление? Насмешка, издевательство, и вновь над историей России. Павел Васильевич прогнозировал, но не мог до конца оценить тех масштабов фальсификации и глумления над историей Отечества, которые происходили и происходят на наших глазах.

Но важно, что он увидел тягостную тенденцию нового времени России, наступившую в 1991 г. Не мог, конечно, академик предвидеть и бурного расцвета приемов альтернативной истории, хотя и был свидетелем ее рождения, когда авторский, сугубо личный культурологический взгляд на исторические источники, на доказанные научные исторические факты, на факты действительности, находящиеся в створе казусов повседневности, превращаются в точку отсчета для разного рода исторических альтернатив. При этом авторы «альтернативщики», естественно, подстилают соломку, подчеркивая, что они излагают исключительно собственную интерпретацию и читатель имеет право самостоятельно анализировать сведения и события. Такой автор снимает с себя ответственность за любые выводы, которые читатель может сделать. Но, разумеется, сомнения в коварстве автора, втором дне его идеи не возникают только у грудничков. Так буднично торжествует культурология.

«С чужих слов записано верно»

Главное значимое для исторической науки событие, которое произошло в 1991 г., — это разрушение СССР. С этого времени государственные границы имеют не только пространственный, но и культурно-исторический характер. Одни и те же идеи, смыслы блуждают по приграничным территориям, и разобраться в них не всегда просто. Новые государственные границы возникли в одночасье, но готовилось к ним гуманистическое сообщество издалека.

Надо понимать, что еще и до 1991 г. начали накапливаться региональные информационные потенциалы. За последнюю четверть века они превратились в общедоступную информационную среду.

К примеру, по истории Украины она включает общий курс истории, источники, документы, аналитику и т. д. Многообразные базы данных содержат работы культурологов, политологов, публицистов. Если мы присмотримся к научным сообществам нашего ближнего зарубежья по обе стороны государственной границы, то увидим общие черты процесса кристаллизации новых исторических концепций, в том числе и по истории России, Российской империи, СССР.

Таким образом, система государственного гуманитарного образования, резко преобразованная после 1991 г., размещается сразу в параллельную сетевую структуру, а преподаватели, студенты, учителя, учащиеся создают необходимую социальную платформу, становятся активными пользователями сетевого контента, сразу попадают в сетевую ячейку. Инициативная группа в таких случаях не всегда многочисленна. Соотношение героев и толпы — в пользу героев, которых создавали и пестовали многообразные гуманитарные фонды.

Неудивительно, что российская образовательная система, развивающаяся вот уже четверть века в Крыму и Севастополе, испытывает на себе давление социальных сетей. Одновременно многие лидеры сетей, блогеры являются преподавателями вузов Крыма и Севастополя. Так устанавливается в сфере истории тесная связь между крымской культурологией и политологией и исторической наукой современной России. И одновременно история России рассматривается параллельно с украинской историей. Отсюда и значение тех концепций украинской истории, которые распространяются и в системе государственного образования, и в социальных сетях [1, 196].

Здесь не обходится без философии социологического профиля. В многочисленных текстах культурологов Крыма и Севастополя она тесно сплетена с историей в ее альтернативной бытийности. Начинается общим посыпом, что успех сопутствует тем культурам, которые в максимально возможной степени использовали духовный опыт и достижения тех культур, с которыми активно взаимодействовали. Современная Украина предстает в качестве цивилизационного фронтира. Она открыта и Востоку, и Западу. Попросту современная Эллада. Пограничная цивилизация. Особая цивилизация, сложившаяся в том числе в Крыму и Новороссии. Одним словом — Причерноморье. А что по другую сторону? Там Россия, там Тымутаракань. Все

русское предстает в социальных сетях профессуры старухой у разбитого корыта с лицом, которое этнологи называют ласково «деградированным монголоидным типом». Так подготавливается платформа для размещения самых разных концепций. В том числе концепции культурной ассилияции украинцев с викингами в эпоху Киевской Руси. Отсюда интерес у студентов к германским рунам и даже к японской игровой индустрии. Это и размышления об особой роли киевских книжников, которые в XVII в., после вхождения большей части Малороссии в состав Московской Руси, сумели предложить те идеи, которые заложили основу преобразований, приведших к созданию Российской империи. И, конечно, Одесса — культурная столица империи. И украинский язык не нужен, ибо есть прекрасный русский, созданный Григорием Сковородой и поддержанный А.С. Пушкиным. И так далее, и тому подобное. А что в итоге? Креативная проблематика, в которой увязли студенты и которая не оставляет места для российской профессиональной историографии.

И, однако, несмотря ни на что, развитие классического университетского исторического образования России не должно оказаться под влиянием обстоятельств, складывающихся в порубежье. Приспособить трактовку истории к сиюминутным общественно-политическим интересам, связанным с решением нерешаемых задач «умиротворения агрессора», однозначно не получится. Следует прислушаться к советам наших выдающихся историков — академиков Валерия Павловича Алексеева, Ивана Дмитриевича Ковальченко, Бориса Александровича Рыбакова, которые настоятельно рекомендовали обратиться к глубинным пластам нашего наследия, отстоящего от нашего времени на тысячелетия, и развивать, несмотря ни на что, преподавание истории Отечества, выводя эту историю на те исторические рубежи, которые наука истории и прозревает сквозь тысячелетия [3, 110].

Литература

1. Катамадзе Н.Ш., Наумова Г.Р. 25 лет кафедры истории филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе // Традиции исторической мысли. Вып. 14. Материалы научного семинара при кафедре источниковедения исторического факультета МГУ

имени М.В. Ломоносова. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2025. С. 205—230.

2. *Осипов Ю.М.* Сущее и вещее. Собрание актуальных текстов. 2022—2024. М.; Тамбов: ООО «Издательский дом «Тамбов», 2024. 660 с.

3. Традиции и новации преподавания источниковедения, историографии и методов исторических исследований // Труды исторического факультета МГУ. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2023. 250 с.

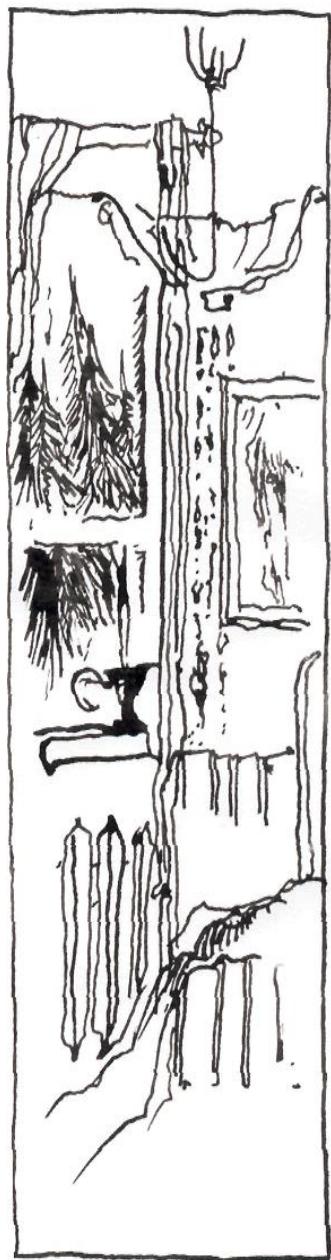
4. «Ты идешь в храм науки...»: Интервью и воспоминания сотрудников Института российской истории РАН / Авт. сост. В.Н. Круглов (отв. ред.), В.В. Тихонов, Ю.С. Филина, М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2021. 480 с.

References

1. *Katamadze N.SH., Naumova G.R.* 25 let kafedry istorii filiala MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole // Tradicii istoricheskoy mysli. Vyp. 14. Materialy nauchnogo seminara pri kafedre istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova. M.: Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr «Etnosocium», 2025. S. 205—230.
2. *Osipov YU.M.* Sushchee i veshchee. Sobranie aktual'nyh tekstov. 2022—2024. М.; Tambov: ООО «Издател'skij dom «Tambov», 2024. 660 s.
3. Tradicii i novacii prepodavaniya istochnikovedeniya, istoriografii i metodov istoricheskikh issledovanij // Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. SPb.: ALETEJYA, 2023. 250 s.
4. «Ty idesh' v hram nauki...»: Interv'yu i vospominaniya sotrudnikov Instituta rossijskoj istorii RAN / Avt. sost. V.N. Kruglov (otv. red.), V.V. Tihonov, YU.S. Filina, M.: In-t ros. istorii Ros. akad. nauk, 2021. 480 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Кончина С.Г. Кара-Мурзы

Умница, просветитель, гражданин, гений! Невосполнимая потеря: сожаление, досада, горечь! И, конечно, память — ПАМЯТЬ!

Химик по основной ученой деятельности, доктор химических наук, профессор, Сергей Георгиевич Кара-Мурза для меня и моих ближайших коллег-сотрудников был прежде всего, конечно же, гуманитарием, причем безо всякого преувеличения выдающимся, великим гуманитарием, не покидавшим, с тщанием занимаясь гуманитарными, обществоведческими, экономическими вопросами, той научно-исследовательской ответственности, с которой привык идти как естествоиспытатель, от-чего его гуманитарные труды всегда отличались скрупулезной обоснованностью, развернутой доказательностью, всесторонней обдуманностью.

Сергей Георгиевич, с которым мне приходилось немало лично общаться здесь, в МГУ, на разных иных площадках в России и за рубежом, в том числе и участвуя в общих разговорных передачах по ТВ, был всегда искренен, правдив, необычайно интересен, а как собеседник — неподражаем! Много доброго можно сказать, да всего тут не скажешь о Сергее Георгиевиче, кстати, по своей родословной восходящем к древнему армяно-крымскому роду, ну, а ныне будучи, конечно, совершенно русским человеком, между прочим ценившим, как никто, величие СССР, да не эмоционально, а доказывая это на фактах, как искренне болея за судьбу России в гнусные, хоть вроде бы и «лихие» 1990-е гг. и далее, уже при развертывании о-очень неоднозначного XXI в. Но вот одно его публичное высказывание середины 1990-х, аккурат на одном из наших МГУ-шных конференционных бдений, его очень характеризующее как человека, ученого и гражданина, не могу не привести: «Нам надо научиться быть эксплуатируемыми!». Каково! Разумеется, сам Сергей Георгиевич был не за это, но именно в это (!) ринулась тогда наша страна, а правда — она и есть правда! С Правдой Сергей Георгиевич жил, за нее боролся, с нею он от нас и ушел! Светлая память!

Ю.М. Осипов

АНОНСЫ — 2025

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура»

Секции:

- Секция 1. Социум в борьбе с антисоциумом.
- Секция 2. Хозяйство и кабала: постэкономики.
- Секция 3. Культура под прессом антикультуры.

**3—5 декабря 2025 г.
(экономический факультет МГУ, смешанный формат)**

3 декабря — пленарное заседание «Событийный калейдоскоп и столбовая дорога перемен» (смешанный формат).

4 декабря — работа секций (смешанный формат).

5 декабря — панельная дискуссия на тему: «Камо грядеши: 2025-й и далее» (смешанный формат).

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

ШТАЙН ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (*shtaynshtayn@gmail.com*).

АСМАНОВ РУТЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, Нальчик, Россия (*r3bizegin@mail.ru*).

КУЧУКОВ МАГОМЕД МУСАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра истории, политологии и философии, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, Нальчик, Россия (*kuchukovm@mail.ru*).

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebvv@gmail.com*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

КОРНИЛОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,

ассистент, кафедра экономической теории, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*lyokha74@mail.ru*).

СУЙЦ ВИКТОР ПАУЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, кафедра учета, анализа и аудита, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*viktor.suyts@gmail.com*).

САПРОНОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
кандидат экономических наук, советник генерального директора, ООО
«Газпром ПХГ», Санкт-Петербург, Россия (sscc-h@mail.ru).

ОРЛОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,
аспирант, экономический факультет, Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия (a.orlovhealthcare@gmail.com).

ЯКОВЛЕВ ЯРОСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ,
студент 3 курса, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (yara.yakovlev@yandex.ru).

ЛЕМЕШОНОК ОЛЬГА БОРИСОВНА,
кандидат экономических наук, научный сотрудник, Центр исследований проблем государственного управления, Институт экономики РАН, Москва, Россия (o.lemeshonok@bk.ru).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,
доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (nrostova@yandex.ru).

ПРОНЧАТОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,
кандидат философских наук, доцент, кафедра истории, философии и социологии, Нижегородский государственный агротехнологический университет имени Л.Я. Флорентьева, Нижний Новгород, Россия (vnpronchatov@yandex.ru).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией, Институт прикладной физики имени А.В. Гапонова-Грехова РАН, Нижний Новгород, Россия (amgorbachev@yandex.ru).

ГЕВОРКЯН АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ,
кандидат философских наук, доцент, кафедра общегуманитарных дисциплин, Международный юридический институт, Москва, Россия (argevorkyan@yandex.ru).

БОБКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
кандидат философских наук, доцент, профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия (iab71@inbox.ru).

СКОКОВ РОМАН ЮРЬЕВИЧ,
доктор экономических наук, ректор, Волжский институт экономики, педагогики и права, Волжский, Россия (rskokov@mail.ru).

БРАТИЩЕВА ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА,
генеральный директор, ООО «Рестомаркет», Москва, Россия
(*el.braticheva@yandex.ru*).

ИВАНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА,
специалист по кадровой работе, ООО «Металлургпроект», Москва, Россия
(*vn_ivanova@mail.ru*).

НАУМОВА ГАЛИНА РОМАНОВНА,
доктор исторических наук, профессор, исторический факультет, МГУ
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*al.nikonof@yandex.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

MARKOV ALEKSANDR VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

SHTAYN OKSANA ALEKSANDROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia (*shtaynshtayn@gmail.com*).

ASMANOV RUTENIY KONSTANTINOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Management, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russia (*r3bizingin@mail.ru*).

KUCHUKOV MAGOMED MUSAEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of History, Political Science and Philosophy, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russia (*kuchukovm@mail.ru*).

BIRYUKOV VITALIY VASIL'EVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*sciencebvv@gmail.com*).

AL'PIDOVSKAYA MARINA LEONIDOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

KORNILOV ALEKSEY MIKHAYLOVICH,

Assistant, Department of Economic Theory, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*lyokha74@mail.ru*).

SUYTS VIKTOR PAULEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor, Department of Accounting, Analysis and Audit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*viktor.suyts@gmail.com*).

SAPRONOV SERGEY NIKOLAEVICH,

Candidate of Economics, Advisor to the General Director, Gazprom UGS LLC, Saint Petersburg, Russia (sscc-h@mail.ru).

ORLOV ALEKSANDR VLADIMIROVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russia (a.orlovhealthcare@gmail.com).

YAKOVLEV YAROSLAV DMITRIEVICH,

3rd year Student, Faculty of History, Moscow State University, Moscow, Russia (yara.yakovlev@yandex.ru).
Moscow, Russia (tssmsu@mail.ru).

LEMESHONOK OL'GA BORISOVNA,

Candidate of Economics, Researcher, Center for Public Administration Research, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (o.lemeshonok@bk.ru).

ROSTOVA NATAL'YA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (nnrostova@yandex.ru).

PRONCHATOV VLADIMIR NIKOLAEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Sociology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University named after L. Ya. Florentyev, Nizhny Novgorod, Russia (vnpronchatov@yandex.ru).

GORBACHEV ALEKSEY MIKHAYLOVICH,

Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Head of the Laboratory, A.V. Gaponov-Grekhov Institute of Applied Physics, Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia (amgorbachev@yandex.ru).

GEVORKYAN ARTUR RUDOL'FOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of General Humanitarian Disciplines, International Law Institute, Moscow, Russia (argevorkyan@yanex.ru).

BOBKOV ALEKSANDR IVANOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia (iab71@inbox.ru).

SKOKOV ROMAN YUR'EVICH,

Doctor of Economics, Rector, Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky, Russia (rskokov@mail.ru).

BRATISHCHEVA ELIZAVETA NIKOLAEVNA,

General Director, Restomarket LLC, Moscow, Russia (el.bratischeva@yandex.ru).

IVANOVA VERA NIKOLAEVNA,

HR Specialist, Metallurgproekt LLC, Moscow, Russia
(vn_ivanova@mail.ru).

NAUMOVA GALINA ROMANOVNA,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (al.nikonof@yandex.ru).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; учennую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппированы внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортанные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. **Подписку** на журнал (6 номеров в год) можно оформить в Агентстве «Урал-Пресс». Индекс — 83115. **ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА (ural-press.ru)**. Со всеми вышедшими с 1999 г. номерами журнала можно ознакомиться в редакции.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые корректизы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.